ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Северо-Кавказского НИИ

экономических и социальных проблем

ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2011. № 1

(январь - март)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований
Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.
ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор
Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины,
Доктор политических и доктор философских наук, профессор **В.П.Макаренко**
Кандидат философских наук, доцент **С.П.Поцелуев** (зам. главного редактора)
Кандидат политических наук **М.С.Константинов** (ответственный секретарь)

Редакционный совет:

Председатель редакционного совета
Доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор А.В.Лубский (Ростов-на-Дону)
Доктор политических наук, доцент А.И.Бардаков (Волгоград)
Доктор экономических наук, профессор В.В.Вольчик (Ростов-на-Дону)
Профессор ординарный, доктор габилитованы Анджей Захариаш (Жешов, Польша)
Доктор политических наук, профессор В.С.Малахов (Москва)
Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ О.Ю.Мамедов (Ростов-на-Дону)
Доктор философских наук, профессор Н.С.Розов (Новосибирск)
Доктор философских наук, профессор В.В.Савчук (Санкт-Петербург)
Доктор исторических наук, профессор В.Н.Ткаченко (Киев, Украина)
Доктор исторических наук, профессор И.М.Узнародов (Ростов-на-Дону)
Доктор философских наук, профессор С.Г.Чукин (Санкт-Петербург)
Доктор философских наук, кандидат психологических наук В.И.Шкуратов (Ростов-на-Дону)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Адрес учредителя:
344006, г.Ростов-на-Дону
ул. Б.Садовая, 105
тел.: (863) 263-31-58 263-84-98
факс: (863) 264-52-55
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к.112
тел.: (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

Содержание

Слово редактора
МАКАРЕНКО В.П. Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства.....4

Национальный и региональный контекст
Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай сегодняшней России (материалы круглого стола).....39
ПРОЦЕНКО Н.П. В поисках вымышленного класса.....82
ТКАЧЕНКО В.Н. Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии.....89
ПОЛИКАРПОВ В.В. Судьба права собственности в поздней Российской империи.....104

Научное сообщество
КОМАРОВА Г.А. Научное сообщество как междисциплинарное поле.....133
В.Е. СЕМЕНКОВ – В.В. САВЧУК Философия от Харбина до Берлина.....151

Переводы и комментарии
ФОКИН С.Л. Перевод как незадача русской философии.....162
МАКАРЕНКО В.П. Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам (реферат книги Stanislaw Andreski. Maxa Webera olsnienia i pomylki. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992).....178
АНДРЕСКИ СТ. Самое уязвимое место: понятие рациональности.....210

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2010 г......236
Наши авторы.....239
Contents.....240
Аннотации.....241
Summaries.....245
К сведению авторов.....248

Слово редактора

ОБСЛУГА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНЫ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

В советском обществоведении тема бюрократии принадлежала к идеологическим табу, хотя бюрократизм критиковался постоянно. Я занимаюсь анализом бюрократии с 1974 года. Для доказательства теоретической и практической важности проблемы я реализовал исследовательскую программу. Она включала следующие задачи: реконструкция подхода К.Маркса и Ф.Энгельса к проблеме бюрократии на всем протяжении их творческой деятельности; выявление аналитического и политического потенциала взглядов В.И.Ленина на проблему бюрократии на всем протяжении его творчества; критический анализ теории бюрократии М.Вебера как составной части его методологии и социологии, оказавшей сильнейшее влияние на современные концепции западных ученых; применение результатов сравнительного исследования марксистского и веберианского подходов к описанию политической истории советского государства; использование выводов проведенного исследования в публицистических целях. Эта программа реализована в 5-ти монографиях и статьях, опубликованных в журналах «Вопросы философии», «Философские науки», «Советское государство и право», «Studia nauk politycznych» и др. Здесь излагаются некоторые результаты моих статей, опубликованные в первом российском энциклопедическом словаре по политологии[1]. Сохраняют ли они эвристическую ценность независимо от политической и идеологической конъюнктуры?

Как обычно, в литературе на этот счет высказывались разные точки зрения – от сдержанных и отрицательных[2] до положительных[3]. Поэтому есть смысл

[1] См. статьи «Бюрократия», «Идеологическая бюрократия», «Политическая бюрократия» и др. в книге: Политология: энциклопедический словарь. Москва, Publishers, 1993

[2] См.: Патрушев А.М. «Расколдованный мир» Макса Вебера. М., 1991; Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. 1994, № 7-8

[3] «Работы В.П.Макаренко сыграли важную роль в теоретическом анализе проблемы бюрократии, что во многом подготовило начавшуюся во второй половине 80-х гг. дискуссию о социальной природе и характере советской бюрократии». См.: Социология в России: энциклопедический словарь. Под ред. В.А.Ядова. Москва,

опять погрузиться в проблематику.

Разработка теории бюрократии

В большинстве энциклопедической, учебной и научной литературы в России и за рубежом термин «бюрократия» используется в трех основных смыслах: система управления, осуществляемая с помощью аппарата, стоящего над обществом и наделенного специфическими функциями и привилегиями; слой людей, связанный с данной системой; «рациональная» система государственного управления. Эти определения отражают некоторые свойства бюрократии и могут использоваться в пропедевтических целях. Но при этом феномен бюрократии рассматривается как частный вопрос политической теории и властно-управленческой практики. Такой подход отражает установки социологического, юридического и политического сциентизма, нормативизма и позитивизма. В результате «рациональная бюрократия» Европы противопоставляется государственным аппаратам других стран. Проблема целостности знания о бюрократии остается в тени. Это затрудняет синтез теоретических и политических аспектов исследования в целях *дистанцирования* теории бюрократии от властно-политических и управленческих процессов и представлений в их пространственно-временной специфике. Для реализации данной цели я разрабатываю теорию бюрократии как предельно деэтатизированную отрасль социально-политического знания, свободную от любых государственных заказов, интересов государственного аппарата, политической коньюнктуры и культурно-цивилизационной специфики.

Определение и принципы исследования. Я определяю бюрократию как социальный организм-паразит на всем протяжении ее существования, отражение социальных конфликтов и материализацию властно-политического отчуждения. Для конкретного изображения бюрократий разных стран существенное значение имеет принцип целостности. Любая бюрократия органически связана с экономическими отношениями, социальной и политической структурой и моделями мира в их пространственно-временной специфике. Анализ бюрократии не сводится к эмпирическому описанию организационно-управленческой, властно-политической и культурно-идеологической сфер общества. Понятия и проблематика теории бюрократии – средство теоретического и практического противодействия обыденным и рафинированным формам проявления политико-управленческих иллюзий. Для познания данных иллюзий ключевое значение имеет диалектика социальных интересов. В социальной жизни иллюзии существуют на уровне отношений, деятельности и сознания. Они воплощены в социальных и политических институтах и формах мышления.

Для описания данных иллюзий я разработал систему понятий «бюрократическое отношение – государственный (властно-управленческий) формализм –

1998, с.529

политический рассудок». Данные понятия определяют структуру и проблематику теории бюрократии. Позволяют описать социальный феномен бюрократии в его целостности и разнообразии экономических, политических и идеологических отношений. В процессе такого описания могут использоваться разные методы социологического и политологического исследования и концепции бюрократии (от Гегеля и Маркса до М.Джиласа и М.Восленского, от М.Вебера до М.Крозье и П.Бурдье). Эвристичность данных методов и концепций определяется тем, насколько они позволяют выйти за пределы критики и апологетики интересов любого государственного аппарата. Эта цель пока не достигнута современным социальным знанием. Причины такого положения вещей я здесь описывать не буду, а только охарактеризую главные понятия теории бюрократии.

Бюрократическое отношение (БО) обусловлено социально-экономически, не зависит от сознания и воли индивидов, определяет их действия и является объективно-субъективным (интерсубъективным). БО – форма проявления конфликтов между госаппаратом и обществом, властью и подданными (гражданами). Эти конфликты не в состоянии постичь члены государственно-управленческих аппаратов, поскольку они являются элементом определенной системы практических и познавательных отношений. Ее основные свойства состоят в следующем:

1. Члены государственных аппаратов (ГА) отождествляют социальную действительность с государством и порядком управления, существующими в условиях данного места и времени. Любое государство в большей или меньшей степени идеализирует государственных служащих. Они ограждаются от господствующей системы экономических отношений и рассматриваются как субъект познания социальных процессов. Например, в современном международном разделении труда «…государственная служба и правительственные ведомства, на которые приходится от одной трети до половины рабочих мест в каждой отдельной стране, всегда ограждены от международной конкуренции»[4]. Из-за этого производительность труда государственных служащих была и остается одной из самых низких во всей истории – при принятии любой системы измерения производительности труда. Это определяет социально-политический статус чиновников. Остальные граждане разделяются на «лояльных» и «нелояльных» в зависимости от меры их согласия и реализации жизненного пути в соответствии с данной иллюзией.

2. Управление государством – это конкретно-историческая форма монополии отдельного слоя людей на политический разум и политическую мораль. В этом слое можно обнаружить все характеристики монополии. Чем большее число людей стремится попасть на государственную службу, тем глубже социальная почва бюрократии и тем более она превращается в «ленивую монополию»[5].

[4] Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Москва, 2000, с.107

[5] Термин «ленивая монополия» используется в современной экономической социологии для обозначения всех национализированных сфер промышленности – транспорта, связи, военно-промышленного комплекса, об-

Для этого создаются официальные системы сбора социальной и политической информации, а также используется комплекс социальных наук. В данных системах всегда отражены частные интересы правительств и государственных аппаратов. Политическая этика чиновника сводится к прямой апологетике существующего государства или к либеральному «улучшению» государственной машины. Ее модификация укрепляет материальные и социальные интересы чиновничества. Формы бюрократического познания определяются данными установками. Они характерны для разных уровней и систем государственного управления, могут быть обнаружены в любых политических системах – от тирании и монархии до республики и демократии.

3. Государственное управление пока не вышло за рамки принципа иерархии, истоки которого коренятся в организации церкви. В переводе с греческого термин «иерархия» означает священноначалие: «Церковная иерархия имеет божественное установление от самого Иисуса Христа и апостолов… Иерархия не может считаться человеческим установлением. Источник ее полномочий лежит не в воле общества, а единственно в воле Основателя церковной жизни»[6]. В результате активность и сознательность граждан отождествляются с государственной службой как «священством» особого рода. Анализ и оценка социальной действительности становятся правом высшего уровня иерархии. В его сознании и действии усиливаются стереотипы бюрократического познания. Поэтому системы государственного управления всегда исключают себя из числа причин социального неблагополучия. Они обычно усматриваются в явлениях природы, приватной жизни и случайностях социального развития. Тем самым вина за социальные конфликты возлагается на природу и общество, а не на государство. В свою очередь, граждане и низшие уровни управленческой иерархии переносят такую вину на вершину. Аппарат управления – элемент связи государства с обществом. Но в результате таких процедур государственный аппарат исключается из сферы научного анализа или же анализ выступает в формах политико-административного нормативизма, эмпиризма и сциентизма.

4. Эти установки отражаются в писанных системах государственного права и административных традициях (которые М.Вебер совершенно необоснованно считал «рациональными»). В их состав обычно входят: установленные законы и принципы управления; установленные системы сбора и обработки социальной информации (сеть государственных ведомств, создаваемых с большей или меньшей степенью властного произвола)[7]; идеологические концепции (консерватизм, либерализм, социализм, марксизм) и вытекающие из них правовые идеологии; система официальных социальных наук, поскольку она отражает интересы различных звеньев государственной машины. Чем дольше воспроиз-

разования и т.д. В этих сферах обычно занята научно-техническая и гуманитарная интеллигенция.

[6] Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. Москва, 1995, т.1, с.578-579

[7] Сравнительный анализ такого произвола в процессе создания государств Европы и Российской империи дан в книге: Сергеевич В. Русския юридическия древности. СПб, 1902, т-1-2

водство систем государственного права и административных традиций, тем больше степень бюрократизации права, управления, идеологии и социальной науки.

5. Все ранее описанные свойства отражаются в разных вариантах официальных историографий. В них отражена преимущественно история государств, а не обществ, народов и культур. С помощью историографии контролируется прошлое, а система социальных наук используется для контроля настоящего и будущего. В результате происходит легитимизация пространственно-временной специфики государств и присущих им аппаратов управления. Концепции легитимности обычно скрывают проблему непредвиденных последствий деятельности политических элит и госаппарата. Для этого используется комплекс юридических наук.

БО ведет к тому, что управление государством начинает базироваться на следующих неписанных правилах: существующие законы и принципы управления признаются «совершенными» или «подлежащими совершенствованию»; задача госаппарата – применение данных законов и принципов к действительности; высшие и низшие уровни связаны иерархией доверия и знания. Если хотя бы один государственный служащий руководствуется описанными свойствами БО в своей деятельности и поведении, то властно-политические структуры извращенно воспринимают действительность. Тем самым они способствуют ухудшению положения в обществе.

Для нейтрализации критики указанных познавательных и этико-политических установок государства обычно пользуются институционализованными и неинституционализованными формами борьбы с обществом. К ним относятся: насилие; официальная и неофициальная цензура; бюрократизация дискуссий по социально-политическим проблемам; жалоба. Эти формы детально описаны в моих книгах.

БО в целом порождает разные формы сакрализации (идеализации) государств, правительств и госаппаратов, способствует деполитизации граждан. Все указанные феномены выражаются в государственном формализме.

Государственный формализм (ГФ) – это превращение целей индивидов, групп и общества в задачи государственных учреждений и наоборот. Система государственных учреждений в истории государств формировалась более-менее самостоятельно. По мере их создания материальные интересы служащих связывались с фактом существования и формами регламентации деятельности данных учреждений, а не с социальными целями. Этим объясняется властно-бюрократическое преобразование социальных целей.

Социальная почва ГФ – формы собственности (индивидуальная, групповая, частная, общественная, смешанная), социальное и профессиональное разделение труда. В любом случае возникает госаппарат из множества должностей. Они были и остаются собственностью правительств, которые обращаются с ними по праву владения, пользования, распоряжения и уничтожения. Поэтому

государственные аппараты есть политическая форма естественного (биологического, животного) состояния человеческого общества – «войны всех против всех». Они ведут явную и скрытую войну с обществом. Для маскировки состояния социальной войны могут использоваться разные религиозные и светские идеологии. Речь идет о христианских концепциях государства как «града земного» и «дела кесаря», либеральных концепциях welfare state, консервативных концепциях государства как гаранта порядка и безопасности, марксистских концепциях государства как орудия классового господства, националистических концепциях государства как носителя «национальной идеи» и т.п. В нормативно-оценочных системах отражаются эти иллюзии. ГФ соединяет иллюзорные формы отражения действительности с формами политического строя и охватывает исполнительную и законодательную власть, процессы становления общественного мнения, выработки и пропаганды идеологий.

Я детально проанализировал влияние ГФ на указанные сферы и на этой основе конкретизировал исходное определение бюрократии. Это – совокупность слуг правительства в экономике, социальной структуре, политике и идеологии. Государственная служба есть воспроизводство традиционных (родо-племенных, рабовладельческих, феодальных) отношений личной зависимости в политической сфере[8]. Государство может служить обществу лишь в той мере, в которой госаппарат совершенно свободен от БО и ГФ. Но таких государств никогда и нигде не было. Если индивиды и группы материально (формы собственности), профессионально (монополия определенных сословий на государственную службу), территориально и духовно (разнообразные геополитические и идеологические концепции) связаны с государством, то их политическая культура не свободна от перечисленных стереотипов и порождает определенную форму политического сознания и действия.

Политический рассудок (ПР) – следующая категория анализа бюрократии. ПР – это форма мышления, которая отражает становление БО и ГФ по мере образования государств. Эта форма генетически связана с лингвистической новацией Возрождения – появлением понятия raison d'etat для обозначения «государственного разума» и «государственных интересов» (что одно и то же).

Ф.Бродель показал, что данное понятие возникло в процессе противоборства Испанской и Османской империй в районе Средиземноморья в эпоху их наибольшего могущества. Raison d'etat отражал одни и те же процессы: появление класса государственных чиновников; феномен торговли государственными должностями; развитие конфликта между центром и периферией; использование финансов и кредита для достижения государственных целей. Обе империи не смогли справиться с данными процессами и потому рухнули[9].

[8] К этому выводу я пришел в конце 1970-х гг. в результате чисто теоретического анализа. В последнее время стали появляться сравнительно-исторические исследования, подтверждающие обоснованность такого вывода по отношению к истории всех государств, включая Россию. См.: Хелли Р. Холопство в России. 1450-1725. Москва, Academia, 1998

Ж.Минуа показал, что термин raison d'etat возник в результате влияния иезуитов на совесть европейских королей в период Контрреформации. По сути дела понятие «государственного разума» и «государственных интересов» отражало секуляризацию и восхваление войны. В результате интерес короля стал рассматриваться как единственный критерий справедливой войны, а право войны и политического своекорыстия стало основанием так называемых «государственных интересов»: «Со второй половины XVII в. термин reason d'etat стал магическим лозунгом, позволяющим самые вопиющие несправедливости прикрыть заслонкой, которую никому не разрешается поднять»[10].

Социальная история и религиоведческая компаративистика подтверждают, что ПР есть дериват представления о raison d'etat, которое в русском языке обычно выглядит как некие «высшие государственные соображения». ПР определяется материальными интересами индивидов и социальных групп и претендует на всеобщность. Это выражается в квалификации государства как деятельного выражения общества и фетишизации властно-политической деятельности. На теоретическом уровне фетишизация выражается в квалификации власти как волевого отношения (одна из самых распространенных концепций, с которой я полемизирую во всех работах). А на уровне практики ведет к переплетению политического мышления с бюрократическим. Политическое отчуждение (ПО) воплощает единство обоих уровней.

В состав ПО входят: отношения собственности и разделение труда; кровнородственные связи и солидарности; разделение социального бытия на городскую и сельскую формы; разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную; государственные налоги, займы и долги; социальные и политические свойства чиновничества; мононациональный (нация-государство) и многонациональный (империя) характер государства; типы вооруженных сил, политической полиции и управленческого аппарата; способы переплетения традиционного господства и подчинения с политической властью; регламентация экономики и октроированная система государственных финансов; формы соединения и нейтрализации противоположных интересов разных социальных общностей; системы международного права как предпосылки бюрократизации международной политики в деятельности дипломатических агентств; вербальные и невербальные формы политического языка. ПО – тотальная характеристика истории и общества, хотя и зависит от специфики политических систем.

Таким образом, проблема эффективности государственного управления может рассматриваться с учетом общих свойств БО, ГФ, ПР и ПО. Если управленческие процессы не отделены от производства материальных и духовных ценностей, то появление данных свойств возможно, но проблематично. Едва управление превращается в особую сферу деятельности, все указанные свойства становятся органической частью политических и властно-управленческих

[9] См.: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморской мир в эпоху Филиппа II. Часть 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги. М., Языки славянской культуры, 2003, с.443-508

[10] Minois G. Church and War. London, Free Press, 1979, p.265

процессов. В этом случае конструирование моделей «эффективности управленческого труда» становится особым направлением научных, правовых, политических и организационно-управленческих идеологий. Все они учитывают лишь отдельные моменты бюрократического «целого» в зависимости от *произвольной* категоризации фактов и ценностей.

Управленческая деятельность может квалифицироваться как разновидность «абстрактного труда» (К.Маркс), «формальной рациональности» (М.Вебер), «субстанциальной рациональности» (К.Мангейм), «информационализма» (М.Кастельс) и т.д. Во всех случаях речь идет о попытках теоретиков решить вопрос: почему управленческая деятельность не создает ни материальных, ни духовных ценностей, но ее сфера расширяется по мере трансформации общества вместе с ростом сферы услуг (различные концепции «постиндустриального общества»)? Я предлагаю анализировать эту проблему в контексте теории бюрократии как универсальной социологической теории. Мера ее эвристичности определяется *возможностью противостояния* любым формам экономического, социального, политического и идеологического отчуждения в конкретных обстоятельствах места и времени. Однако эта возможность пока еще не реализована ни в одной социальной системе. Трагедия всех предшествующих революций и реформ состояла в том, что они способствовали росту бюрократии. Следовательно, БО, ГФ, ПР и ПО относятся к любым обществам и государствам в мирные и революционные периоды развития. Указанные категории образуют *общую часть* теории бюрократии и могут быть применены к анализу социальной и политической истории всех государств.

Особенная часть теории бюрократии – конкретизация исходных категорий в зависимости от специфики политической истории стран. Историография, юриспруденция и комплекс социальных наук любой страны могут селекционироваться по степени свободы от составных частей бюрократии. Такая свобода - недостижимый идеал, поскольку историография, юриспруденция и социальные науки подвержены влиянию общих свойств мышления и действия государственных аппаратов и сами (в большей или меньшей степени) являются их частью. Но по сравнению с историей других стран историю своей страны изучать легче. Госаппарат (ГА) Российской империи, Советского государства и Российской Федерации может служить моделью для конкретизации главных категорий теории бюрократии.

В цикле моих работ описаны различные аспекты российской политической традиции, сформулированы принципы исследования ГА России, изучена специфика бюрократического вмешательства в экономику и социальную структуру, охарактеризован национальный тип государственных служащих царской России, СССР и современной России. Показано, что главные направления русской экономической и политической мысли XIX-XX вв. не смогли освободиться от идеи регламентации экономических и социальных процессов.

Уже после реформы 1861 г. Российская империя *соединила* функцию наибольшего эксплуататора населения страны с функцией контролера остальных эксплуататоров. Это выразилось во множестве связей между ГА и капиталом: наличие наибольшего (по сравнению с остальными государствами мира) государственного сектора экономики, который включал многочисленные предприятия, целые отрасли хозяйства и государственные банки; государственные заказы на производство определенных товаров вели к одностороннему развитию отдельных сфер промышленности, ориентирующихся на удовлетворение потребностей государства, а не рыночного спроса; непосредственная деятельность государства в организации транспорта, больших предприятий и банков, переход собственности фирм-банкротов во владение государства; отсутствие свободы действия промышленных капиталистов, вытекающее из многочисленных административных ограничений и признания особых привилегий незначительного числа фирм; система государственных заказов как средство развития больших предприятий; финансирование больших предприятий и банков из государственного бюджета; антикризистая деятельность государства и сотрудничество с отдельными капиталистами в организации монополий; переход государственных чиновников в управление большими промышленными предприятиями. Все это создавало материальные и организационные предпосылки для бюрократизации экономики[11].

Результаты исторических исследований я использую для выделения ГА России в особый предмет исследования, позволяющий конкретизировать общие категории теории бюрократии. Детально описаны следующие феномены: подход ГА к определению и решению социальных проблем; природа государственной статистики; концепция официального процветания общества; роль либеральной концепции прогресса в обосновании казенного славословия; главные характеристики ГА России и их отражение в деятельности законодательной, исполнительной и судебной власти, уголовной и политической полиции, вооруженных сил, дипломатических и других ведомств; социальные и политические характеристики российских юристов. Все эти явления сильнейшим образом повлияли на политику и идеологию Российской империи и Советского государства.

Политическая бюрократия и интеллигенция России

Накануне первой мировой войны Россия была страной высокоразвитого государственного капитализма. Но в ее социальной структуре возрастал класс *властителей-собственников,* унаследовавший все свойства российского государственного феодализма. Это привело к тому, что уже в начале XIX в. Россия

[11] См.: Бовыкин В.И., Гиндин И.Ф., Тарновский К.Н. Государственно-монополистический капитализм в России // История СССР. 1959, № 3

начала *опережать* страны Европы в росте бюрократии[12]. Одновременно увеличивался класс российской буржуазии, связанный с ГА.

В условиях российского капитализма с отсталым сельским хозяйством в капиталистическом секторе было легче обогатиться. Члены ГА укрепляли свое политическое положение за счет роста собственности. А экономика зависела от их решений. Поэтому в экономической истории России взятка (наряду с прибылью и земельной рентой) стала новой формой прибавочной стоимости. Чем больше русский капиталист хотел обогатиться и одновременно не желал давать взятки чиновникам, тем высшим политическим положением он должен был обладать. Русские капиталисты были вынуждены либо становиться членами ГА, либо входить в клики и кланы (так называемый «высший свет»), составленные из властвующей бюрократии. Это обусловило принципиальное отличие социальной структуры России от социальной структуры стран классического капитализма.

В России на рубеже XIX-XX вв. сложилась суперклассовая структура: класс распорядителей средствами насилия включал чисто авторитарный слой ГА и класс властителей-собственников; класс капиталистов включал властителей-собственников и чисто буржуазный слой. К чисто авторитарному слою принадлежали царь с ближайшим окружением (которое не следует путать с царской семьей, члены которой тоже использовали свое положение для личного обогащения) и часть ГА (армия, уголовная и политическая полиция, дипломатические ведомства), которая не имела доступа к экономическим решениям. Класс властителей-собственников увеличивался за счет чисто буржуазного слоя. Таким образом, политическая бюрократия (ПБ или правительство) включала в свой состав чисто авторитарный слой ГА и класс властителей-собственников.

Эта характеристика имеет непосредственное отношение к ГА царской, советской и нынешней России и порождает следующие свойства ее ПБ: необъективность при отражении социально-экономической реальности; эмпиризм и оппортунизм; административно-политический волюнтаризм и идеализм; властно-административный прагматизм (не имеющий ничего общего с философским прагматизмом); отсутствие политической инициативы и эпигонство политического мышления; индивидуально-групповой макиавеллизм как господствующий тип политической морали (не имеющий ничего общего с искусством управления государством). Эти свойства выражаются в *искусстве внутренней дипломатии.*

Выражение *искусство внутренней дипломатии* я использую для анализа российских «революций сверху», периодов перехода от реформ к реакции, от революции к контрреволюции. Речь идет о следующих действиях, претендующих на политическое и даже *судьбоносное* значение.

---

[12] См.: Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996, № 4

Вначале публикуется правительственный документ (манифест, декрет, указ) о незыблемости режима, существовавшего до реформ. Параллельно производятся перемещения на высших уровнях власти. На пост, связанный с выработкой внутренней политики, назначается лицо, обладающее способностями демагога и пользующееся репутацией «нейтрального», «центриста» и т.п. Демагог через СМИ поддерживает политические иллюзии населения.

Для этого используется эклектическая социально-экономическая и политическая концепция. В ней реформаторские, консервативные и реакционные установки ПБ переплетены с интересами властителей-собственников и связанных с ними социальных групп. Для политических демагогов идейно-политические традиции своей и других стран образуют «склад» таких концепций. В зависимости от коньюнктуры может использоваться любая из них в самых причудливых сочетаниях с остальными. Поэтому отношение ПБ к истории духовной и политической культуры всегда утилитарно (опять-таки этот утилитаризм не имеет ничего общего с концепцией И.Бентама).

Затем начинается период обработки общественного мнения. То, что раньше было или казалось «неприемлемым», становится содержанием СМИ и образует *временно-официальную идеологию.* Для поддержки содержащихся в ней иллюзий осуществляются вербальные и символические преобразования.

Одновременно приводятся в боевую готовность вооруженные силы и карательные органы. Их роль в политической системе усиливается. Параллельно в СМИ начинается борьба с временно-официальной идеологией. Особенно с теми людьми, которые отстаивают последовательность и радикальность социально-политических преобразований.

ПБ всегда стремится сохранить за собой монополию на использование и толкование любой идеологии, утилизирует краткость политической памяти населения, заполняя ее калейдоскопом мнимых политических событий.

По мере осуществления всех указанных действий наступает эпоха контрреволюции и реакции. В любой «революции сверху» в истории России можно обнаружить комбинацию указанных действий.

Суть *искусства внутренней дипломатии* – игра с общественным мнением, поддержка политических иллюзий и осуществление любых изменений в стране лишь в той степени, в которой они укрепляют господство ПБ и ГА. В этом качестве данное искусство входит в состав политического мышления правительства.

Политическое мышление правительства – это множество субъективных и институционализованных мнений членов государственной машины, претендующих на «объективность». Мнимая объективность обусловлена господством государства над обществом и всеми свойствами БО, ГФ и ПР. С одной стороны, данная форма мышления не зависит от опыта, сознания и воли правительств, существующих в любых странах в пространственно-временной определенности. Эта форма универсальна и присуща всем государственным аппа-

ратам. С другой стороны, она зависит от административной карьеры лиц, образующих правительства разных стран. Особенности данной карьеры определяют специфику правительственного отражения социально-политической реальности.

Если члены правительства на предшествующих этапах карьеры были членами ГА, то во всех направлениях государственной политики отражаются общие свойства БО, ГФ и ПР. Отсюда вытекает ряд общих следствий деятельности правительств: запаздывание в реакции на события; стимулирование одних и подавление других социальных тенденций; использование любых фактов и событий для манипуляции общественным мнением; зависимость политической памяти правительства от искусства внутренней дипломатии предшественников; понимание политики как деятельности, протекающей в официальных государственных учреждениях; размножение учреждений в целях мнимого «укрепления» государства, поскольку на деле вместо государства укрепляются позиции различных отрядов ГА; использование классических принципов и современных приемов политического и духовного господства; создание социальных групп и целых классов, материально зависимых от правительства; преобразование данных групп в постоянный электорат, на который правительство делает ставку в процессах модернизации; деполитизация населения с помощью превращения эмоций, символов и персон в «постоянно действующий фактор» социальной войны; выработка таких программ социальных преобразований, которые ведут к усилению господства государства над обществом; использование интеллигенции для внедрения в массы идеи социального перфекционизма. В частности, стремление к личному и социальному «совершенству» связало русскую интеллигенцию с имперской, советской и современной бюрократией России.

Существует тесная связь между идеологическим и бюрократическим мышлением. Ориентиром практической деятельности становится долженствование. На его основе конструируются идеалы социального развития. Они создаются путем сложения «хороших» и вычитания «дурных» сторон действительности на основе морально-политических предпочтений интеллигенции и бюрократии. Эта процедура воплощается в радикально-бюрократических и умеренно-бюрократических программах социальных преобразований. В обоих случаях критерием отбора «хорошего» и «дурного» в социальной жизни является произвол интеллигента и бюрократа. В результате комплекс социальных наук подчиняется потребности оправдания настоящей или будущей системы власти. Формы воплощения произвола разнообразны: стратегии, программы и тактики достижения социальных идеалов; отношение к населению страны как к объекту деятельности и источнику ресурсов для достижения идеалов; убеждение в особой миссии интеллигенции; монополия бюрократии и интеллигенции на истину в последней инстанции; вербовка сторонников на основании критерия количества и эпигонства мышления и действия; отождествление идеально-целеполагающей стороны человеческой деятельности с практикой в целом; отстаивание концеп-

ции тождества мышления и бытия в ее философско-идеологических и политико-административных формах и т. д.

Указанные феномены образуют принципы деятельности идеологической бюрократии, сформировавшейся в России на рубеже XIX-XX вв. и превратившейся во властителей-идеологов Советского государства. Политическая эмиграция из России (от А.Герцена до А.Солженицына и А.Зиновьева) претендовала на ту же самую роль в государстве. Поэтому эмиграция не выработала никаких принципиально новых политических концепций по сравнению со всеми описанными стереотипами мышления.

Авторитарно-бюрократические тенденции русских революций

Я использую общую и особенную часть теории бюрократии для анализа революционного процесса, его влияния на политическую динамику Советского государства и развитие событий в посткоммунистической России. При этом анализируются следующие проблемы: структура авторитарно-бюрократических тенденций революций; влияние консерватизма на революционный процесс; причины укрепления бюрократии при социализме; теоретические и политические аспекты сталинизма; общие и особенные свойства режима личной власти в России; ленинско-сталинская модель политических споров; дискуссии 1920-х гг. о возможности построения социализма в одной стране; проекты и практика социалистической индустрализации; отношение между политикой и культурой в 1920-е гг.; философские дискуссии рубежа 1920-1930-х гг. и их влияние на становление советской идеологической бюрократии; отношение между репрессиями и идеологией; социально-психологические характеристики советского режима; специфика сталинской версии марксизма; роль Коминтерна в укреплении советского режима и развязывании второй мировой войны; отношение между сталинизмом и троцкизмом; война и послевоенные дискуссии; особенности советской философской и логической культуры; дискуссия о социальной природе советской бюрократии.

Обсуждение данных проблем предполагает критическое отношение к трем историческим идеологиям России – ленинизму, социал-демократизму и либерализму. В каждой из них содержится оценка Февральской и Октябрьской революций 1917 г. Эта оценка не дает возможности адекватно описать авторитарно-бюрократические тенденции русских революций. В состав оценки входят бессмысленные утверждения.

Ленинизм включает три основных догмы: 1. По сравнению со странами Запада царская Россия была отсталой страной. В ее социальной структуре преобладало крестьянство, а капитализм только развивался. Помещики-дворяне были господствующим классом, а Российская империя выражала их интересы. 2. Процесс развития капитализма привел к Февральской революции – буржуазной по социальному содержанию. 3. В результате Февральской революции Рос-

сия вошла в состав капиталистических стран, но оставалась наиболее отсталым государством Европы и самым слабым звеном мировой системы капитализма. Это облегчило подготовку и проведение Октябрьской революции – социалистической по содержанию. Рабочий класс во главе трудового народа свергнул власть буржуазии для того, чтобы установить социалистические производственные отношения.

Догмы Ленина тиражировались в советской историографии, системе социальных наук и пропаганде на протяжении трех четвертей века. Они до сих пор мешают понять тот факт, что партийно-государственный аппарат СССР был *суперклассом* (сосредоточившим в своих руках экономическое, социальное, политическое и идеологическое господство), а не «новым классом» (М.Джилас), «номенклатурой» (М.Восленский), «выдвиженцами» (М.Левин), «менеджерами» (Д.Бернхем) или «технокультурократией» (Д.Белл), которая осуществила модернизацию страны. Ленинские догмы все еще питают идеологические «рационализации», которые выработал класс тройного господства и от которых не свободны ученые.

Если считать царскую Россию «отсталой» по сравнению со странами Запада, то кто-то обязан был взять на себя роль «погонялы» социально-исторических преобразований. Тем самым обосновывается господство государства (компартии как вершины его социальной и политической иерархии) над населением страны. В соответствии с такой логикой, государство должно развиваться *быстрее* для того, чтобы обеспечить развитие общества. Тем самым рост бюрократии получает идеологическую санкцию. А если считать отсталость значительной, то советская держава (по примеру Ивана Грозного и Петра I) *получает право применять чрезвычайные меры во имя прогресса.* Тем самым обосновывается рост военно-репрессивного аппарата.

Если эти меры применяются не «по назначению» (после 1934 г., когда репрессии пали на большевиков, обсевших как мухи все звенья аппарата), всегда сохраняется возможность истолковать их как «личную вину» Сталина, о тяжелом характере которого предупреждал «сам Ленин» в политическом завещании. Благодаря мудрости коммунистической партии, «ошибки и извращения» были устранены. Теперь не надо никого «догонять и перегонять». А надо развиваться «равномерно и гармонически» в направлении коммунистического общества. В соответствии с теорией Маркса и ее творческим развитием в трудах Ленина и постановлениях очередных партийных съездов. Ведь Ленин «доказал», что в отсталой стране буржуазная революция может «перерасти» в социалистическую…

Обе тенденции можно обнаружить в истории Советского государства.

Социал-демократизм включает две догмы: 1. Царская Россия была отсталой страной, а Февральская революция была буржуазной. Но именно по этим причинам, а также из-за слабости российского пролетариата, не надо было осуществлять «социалистический переворот». Лучше было бы сотрудничать с бур-

жуазией в сфере экономики для эволюции капитализма в сторону социализма. 2. Постепенное перерастание капитализма в социализм в России уже бы произошло (по аналогии с развитыми странами Запада), если бы не ошибка большевиков в 1917 г. Именно они закрыли пути для «истинного социализма» в России. Перевели стрелку в «исторический тупик» с магистрали «закономерного исторического развития».

Нетрудно увидеть, что ленинизм и социал-демократизм базируются на одних и тех же постулатах: социализм как общественно-экономическая формация следует за капитализмом; переход к социализму – дело рук рабочего класса; свое преимущество перед капитализмом социализм должен доказать в сфере *экономики*. Различие ленинизма и социал-демократизма относится к стратегии политического действия. Но и оно несущественно, поскольку обе стороны согласны с Марксовым мифом о пролетариате как «освободителе всего человечества».

Либеральная догма обходит вопрос о сути Октябрьской революции. Либералы считают, что группа профессиональных революционеров просто захватила власть при особом стечении исторических обстоятельств (война, бездарность Керенского, происки Германского Генштаба, политический талант Ленина и т.д.). Однако захват власти – рядовое историческое событие. Правда, большевики захватили власть в огромной стране. И потому последствия захвата наложили отпечаток на всю историю XX в. Великая держава приняла большевистскую идеологию в качестве официальной. С этого момента «проблемы коммунизма» сводятся к международному влиянию СССР, а не к «борьбе классов». В результате захвата власти большевики лишили Россию «выбора», тогда как Февральская революция (завершившая противоборство либералов с самодержавием) такой «выбор» предоставила. Россия была «дикой и отсталой». Только в ней большевики нашли поддержку и начали «социальный эксперимент». В «состоятельных и просвещенных» странах Запада он немыслим. Эти страны уже давно «рационально» решают социальные проблемы методом «частичных улучшений».

Ленинские, социал-демократические и либеральные догмы широко распространены в современной историографии, социальных науках и публицистике[13]. К тому же по этим вопросам нет существенного различия между отечественными социальными науками, эмигрантской рефлексией и зарубежной советологией[14]. В чем причины такого сходства?

Во всех случаях мы имеем дело с определенной философией истории и вытекающей из нее программой социального переустройства, которая принимается или отвергается. Если программа принимается, то устанавливается телеологическая связь актуального состояния общества с Социализмом (Коммунизмом)

[13] См.: Согрин В.Г. Идеология и историография в России: нерасторжимый брак? // Вопросы философии. 1996, № 8

[14] См.: Малиа М. Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997, № 5

– социальным идеалом и конечной точкой истории. По сравнению с «потоком богатств» в предполагаемом коммунизме их было немного в царской и советской России. И всегда меньше, чем в развитых странах Запада. То же самое можно сказать о реальных человеческих отношениях и уровне повседневной культуры в царской и советской России.

Запад выполнял роль промежуточной точки отсчета в ленинской и социал-демократической мысли. У либералов место социализма (коммунизма) занимает Капитализм – эффективная рациональная система стран Запада, лишенная социальных болезней. Все указанные направления мысли не выходят за рамки телеологической схемы: Социализм (Коммунизм) – Запад (Капитализм) – Россия (царская, советская или современная). В этой схеме – на пути к Социализму или Капитализму как социальному идеалу – Россия всегда остается «в хвосте исторического похода»…

Правда, «поход» происходит в мозгах идеологов с обеих сторон баррикады. Телеологическая схема ведет к *территориальному противопоставлению* Запада и России, которое сложилось задолго до появления ленинцев, социал-демократов и либералов. В постсоветской России эта схема сохранилась. Но теперь она нагружается культурно-цивилизационными, религиозными, геополитическими, ментальными и прочими характеристиками – в зависимости от фантазии авторов. В результате отечественная политическая мысль, историография и социальная наука оказались отброшенными на двести и больше лет назад. Это объясняется тем, что противоборствующие стороны обходят методологическую проблему о *соотношении фактов и ценностей* в социальном познании и политике.

Например, западная советология сконструировала концепт «тоталитаризма», а официальная советская идеология оперировала понятием «реального социализма». При этом одни и те явления (официальная идеология, система террора, одна массовая партия, контроль над СМИ, контроль над вооруженными силами, централизованная экономика) оценивались с противоположным знаком. Но ни советские идеологи, ни основатели и адепты «теории тоталитаризма» не пользовались понятием «суперкласса» при анализе советской системы. Данное понятие фиксирует сущностную стратификацию советской системы - постоянное применение насилия к населению страны. В теоретической модели будущего социального устройства насилие квалифицировалось как «повивальная бабка истории» (К.Маркс). Отсюда Ленин вывел понятие «диктатуры пролетариата», а Советская власть применила диктатуру на практике. Следовательно, все другие свойства «реального социализма» или «тоталитаризма» можно объяснить посредством их выведения из материальной монополии «суперкласса» на средства насилия.

Иначе говоря, теоретическая проблема не сводится к фактографии. Теория объясняет сущность, а фактография – существование указанных свойств. Существование материальной, организационной и духовной монополии «суперклас-

са» советского общества известно давно из работ публицистов и историков. Как суждение о фактах оно просто банально. Но можно ли монополию на средства насилия считать сущностью систем, называвших себя «социалистическими», и объяснять их только на основании данной монополии? Если на вопрос ответить положительно, то теорию Маркса надо квалифицировать как разновидность теории насилия, а Бисмарка (а не Ленина) считать первым марксистом… Ложность такого вывода не нуждается в доказательстве. Значит, суть споров о теории и практике социализма не сводится к фактам и тенденциям, а к их интерпретации.

То же самое можно сказать о «теории тоталитаризма». Сторонник исторического материализма будет считать главным свойством «тоталитаризма» централизованное руководство экономикой. Сторонник институционального подхода к обществу – систему террора. Сторонник идеализма – наличие официальной идеологии. Адепт теории насилия – монополию контроля над СМИ, вооруженными силами и экономикой. Тем самым любые теоретические ориентации помещаются в рамки «тоталитарного синдрома». Но именно этот факт доказывает теоретическое убожество концепции «тоталитаризма».

Между тем именно политическая бюрократия способствует популяризации теоретически бесплодных концепций. Теоретик не обязан идти по этому пути. Теоретик сам накладывает на себя «вериги» категориального аппарата и языка науки, которой он занимается. Чисто эмпирическая ориентация снимает различие между научной и политико-бюрократической интерпретацией фактов, событий и тенденций. Значит, нет существенных различий между теориями «реального социализма» и «тоталитаризма». Ленинская, социал-демократическая и либеральная мысль не в состоянии строго сформулировать проблему бюрократии и описать авторитарно-бюрократические тенденции русских революций во всей их сложности и многообразии. При таких установках проблема бюрократии рассматривается как частный вопрос социальной теории и практики. А веберовская концепция – как образец «рациональной организации общества», в котором бюрократия выполняет функцию управления[15].

Я не согласен ни с концепциями «реального социализма» и «тоталитаризма», ни с концепцией М.Вебера и его последователей. Анализ множества конкретных проблем, указанных выше, позволяет заключить: на протяжении XIX – начала XX вв. в истории России причудливо смешивались государственный феодализм, государственный капитализм и государственный социализм. В результате такого переплетения Россия уже в начале XX в. *обогнала* страны Запада в создании госаппарата, объединяющего в своих руках власть, собственность и идеологию. Лишь после кризиса рубежа 1920-30-х гг. «отсталый Запад» начал вмешиваться в циклы коньюнктуры, превращать государство в субъект экономического развития, широко применять контроль над частной собствен-

[15] См.: Левинсон А.Г. Термин «бюрократия» в российских контекстах // Вопросы философии. 1994, № 7-8. В данной статье моя концепция бюрократии критикуется как раз на основании описанных посылок.

ностью, обеспечивать переход государственных чиновников в состав менеджеров корпораций и фирм и наоборот и т.д. Эти методы царская Россия широко применяла уже в конце XIX в. Они были только усилены на протяжении всего периода «социалистического строительства», а сегодня еще более «совершенствуются» за счет непосредственного соединения насилия с рынком[16]. Первоначально такое соединение возникло на уровне государственного аппарата.

Все социальные и политические системы есть господство меньшинства над большинством. В итоге «социалистического строительства» в России меньшинство общества сосредоточило в своих руках средства и ресурсы, которыми не располагало ни одно меньшинство в истории. Обычно классы распорядителей средствами производства (собственники), насилия («государственные мужи») и индоктринации (попы, идеологи) были разделены. У них были определенные общие интересы. Это облегчало их союзы против класса трудового народа – создателей материальных и духовных ценностей, которые были лишены всех средств одновременно. И все же существуют различия между экономической эксплуатацией, физическим (политическим) насилием и духовным господством над людьми. Это порождало барьеры между указанными классами. В СССР эти барьеры были сняты. Возник класс властителей-собственников-идеологов.

Я уже анализировал количественные и качественные характеристики, социальные и политические трансформации данного класса на протяжении последнего десятилетия[17]. Эти трансформации пока не разорвали сложившиеся в предшествующей истории России связи между властью, собственностью и идеологией. Продолжается воспроизводство общих и особенных характеристик российской бюрократии. Они получают юридическое оформление. Например, в ныне действующем «Законе о государственной службе Российской Федерации» воспроизводятся все элементы БО, ГФ и ПО. Под таким углом зрения можно анализировать всю систему и структурные звенья современного российского законодательства. Для обоснования такого подхода я разрабатываю теорию оппозиции и легитимности.

Разработка теории оппозиции

В 1990-е гг. в России и других странах СНГ шло формирование политической оппозиции. Появились новые партии и движения. В парламентах возникли группы и фракции. Происходила поляризация политического сознания групп населения, оформлялась политическая «прописка» прежних и новых СМИ, си-

[16] См.: Волков В.В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства // Полис. 1998, № 5; Он же. Ценности и нормы нелегальных силовых структур // Журнал социологии и социальной антрпологии. 1999, № 3

[17] См.: Макаренко В.П. Групповые интересы и властно-управленческий аппарат (к методологии исследования) // Социс. 1996, № 11; 1997, № 7; Правительство и бюрократия // Социс. 1999, № 2

стематически проводились выборы в разные органы власти и т.д. Однако становление оппозиции в бывших странах «реального социализма» идет с трудом.

Я начал разрабатывать эту проблему еще в период существования СССР. Специфика моего подхода – использование теории бюрократии для анализа методологических, содержательных и политических аспектов оппозиции. Суть дела состоит в том, что нынешняя власть в России и других государствах СНГ использует сложившиеся в советское время связи власти, собственности и идеологии. Значит, можно исходить из признания данной власти нелегитимной. Перспективы становления оппозиции зависят от того, насколько она сможет разрушить эти связи. Причем, не только в государственном аппарате, но и в аппаратах множества существующих партий. Политические процессы в России после 1991 г. лишь качнули, но существенно не изменили систему власти-собственности-идеологии, конфронтационное политическое мировоззрение и авторитарно-бюрократические методы управления обществом. Происходит срастание новых политических партий и общественно-политических движений со сложившейся структурой власти. Этот процесс можно рассматривать как частный случай бюрократизации политических систем. В России законодательные органы власти являются марионеточными и широко пользуются методами насильственно-манипулятивного воздействия на общество. Бюрократия попрежнему диктует свою волю, не несет никакой ответственности перед населением страны[18]. Формальная оппозиция воспроизводит бюрократические методы политической деятельности. Выборы и парламент не изменили систему БО, ГФ и ПО. Главная проблема политического развития России – создать такую политическую оппозицию, которая позволяла бы противодействовать данной системе. Для этого политическое недоверие должно быть направлено на политическую систему в целом – ее экономические, политические и идеологические основания.

Однако в России пока господствует другая точка зрения: оппозиция – это патология, а не норма политической жизни общества. Такая точка зрения глубоко укоренена в политической культуре и истории страны[19]. В результате оппозиционная деятельность смешивается с «антигосударственной», хотя на протяжении XX в. государство в России (Российская империя и СССР) уже дважды было разрушено бюрократией, соединившей в своих руках отношения «власти-собственности». При либеральном толковании оппозиции ее стремятся свести к политическим силам и группам, признающим основные принципы существующей политической системы, и исключить из политической жизни группы, высказывающиеся за ее полное изменение.

Это толкование неприменимо к политическому развитию России. Прежде всего потому, что нынешний ГА России на 80-90% состоит из экономической, политической и идеологической бюрократии СССР. Глупо надеяться на изме-

[18] См.: Чумиков А.Н. Насилие меньшинства как следствие несовершенства современной политической системы в России // Социс. 1996, № 4

[19] См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995

нение системы «тройного господства» с помощью такого аппарата. Наследники советского «суперкласса» создают, толкуют, применяют и изменяют законодательные акты в своих интересах. Следовательно, нельзя считать формально-юридическое толкование оппозиции достаточным.

При формально-правовом подходе к проблеме смешиваются два вопроса: следует ли легализовать оппозицию? можно ли признавать оппозиционной деятельность, связанную с нарушением законов? В обоих случаях возникает проблема *различия между политикой и правом*. Это различие обостряется в период трансформации политической системы. Всякая монополия власти на толкование данного различия ведет к господству власти над законом. При этом надо учитывать, что на протяжении XX в. в странах Запада существовали коммунистические партии, которые ставили своей целью полное изменение политических систем данных стран. Тем не менее эти партии квалифицировались как оппозиция. Но в данных странах не существовало системы «тройного господства». В России эта система образует политическую традицию и реальность сегодняшнего дня. Следовательно, в состав политической оппозиции следует включать только те социальные движения и политические партии, которые ставят своей целью *полный разрыв системы «власть – собственность – идеология».* Правда, в России таких движений и партий еще нет. Но доказательство на основе прошлого опыта не является доказательством в строгом смысле слова (принцип Юма).

Кроме того, смешивание оппозиции с «антигосударственной деятельностью» базируется на властно-бюрократическом произволе. В результате снимается *различие идеологии и права* как господствующей правовой идеологии, системы установленных законов и порядка их применения. В России длительное время господствовала правовая идеология, обосновывающая приоритет государства над гражданами, власти над законом. Она прекрасно уживалась с самодержавной и с советской властью. Возрождение и пропаганда «евразийства» и «атлантизма» в нынешней России показывает, что геополитические концепции обосновывают тот же самый приоритет. На этих основаниях невозможно обеспечить развитие политической оппозиции в указанном смысле слова.

Смешивание правовой идеологии с системой установленных законов выражается в широком и узком толковании оппозиции. В первом случае ее представители попадают в разряд политических противников со всеми вытекающими последствиями. Во втором случае различия в политических взглядах служат основанием для репрессий.

Я считаю, что оба толкования надо отбросить без сожаления, поскольку они были «реализованы» до и после революций 1917 г. А сегодня они воспроизводятся в деятельности властно-управленческого аппарата России. Его члены традиционно смешивают собственную причастность к ГА с государством как формой политической организации общества. Советская власть длительное время пыталась воплотить в жизнь фикцию государства, в котором нет

никаких политических различий между гражданами и социальными группами. А репрессивная политика обслуживала эту фикцию. Правда, закулисный конфликт различных звеньев государственной машины (партийный аппарат, армия, органы госбезопасности и МВД, дипломатические ведомства, технократия) всегда существовал, а в последнее время еще более усилился. Однако любое звено считало *нормой* переплетение власти с собственностью и идеологией. Этим объясняется и нынешняя «ожесточенность» политических дебатов, которые почти не несут никакой содержательной нагрузки, хотя нередко заканчиваются дракой[20].

Следует учитывать также, что нынешнее «размежевание» юридического сословия и органов прессы является мнимым. Три поколения советских юристов и журналистов воспитаны в условиях господства власти над законом и идеологической унификации. Сегодня они передают свой «опыт» наследникам. Наследники из среды финансово-промышленных кругов тоже отстаивают связь власти и собственности. А большинство населения страны считают эту связь нормальной. Таким образом, становление политической оппозиции затягивается.

Почва для нее уже имеется. Социологически доказаны различия между мнениями социальных и электоральных групп о месте России в мировом сообществе и выражением данных мнений в политической структуре; политическими ориентациями центра и провинций, столичной и региональной бюрократии с явно обозначившейся тенденцией скрыть эти ориентации[21]. Значит, политическая оппозиция не является «антигосударственной силой» и не тождественна несогласию социальных групп с курсом правительства. Если учитывать уроки истории СССР, то даже из самых суровых репрессий вытекает вначале моральная, а затем политическая оппозиция. Если правительство не желает ее радикализации, оно обязано терпимо относиться ко всем проявлениям реальной политической дифференциации и отказаться от навязывания собственной точки зрения через СМИ. Требуется публичная полемика с людьми, не согласными с курсом правительства и основаниями существующей политической системы. Система «власть – собственность» связывает нынешнюю систему с советской властью. Все политические силы, высказывающиеся за полное или частичное воспроизводство данной системы, не могут быть квалифицированы как оппозиция.

К ней ближе те элементы российского политического менталитета, в которых власть квалифицируется как неопределенная, вездесущая и дьявольская сила[22]. Этот фольклорный стереотип в XX в. нашел наиболее скорбное подтвер-

---

[20] См.: Плуцер-Сарно А. Государственная Дума как фольклорный персонаж // Логос. 1999, № 9

[21] См.: Родоман Б.Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. Социальная трансформация постсоветского пространства. Москва, Аспект-Пресс, 1996; Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. 1995, № 4; Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. Москва, 1996

[22] См.: Макаренко В.П. Российский политический менталитет // Вопросы философии. 1994, № 1, с.38-39

ждение. Поэтому определение оппозиции не может быть оценочно-нейтральным, как предлагают позитивистски-ориентированные «мудрецы» из состава закордонных и отечественных политологов. Политическая оппозиция не обязана отдавать преимущество определения ситуации в стране правительству, всем звеньям законодательной, исполнительной и судебной власти, политическим партиям и избирательным блокам. Ведь ни один из указанных элементов политической системы не свободен от БО, ГФ и ПО. Значит, их оценка ситуации ни в коем случае не может быть преобладающей и господствующей. Этот момент особенно важен в период изменений политической системы, когда обычные демократические критерии большинства и меньшинства теряют свою силу.

Политическая оппозиция – это группы и движения, которые действуют организованно для того, чтобы отнять власть у правительства и передать ее другой политической силе. Специфика российской ситуации в том, что потеряли силу обычные критерии легальности и нелегальности[23] из-за переплетения теневой экономики с политической коррупцией[24]. По сути дела, эти выражения скрывают традиционную российскую связь власти, собственности и идеологии. Формирование политической оппозиции может начинаться с попыток теоретического описания данной связи и всех ее многообразных следствий для прошлого и настоящего России. Цель оппозиции – передача власти. Методы – организованные политические акции, ограниченные неприменением силы в тех пределах, в которых силовые структуры не вмешиваются в политику. Однако в государствах с сильным авторитарным прошлым (к ним относится и Россия) такое вмешательство стало правилом. Поэтому мера вооруженности оппозиции есть лишь отражение вмешательства силовых структур в политическую жизнь.

По формам действия можно выделить конституционную, политическую и конспиративную оппозиционную деятельность. Под «конспиративностью» имеется в виду спектр власте-собственнических и власте-идеологических связей, которые стремятся скрыть правительство, бюрократия, партии и теневые структуры. По этим основаниям противодействие курсу правительства локализуется внутри ГА. Аппарат всегда склонен действовать скрыто, придавая собственным действиям видимость конституционности. Без борьбы с этой тенденцией невозможно создать новую политическую ситуацию.

Передача власти другой группе – определяющий, но не единственный признак оппозиции. Противоборствующие силы обычно удерживают или захватывают власть для того, чтобы навязать населению страны определенную политическую доктрину, развить политическую концепцию и реализовать политиче-

[23] Под «нелегальностью» я имею в виду тот факт, что ни правительство, ни региональные органы власти, ни политические партии и избирательные блоки не раскрывают источников своего финансирования. Видимо, эта ситуация должна быть устранена путем разработки, принятия и применения соответствующего закона. Ясно, что эта инициатива ни у кого ни вызовет восторга…

[24] См.: Форум: теневая экономика и политическая коррупция в обществах переходного типа (афро-азиатские страны и Россия) // Восток. 2000, № 1-3

скую программу. Однако прошедшее десятилетие показало, что ни одна из противоборствующих сил не в состоянии предложить доктрину, концепцию и программу, свободную от интересов разных звеньев бюрократии и удовлетворяющую элементарным логическим и политологическим критериям[25]. Следовательно, в России идет борьба за власть, но нет политической оппозиции.

Постсоветская бюрократия обладает своими интересами, стремится стать над противоборствующими силами и сохранить за собой монополию на власть независимо от изменений политической коньюнктуры. Поэтому вместо оппозиции развивается лоббизм. Причем, все ныне существующие в России группы давления на правительство сложились при советской власти[26]. Большинство из них находятся внутри аппарата. Они стремятся воздействовать на правительство в соответствии со своими корпоративно-групповыми интересами для модификации политики в выгодном для них направлении. Тем самым усиливается бюрократизация политического процесса. Все группы давления предпочитают пользоваться бюрократическими методами подбора кадров и персональными перестановками во всей структуре ГА. Еще ни одна группа давления не перешла открыто в ранг политической оппозиции. Крайне примечательно, что некоторые российские юристы обосновывают «законность» отечественного лоббизма со ссылкой на США[27]. Это лишний раз доказывает политическое недомыслие и верноподданность юридического сословия России.

Правительство тоже не собирается отдавать добровольно государственную машину в другие руки. Оно предпочитает действовать с помощью рутинных методов политической игры, используя для этого СМИ. Поэтому политическую оппозицию надо отличать от борьбы за власть внутри правящих групп, сращенных с государственной машиной. Эта борьба издавна ведется на вершине политической иерархии. Следствия тоже давно известны.

Политическую оппозицию надо отличать также от аморфной и распыленной *критики*, характерной для России, но слабо связанной с публичной политической деятельностью. Критика – это не оппозиция, поскольку большинство форм критики вписываются в БО. К тому же полновесной социальной критики в России пока не сложилось. Связь власти с собственностью и идеологией создала множество барьеров на пути реализации трех главных задач социальной критики: выставлять на всеобщее обозрение ложные условности российского общества; выражать наиболее глубокие идеи о должном социальном устройстве; показывать все формы существующей социальной лжи. Связи современной российской интеллигенции с традициями социального недовольства практически прерваны. Из-за этого процветает национально-народная апологетика. Население страны пока не способно занять критическую позицию в отношении государства и народа одновременно, остается пленниками и инструментами

[25] См.: Элементы теории политики. Ростов-на-Дону, Изд. РГУ, 1991, с.187-204
[26] См.: Лоббизм в России: этапы большого пути // Социс. 1996, № 3-4
[27] См.: Малько А. Лоббизм // Общественные науки и современность. 1995, № 4

власти[28]. А мельтешащие на политической сцене лица не имеют никакого «политического характера» (в смысле М.Вебера) – т.е. не способны к выдвижению оригинальных политических идей. При таких условиях перспективы политической оппозиции остаются крайне неопределенными.

Следует проводить также различие между политической оппозицией и *гражданским сопротивлением* – различными формами публичного неповиновения власти. Традиция гражданского сопротивления в современной России почти безвозвратно утеряна, хотя ее теоретическая реконструкция и легитимизация уже началась[29]. По крайней мере, после гражданской войны население страны еще не выходило самостоятельно на политическую сцену. Поэтому возможность преобразования социальной критики (в указанном смысле слова) и гражданского сопротивления в организованное политическое действие остается открытой

В современной литературе отсутствие социальных движений в современной России квалифицируется как «величайшая тайна» и объясняется следующим образом: «В истории социальные движения были железным правилом, приводя в действие механизм социальных изменений. Наследие советского коммунизма является наиболее значительным в современной истории исключением из этого правила. Социальные движения были второстепенным фактором российской реформы как революции сверху, вышедшей из-под контроля. Парадокс усиливается отчетливой политической пассивностью, терпимостью российского населения к страданиям, причиненным трансформацией, к реализации циничной эксплуатации новыми «демократическими» спасителями, криминализации сегментов экономики и государства, национальному унижению и нескончаемому предательству их надежд. Россияне не соблазняются популистскими призывами слегка обновленных коммунистов и не доверяют неолиберальным экономистам – поклонникам Пиночета. Однако социальные движения не вырастают лишь на основе боли, страдания и угнетенности. Это почва для мятежа, но не для движения. Российское население в целом слишком образованно, чтобы взорваться без учета последствий своего восстания. В итоге индивидуальные и групповые стратегии выживания являются более приемлемым средством в ситуации, когда мир не может быть изменен…Пока способность людей генерировать новые идеалы не восстановится, не будет и социальных движений, а без них Россия не восстановится. Нынешнее обилие неправительственных организаций в России может стать прообразом новых форм социального изменения. Надо уловить, как россияне генерируют новые идеалы и как эти идеалы становятся источниками альтернативным форм общества»[30].

---

[28] См.: Уолцер М. Компания критиков. Социальная критика и политические пристрастия XX века. Москва, Идея-Пресс, 1999, с.339

[29] См.: Ватлин А.Ю. Сопротивление диктатуре как научная проблема: германский опыт и российская перспектива // Вопросы истории. 2000, № 11-12

[30] Кастельс М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России. 2000, № 1, с.49-50

В России в настоящее время существует аморфная масса партий, напоминающая партийную структуру России после февраля 1917 г. Комплекс политических концепций и программ данных партий тоже не отличается оригинальностью. Извлечение из сундука всей этой партийно-идеологической ветоши происходит в обществе с радикально изменившейся (по сравнению с началом XX в.) технико-экономической, аграрно-урбанистической и социальной структурой. Зато связь власти с собственностью принципиально не изменилась. Поэтому все элементы БО, ГФ и ПО охватывают правительство и противоборствующие политические силы. Правительство стимулирует власте-собственнические тенденции во всей структуре управления страной. Тем самым оно сознательно сужает социальную базу оппозиции. В ней остались одни политиканы и их идеологическая обслуга. Оппозиция в современной России стала целью самой по себе. Превратилась в трамплин для политической карьеры лиц, слабо связанных со структурой социальных и политических потребностей населения. Правительство манипулирует СМИ для трансляции патерналистско-советского стереотипа: потребности населения будут удовлетворяться по мере выполнения «правительственных программ». Даже оппонентам, пытающимся играть роль «оппозиции», оно навязывает состязание обещаний и программ, ни одна из которых не выполнена. Транслируются также все остальные элементы искусства внутренней дипломатии. Происходит бюрократизация новых партий и избирательных блоков. Этот процесс начался еще до распада СССР. Новые партии формировались под контролем прокуратуры, МВД, КГБ и аппарата КПСС. Они полностью заимствовали властно-собственнические и властно-идеологические связи, характерные для данных структур.

Правовые условия деятельности оппозиции состоят в следующем: 1. Принцип строгого отличия политических противников от критически настроенных людей. Только тот может считаться оппозиционером, кто хочет и действительно является таковым. 2. Принцип открытых дверей должен обеспечивать нормальную жизнь всем людям, занятым оппозиционной деятельностью. 3. Законы не должны толковаться применительно к обстоятельствам борьбы между правительством и оппозицией.

Хотя юридическое оформление данных условий не составляет труда, их практическое соблюдение относится к сфере возможного, а не действительного. Серия убийств лидеров рабочего движения и журналистов подтвердила справедливость тезиса Ж.Сореля: выступать за соблюдение «прав человека» значительно легче, нежели противодействовать произволу конкретного «хозяина» или «директора» предприятия или целого ведомства. Дифференцированный подход к уголовной политике в целях противодействия властно-собственническим отношениям на уровне производственных предприятий и ведомств пока еще образует «белое пятно» отечественной и мировой юстиции[31].

[31] См.: Хеффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства. Москва, Наука, 1994

Если судить по опыту демократических государств, оппозиция в них давно стала элементом бюрократической структуры. То же самое произошло в России. Поэтому «оппозиция» в той форме, в которой она существует в стране, заслуживает еще более критического отношения, нежели правительство и бюрократия. Для противодействия этому процессу я разрабатываю теорию легитимности.

Исследование проблемы легитимности

Социальные и политические науки России на рубеже XX-XXI вв. находятся в трудной ситуации. Требуется отбросить все наследство бывшей официальной идеологии, которая глубоко пропитала содержательную, понятийную и методологическую структуру социогуманитарного знания. Одновременно надо выработать противоядие от коррумпированной, коммерциализованной и пропагандистской западной политологии, которая в большинстве случаев выполняет в политических системах западных государств ту же функцию, которую в СССР выполнял «научный коммунизм» с его многочисленными ответвлениями. Не менее актуальной является задача противодействия различным формам консервативно-архаического возрождения российской идеологической и символической ветоши. Она нисколько не помогает разобраться во множестве современных проблем и является просто воспроизводством сталинской ксенофобии в новых условиях. Каждая из указанных тенденций существует в современной России. В целях критического отношения к ним я предлагаю рассматривать проблему легитимности в контексте выводов из теории бюрократии и политической оппозиции.

По этой теме я опубликовал в 1993 г. статью, на основе которой в 1996 г. была опубликована книга «Легитимность политической власти: методологические проблемы и российские реалии». В ней рассматриваются следующие вопросы: кризис власти как глобальная проблема современности; система политических иллюзий и властно-управленческий традиционализм; феномены истощения идей и политического недоверия; сила и легитимность власти; реальная власть и официальная легитимность; объекты, типология и аргументация легитимности. Кратко опишу главные результаты исследования.

Кризис власти как глобальная проблема современности. В 1960-1970-е гг. на Западе появились работы, в которых отмечалось, что кризис власти есть глобальная проблема современного мира. Симптомы кризиса были зафиксированы во всех капиталистических, социалистических и развивающихся странах. В развитых странах Запада развивалось несколько тенденций: упадок идеологии и институтов welfare state; нарушение связей между экономической и политической системами; рост этнического и религиозного сепаратизма; экологический и энергетический кризис. В итоге рухнула вера в государство как защитника и опекуна общества.

Те же самые тенденции (с определенными модификациями) возникали в социалистических и развивающихся странах. Переход от государства диктатуры пролетариата к общенародному государству привел к изменению формы государств и падению коммунистических режимов. Экономическая необходимость децентрализации, введения рынка и дифференциации доходов противоречили эгалитаризму как элементу официальной идеологии и массовой психологии. Принцип неприкосновенности границ имперского и колониального периода усилил этнический, национальный и религиозный сепаратизм. Бюрократизация, коррупция, родственно-земляческие связи стали обычной практикой советского режима и развивающихся государств. Традиционные и новые политические элиты широко пользовались отсутствием строго определенных правил в борьбе за власть. Насилие стало повседневной практикой развивающихся и социалистических стран. Системы образования и воспитания отставали от потребностей экономического и социального развития и становились дисфункциональными.

Таким образом, недоверие к любым политическим системам, институтам и руководителям – общая тенденция современного мира, включая Россию. Значит, легитимность надо рассматривать в этом контексте.

Система политических иллюзий и властно-управленческий традиционализм. В результате исследования бюрократии я пришел к выводу о принципиальном различии между верноподданным и гражданином. Верноподданный – это индивид, готовый признать истинным все, что говорило высшее лицо (генсек или президент) или группа (правительство) вчера, вещает сегодня и будет бубнить завтра. Гражданин всегда ставит под сомнение любое высказывание и решение официальных лиц и структур. В лучшем случае они признаются как один из возможных вариантов дальнейшего развития событий.

Советская власть систематически искореняла это различие, стремясь превратить граждан в верноподданных. Она использовала все экономические, политические и идеологические средства для выработки у населения страны убеждения: находящиеся у власти люди имеют полное право ее осуществлять. Проблема легитимности считалась вымыслом буржуазного права и принадлежала к идеологическим табу. Но указанное убеждение нисколько не отличается от традиционных представлений о власти. Для их обоснования использовались ссылки на «законы истории», классическая теория демократии, бихевиористская модель отношений между властью и гражданами, идеологические и политические обещания, трансформированные религиозные убеждения, интерналистские и экстерналистские установки личности, иерархический и групповой конформизм, технократические иллюзии и т.д. Системы законодательства, оплаты труда, ценообразования, государственных налогов и займов, распределения жизненных благ, образования и воспитания, подготовки руководящих кадров и пр. базировались на отождествлении интересов общества и государства, монополия на выражение которых принадлежала правительству. Обще-

ственный порядок толковался как обязательное подчинение госаппарату. Призывы к патриотизму обеспечивали добровольно-принудительную отдачу силы, труда, денег и других средств населения в руки государства. Призывы к единству прав и обязанностей скрывали подчинение личности государству в экономической, социальной, политической и идеологической сферах.

Эти элементы легитимизации советской власти включали следующие основные средства: насилие, материальные блага, организационно-управленческая эффективность власти, привычка и апатия населения. В трудах автора детально описано каждое из них. На этом основании подвергается критике распространенное (на Западе и в России) *отождествление* легитимной власти с экономической и организационно-управленческой эффективностью власти, а также с послушанием граждан. Разобраны главные аргументы в пользу такого отождествления. В их основании лежит идея этатизма. Она обосновывает внутреннюю деполитизацию всех сфер социальной жизни и социальных групп и обеспечивает изоляцию государства от внешнего влияния. В итоге управление государством приобретает форму безальтернативности, в состав которой входят следующие методы: 1. Официальная государственная идеология и связанный с ее разработкой и пропагандой идеологический аппарат обосновывает необходимость движения общества в одном направлении. 2. Ликвидация всех контридеологий и кругов интеллигенции, предлагающих другие способы видения будущего и настоящего и методы решения социальных проблем. 3. Перфекционизм - пропаганда представления о том, что существующий социальный порядок является лучшим из возможных, а органы государственной власти обеспечивают его сохранение и воспроизводство.

Данная схема политического мышления и действия транслирует стереотипы традиционных обществ. Власть в них опирается на убеждение в «естественном» характере существующих социальных отношений, которые осознаются как единственно возможные. Эта схема противостоит сознательному консерватизму, который оперирует принципом «Я должен жить так, как жили мои отцы и деды». Данный принцип возникает тогда, когда уже появляется возможность выбора разных путей индивидуального, группового и общественного развития.

Эмпирические исследования этих стереотипов мышления и поведения сложны, поскольку нужно выявлять то, что люди не осознают (или скрывают). Если такие стереотипы проявляются во властно-управленческой сфере, происходит деполитизация самих политиков. Возникает сфера *мнимо-политических решений* – бессознательной политической манипуляции. В ее состав входят: переоценка (недооценка) масштаба политических действий; приписывание положительных следствий только определенным политическим действиям, а негативных – факторам, независимым от действующего субъекта; сосредоточенность на позитивных и пренебрежение негативными последствиями действий; ограничение дискуссии о путях решения социальных проблем только одним вариантом, который квалифицируется как лучший из возможных; блокировка ин-

формации, которая не соответствует избранному варианту решения; упрощение образа социально-политической ситуации, схематичность и односторонность восприятия; пренебрежение к факторам, которые могут помешать реализации избранного варианта решения.

Все эти познавательно-практические процедуры порождаются БО и затягивают политические решения. Мнимо-политическим является любое решение, направленное на подавление альтернативных подходов к социальным проблемам. С помощью такой политики стремление к изменениям подавляется на фазах подготовки, принятия и реализации решения. Вся история царской и советской России есть цепь таких решений, из-за чего страна безнадежно отстала от Европы, США и Японии, а вскоре отстанет и от Китая.

Безальтернативные решения влияют на отношение центра и периферии и все направления внешней политики государства. Они ведут к постоянному росту затрат на ВПК и полицейско-репрессивный аппарат. Насилие, материальная обеспеченность и политическая пассивность населения, организационно-управленческая эффективность аппарата власти и управления не гарантируют стабильность государства и не могут считаться критерием легитимности. Перспективы становления легитимной власти в России зависят от того, насколько реальная власть сможет преодолеть всю систему описанных иллюзий. Поскольку они транслируются, недоверие к правительству и аппарату управления следует считать *нормальным* состоянием общества. Никакая власть не заслуживает абсолютного доверия и не может быть признана абсолютно легитимной. Недоверие должно быть направлено на политическую систему в целом – ее экономические, социальные, политические и идеологические основания, а не на отдельных представителей власти, политический курс правительства и политические институты. Если этого нет, проблема легитимности не может быть строго сформулирована.

Реальная власть, частичная и официальная легитимность. Веберовская теория легитимности канонизировала договорные концепции власти, подробный разбор которых содержится в моих книгах и статьях[32]. Теории общественного договора недостаточно обоснованы эмпирически, логически и методологически, а Веберовская теория типов господства и легитимной власти является ложной. Факт состоит в том, что никакая прошлая и современная государственная власть не смогла освободиться от БО, ГФ и ПО. Поэтому при обсуждении проблемы легитимной власти я исхожу из концепции К.Ясперса, который зафиксировал тотальную вину государственной власти[33]. Он выделял уголовную, политическую, моральную и метафизическую вину, которые в равной степени относятся к властвующим и подвластным. Уголовная вина состоит в нарушении правил человеческого общежития и установленных законов. Политическая вина заключается в ответственности каждого человека за преступления полити-

[32] См.: Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия: критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, изд. РГУ, 1988

[33] См.: Ясперс К. Вопрос виновности // Знамя. 1994, № 1

ческого режима, существующего в данной стране. Моральная вина включает любую форму поддержки такого режима. Метафизическая вина вытекает из бездействия человека, когда рядом творятся преступления.

Данная концепция подтверждается опытом существования политических режимов XX в., включая СССР. Поэтому концепцию К.Ясперса можно использовать для строгой формулировки проблемы легитимности. Речь идет о *презумпции виновности любой власти*. Этот тезис аргументируется следующими соображениями: властные отношения тяготеют к концентрации единовластия и только сопротивление индивидов и групп данной тенденции приводит к конкретно-историческим формам властвования; общество и власть не совпадают по определению до тех пор, пока их отношения разворачиваются в политической системе координат; идеал народовластия никогда и нигде не был реализован, а механизмы его воплощения в жизнь до сих пор представляют сложную теоретическую и политическую проблему; любой приходящий к власти индивид и группа подменяют интересы общества собственными представлениями на этот счет; парадокс власти в том, что идеально народная власть вправе рассчитывать на доверие к ней, но народ может рассчитывать на идеальную власть только при постоянном недоверии к властвующим.

Презумпция виновности власти – это ситуация, когда любой представитель власти воспринимается критически, а само стремление к ней вызывает устойчивое подозрение со стороны общества. Этот феномен выражается в противоречии между юридическим толкованием и методологией познания легитимности. Юридический аспект проблемы сводится к различию понятий легальной и легитимной власти. Легальность – это юридическое обоснование законности (прерогатив, ресурсов и методов осуществления) законности политической власти. Легитимность – это признание необходимости (оправданности) политической власти со стороны индивидов, социальных групп и общества в целом. Легитимность не может быть навязана обществу самой политической властью и ее идеологами, хотя такие попытки осуществляются постоянно. Легитимность есть мера добровольного признания власти, субъективного выражения согласия сторон властных отношений. Эта мера вытекает из единообразия (многообразия) политических традиций, нравов, установок, политической культуры конкретных стран и регионов.

Юридический подход явно или неявно подменяет феномен легитимности вопросом о легальности (конституционности) власти. Однако никакая конституция не свободна от БО, ГФ и ПО. Поэтому юридический подход не дает возможности систематически описать все конфликты между властью и гражданами. Появление в XX в. юридической социологии (при любом ее понимании) фиксирует ограниченность любых систем права. Однако от такой ограниченности не свободны и методология познания легитимности. В большинстве случаев эта проблема толкуется как частный вопрос политической теории и практи-

ки. Темы вины (ответственности) власти и презумпция ее виновности при этом не затрагиваются.

Легитимность можно сравнить с кредитом доверия, который подвластные дают властвующим, а также государству как форме политической организации. Властвующие и государство в целом – это постоянные должники общества. Но кредит доверия не должен превышать критической точки, за которой кредитор попадает в зависимость от должника. Постоянная передвижка этой точки и связанные с ними конфликты (внутри государств и международные) фиксируют меру такой зависимости. Если кредит доверия постоянен, власть имеет большую свободу действий. Она может совершать больше ошибок, предлагать непопулярные решения и даже выдерживать давление со стороны других государств без роста социальной напряженности, конфликтов, восстаний и революций.

При анализе проблемы легитимности Ю.Хабермас, С.Липсет, Р.Дал, М.Хайслер, Б.Ховет и др. пишут о положительной оценке, моральном одобрении и поддержке гражданами существующей политической системы. В принципе, с таким подходом можно согласиться. Но его надо радикализировать в соответствии с презумпцией виновности власти. Из понятия легитимности надо исключить насилие и страх перед возможностью его применения, материальное благосостояние общества, организационно-управленческую эффективность власти и политическую пассивность граждан. Легитимность – это такое состояние политической системы и всех ее элементов, когда они признаются и одобряются всеми гражданами на том основании, что обладают политической правотой и научной истиной. Однако критерии политической правоты и научной истинности были и останутся дискуссионными. Поэтому ни одна из политических систем прошлого, настоящего и будущего не является абсолютно легитимной и не заслуживает полного доверия. Социальные движения, оппозиционные и революционные партии – необходимые элементы легитимности. Легитимация власти – это процесс постоянного завоевания доверия граждан, а не навязывания им экономикоцентристских, кратоцентристских и идеократических убеждений и методов под угрозой применения силы.

Такую угрозу Вебер считал главным критерием легитимной власти. Моя концепция позволяет отбросить данный критерий и выдвинуть тезис о *частичной легитимности* любой власти и политической системы, из которого вытекает правомочность гражданского сопротивления. Такой подход позволяет указать следующие направления анализа: степень согласия граждан с аргументами, которыми пользуются властвующие и стремящиеся к власти группы; степень публичного и приватного самооправдания власти; процессы обретения и утраты легитимности.

Анализ указанных проблем позволяет сформулировать понятие *официальной легитимности*. Это – множество индивидуальных и коллективных субъектов, транслирующих, высказывающих, пропагандирующих и навязывающих

гражданам аргументы в пользу оправдания прошлой, настоящей и будущей власти. Главным из них – обоснование приоритета власти над законом и отождествление легальности и легитимности.

Цепь понятий «политическое недоверие – презумпция виновности – частичная легитимность – официальная легитимность» может служить основанием для создания теории легитимности, которая по посылкам и результатам не сводится к обслуживанию интересов какой бы то ни было власти. Существуют следующие *объекты легитимации*: общественный строй, государство, политическая структура, политические программы, политические решения, международные союзы, политические вожди и лидеры. Каждый из этих объектов может быть рассмотрен на теоретическом и конкретно-историческом уровнях, включая историю Советского государства. Это позволяет уточнить Веберовскую типологию традиционной, рациональной и харизматической легитимации.

Легитимизирующие аргументы могут рассматриваться как элемент авторитарно-бюрократических тенденций русских революций, описанных в теории бюрократии. В их состав входят телеология, достижения и успехи, способность к руководству и патриотизм.

Телеология имеет особое значение для легитимации власти. Хилиазм и связанные с ним представления о будущем всегда были присущи радикальным движениям. Аргумент от будущего стал одним из основных аргументов оправдания советской власти. Этот аргумент занимал центральное место в концепции социализма, поскольку его строительство рассматривалось как исходный пункт и главная цель коммунистического движения. Легитимация от будущего существовала в трех формах: обещания «светлого будущего»; утверждения о революционной исторической миссии рабочего класса; ссылки на законы развития общества.

Эти формы легитимации использовались на всех этапах существования СССР. Особенно сильный акцент на легитимацию от будущего был сделан в третьей программе КПСС, в которой определялись конкретные сроки наступления «светлого будущего». Концепция «развитого социализма» была следствием осознания нереальности поставленных целей. Она сняла различие между настоящим и будущим в соответствии с принципом: «Решая проблемы сегодняшнего дня, мы вступаем в день будущий». Были поставлены более конкретные задачи – равновесие сфер народного хозяйства, гармоническое развитие социализма, осуществление хозяйственной реформы, продовольственная программа, жилищная программа и т.д. Но ни одна из этих задач тоже не была выполнена. Поэтому легитимация от будущего может рассматриваться как мера утопичности идеологии и политики.

Революционная легитимация тесно связана с предыдущей формой. При этом революция рассматривается как главное средство достижения конечной цели. Суть такой легитимации сводится к утверждению: великая цель оправдывает все средства, включая насилие, нарушение законов и политическую непо-

следовательность. Революционная легитимация противостоит легальной легитимации, которая базируется на соблюдении установленных законов. В политической истории СССР роль революционной легитимации постепенно слабела, зато сохранялась революционная фразеология[34]. В любом случае она оправдывала необходимость ограничения демократических права и свобод, выдвигая интересы «социалистического государства» в число ведущих. А толкование этих «интересов» было монополией правящик клик на вершине власти и целиком соответствовало концепту raison d'etat.

Роль аргумента от *достижений и успехов* возрастает в любой политической системе, которая при установлении не пользуется поддержкой большинства населения страны[35]. Советское государство относится к таким системам. Поэтому список достижений и успехов постоянно возрастал в соответствии с лозунгом Ленина: «Социализм есть советская власть плюс электрификация всей страны» и охватывал все сферы производства – от тракторов и паровозов до АЭС и спутников, от преодоления классовых антагонизмов до всеобщего доступа к благам культуры и т.д. Этот аргумент занимал главное место во всех публичных выступлениях официальных лиц и определял содержание СМИ. Убеждающая сила этого аргумента состоит в его мнимой идеологической нейтральности, хотя на деле в нем воплощается технократическая идеология. Правда, в периоды политических кризисов (правление Н.Хрущева и М.Горбачева) увеличивалась критика определенных периодов, лиц и решений в истории Советского государства. Но параллельно с ней шли в ход аргументы типа: «нельзя отрицать бесспорные достижения и успехи», «впадать в критиканство», «заниматься очернительством истории нашей страны» и т.п. Такая аргументация существует до сих пор в публицистике определенных политических сил и является частным случаем бюрократического сочетания «хороших и дурных сторон» при изображении социальной действительности. Оно настолько глубоко проникло в массовое сознание и деятельность СМИ, что всякое изменение неуловимых пропорций «хорошего» и «плохого» мобилизует противостоящие политические силы.

Существует две разновидности легитимации от достижений и успехов: сравнение настоящих достижений с недостатками прошлого; сравнение достижений данной страны с недостатками внешнего мира. Оба вида использовались на всем протяжении существования советской власти. Вплоть до середины 1960-х гг. достижения СССР сравнивались с показателями царской России в 1913 г. Сегодня та же процедура используется с противоположным знаком. В

[34] Например, М.Горбачев при обосновании «перестройки» выдвинул тезис «Революция продолжается», а Б.Ельцин квалифицировал действия ГКЧП как «контрреволюционные». Это является одним из многих доказательств мнимости политического противоборства последнего генсека КПСС и первого президента России.

[35] «Новый и ранее неизвестный политический режим может обретать легитимацию только на основании своих «достижений и успехов». По отношению к правящим коммунистическим партиям это значит, что прогресс в благосостоянии, силе государства и расширении его влияния на международные отношения есть исходный пункт любой легитимации». Field J. Social Consequeces of Modernization in Communist Societies. Baltimore, 1976, p.106

последние десятилетия советской власти произошло изменение акцентов: социальные науки и пропаганда обращали внимание не на царскую Россию, а на присущие странам Запада проблемы безработицы, нищеты, социальной патологии, преступности и т.д. В последние годы та же процедура используется с противоположным знаком – для обоснования непопулярных мер и решений правительства по принципу «всюду так делают».

Однако аргумент от достижений и успехов содержит определенные опасности. В ситуации кризиса его использование увеличивает социальную апатию и фрустрацию. Любые достижения и успехи со временем подвергаются инфляции, обусловленной действием поколенческих механизмов. Поэтому власть вынуждена доказывать собственную эффективность новыми достижениями или прибегать к другим аргументам. Но выбор точки отсчета всегда произволен, о чем свидетельствуют почти столетние дебаты о природе и направлениях модернизации.

Аргумент о *способности к руководству* использовался для обоснования руководящей роли КПСС, хотя был и остается разновидностью административного элитаризма, возникшего в середине XIX в. в Англии для обоснования миссии белых чиновников повелевать индусами и прочими непросвещенными народами. *Патриотическая легитимация* тоже была важным средством оправдания советской власти (начиная с советско-польской войны 1920 г.). По мере укрепления советской власти роль аргумента от патриотизма возрастала, включая вербальные и символические формы (празднование юбилеев и годовщин жизни и смерти исторических лиц и национальных эпосов, возвращение к офицерским званиям, строительство памятников, музеев и могил Неизвестного солдата и т.п.). Все эти формы сохранились в современной России.

Конечно, приведенная выше типология аргументов не является строгой, поскольку один и тот же аргумент может использоваться в разных типах легитимации. Например, аргумент о месте СССР в мире можно рассматривать как легитимацию через достижения (второе место в мире по ВНП) и как доказательство государственной мегаломании, переплетенной с имперскими традициями России[36]. К тому же сам критерий ВНП изобретен ЦРУ США в 1950-е гг., а затем начал использоваться КГБ, ЦСУ и социальными науками СССР. Здесь ситуация не изменилась вплоть до настоящего времени[37]. Нередко разные аргументы выступают во взаимосвязи, что затрудняет их систематизацию. В особом анализе нуждается также конкретно-историческая характеристика частоты аргументов на разных этапах существования СССР во всех направлениях деятельности правительства и властно-управленческого аппарата.

Тем не менее общую тенденцию можно зафиксировать: на протяжении существования советской власти произошла передвижка акцентов. Телеологическая легитимация, легитимация от достижений и успехов и особой руководя-

[36] См.: Каменский А. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. Москва, НЛО, 1999.
[37] См.: Бирман И.Аномальное полузнайство // Свободная мысль. 1997, № 9

щей способности КПСС была вытеснена патриотической, этатистской и технократической легитимацией. Нынешняя власть в России широко эксплуатирует эти аргументы, но не отказывается и от остальных в зависимости от политической коньюнктуры.

Национальный и региональный контекст

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЮРОКРАТИЯ И ГОСПОДСТВУЮЩИЕ МЕНЬШИНСТВА: СЛУЧАЙ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ
(материалы «круглого стола»)

Материалы творческой мастерской, проходившей в г. Ростове-на-Дону 27-29 апреля 2010 г.

Участники:

Абросимов Д.В., кандидат политических наук, доцент (ЮФУ)
Владимирский Б.М., доктор физико-математических наук, профессор (ЮФУ)
Гудков Л.Д., доктор философских наук, профессор (Москва, Левада-Центр)
Дубин Б.В., зав.отделом социально-политических проблем Левада-Центра (Москва)
Ерохин Н.Е., ученый секретарь ЮФО
Захаревич В.Г., доктор технических наук, профессор (ЮФУ)
Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент (ЮФУ)
Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
Лешкевич Т.Г., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
Макаренко В.П., доктор политических и доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины (ЮФУ)
Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (ЮФУ)
Миллер Б.Н., посетитель
Митина И.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)
Попов В.Ю., аспирант (ЮФУ)
Поцелуев С.П., кандидат философских наук, доцент (ЮФУ)
Проценко Н.П. аспирант (ЮФУ)
Семин Д., студент (ЮФУ)
Старостин А.М., доктор философских наук, профессор (СКАГС)
Ткаченко В.Н., доктор исторических наук, профессор (Киев, Академия педагогических наук Украины)
Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ)

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите начать нашу очередную творческую мастерскую под названием «Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай сегодняшней России». Мне приятно

представить приехавших впервые в Ростов-на-Дону директора Левада-Центра, профессора Льва Дмитриевича Гудкова...

Л.Д. Гудков: Добрый день!

В.П. Макаренко: ...а также заведующего отделом социально-политических проблем Левада-Центра Бориса Владимировича Дубина. (*Аплодисменты*). Это – продуктивные и творческие коллеги, Мастера в сфере анализа современного российского общества. Кто следит за литературой, тот знает, что в предыдущие двадцать лет они написали целую библиотеку интересных книг и статей, по разным направлениям теоретической и практической социологии. Левада-Центр соединяет высокой пробы перо с исследованием конкретики сегодняшнего дня. Разрешите предоставить слово для приветствия нашему уважаемому ректору Южного федерального университета, профессору Владиславу Георгиевичу Захаревичу (*Аплодисменты.*)

В.Г. Захаревич: Дорогие друзья, я вижу много студентов, и завидую им. Вы имеете возможность не по книжкам и журналам, а вживую послушать передовую отечественную мысль. Что происходит в обществе и что может произойти, если ничего не менять? – об этом расскажут руководители Левада-Центра. Я лично благодарен вам за приезд – спасибо большое! Хорошо, что вы приехали впервые в Ростов, вы обязательно наш город полюбите – его невозможно не любить. Надеюсь, эти встречи станут регулярными...

В.П. Макаренко: Постоянными.

В.Г. Захаревич: Поэтому я желаю удачной конференции, хороших докладов, успехов вам всем! (*Аплодисменты.*)

В.П. Макаренко: Приветствую также коллег из Киева, Донецка, Волгограда и Ростова-на-Дону. Наша работа начнется презентацией Левада-Центра. Затем будем обсуждать проблему бюрократии, которой занимались коллеги...

Л.Д. Гудков: В 1995-1997-е годы.

В.П. Макаренко: ...и книгу Л.Д.Гудкова, Б.В.Дубина, Ю.А.Левады «Проблема „элиты“ в сегодняшней России». Слово директору Левада-Центра Льву Дмитриевичу Гудкову.

Л.Д. Гудков: Спасибо! Для нас большая честь и удовольствие выступать перед вами, погрузиться в работу по обсуждению проблем нашего общества. Скажу несколько слов о Центре и его работе. Левада-Центр возник по решению М.С.Горбачева, указ о его создании подписан в декабре 1987 года. В течение 1988 года создавалась структура, отлаживалась технология, он тогда назывался «Всесоюзный центр изучения общественного мнения» – ВЦИОМ. Идея его, как мыслил М.С.Горбачев, – обеспечить обратную связь между реформами и реакциями населения на них. Поэтому основная цель была – социально-экономические проблемы перестройки, реформы и прочее.

Но вскоре Центр вышел за рамки первоначальной цели, стал проводить и ведет до сих пор исследования по широкому кругу проблем. Его учредителями были Министерство труда и ВЦСПС. В таком качестве он существовал до кон-

ца Советского Союза в 1991 году. Когда Союзные структуры рухнули, Центр оказался без государственного финансирования. Мы были вынуждены учиться зарабатывать деньги, искать финансирование, проводить исследования. Идеологом и главным мотором Центра был Борис Андреевич Грушин, который мыслил его по образцу «советского Гэллапа», – Института исследования общественного мнения. Но очень быстро встал вопрос о более глубоком анализе проблем, разработке теории. Рамки гэллаповской схемы были преодолены или разрушены. Выделилось несколько направлений – экономических исследований, потребления, потребительских бюджетов, отношения к реформам, безработицы, занятости – целый класс экономических проблем. Выделилось наше направление (его возглавлял тогда Ю.А.Левада) – социокультурная трансформация советского общества в нечто другое; выделились и другие отделы.

С 1988-89 года мы начали проводить первые всесоюзные репрезентативные исследования. До этого в советской социологии таких исследований не было. Были опросы, которые назывались, но не являлись «репрезентативными». Чтобы проводить репрезентативные исследования, надо было вначале создать сеть опорных отделений по всему Союзу. То была большая работа. Первые наши исследования были посвящены итогам года в контексте вопроса: как люди оценивают характер происходящих изменений? Мы опубликовали сокращенный вариант в «Литературной газете» и получили обвал анкет. Ничего подобного мировая социология не знает. Мы надеялись получить примерно пять-десять тысяч, а прекратили прием анкет примерно на двухстах тысячах. Это парализовало все почтовые отделения вокруг редакции «Литературной газеты» недели на три. Они были завалены мешками анкет с письмами. Нам выделили восемь доверху набитых автобусов. Мы возили и обрабатывали.

То было другое состояние общества, когда люди воспринимали социологические опросы как плебисцит или референдум, и жаждали высказаться. Поэтому вместе с анкетами мы получали трактаты, сочинения в стихах, даже деньги кто-то посылал в конвертах...

В.П. Макаренко: Типа – писем населения в ЦК КПСС.

Л.Д. Гудков: Да-да-да-да, это была совершенно умопомрачительная вещь, ничего подобного мы никогда не знали и не видели. Действительно, обвал: вы представляете себе это?..

Дальше сквозными проектами Центра стали два:

1. «Советский человек», – как меняется человек в условиях трансформации, что сохраняется, что остается. Через каждые пять лет (1989-й, 1994-й, 1997-й, 2003-й, 2008-ой) по одной и той же модели мы повторяли замеры с тем, чтобы проследить, что меняется, что сохраняется.

2. С 1993 года был разработан новый проект Татьяной Ивановной Заславской – мониторинг общественного мнения, а не только социально-экономических перемен. Он вначале шел каждый месяц, по разным программам – работников, населения, элиты. Потом стало ясно, что изменения идут не так быстро.

Мы стали реже проводить исследования. На базе этого исследования (которое стало образцом для многих проектных исследований) стал выходить журнал. Вначале он назывался «Мониторинг общественного мнения», а с 2002 года – «Вестник общественного мнения».

Выходил он вначале часто и представлял собой бюллетень исследований, в котором содержались краткий анализ, изложение тех или иных опросов. Но оказалось, что изменения являются рутинными (структуры сознания, отношений и национальные структуры меняются гораздо медленнее). Поэтому журнал стал реже выходить, зато давал более углубленный анализ. С прошлого года мы стали выпускать журнал четыре раза в год, одновременно увеличили объем публикуемых материалов. У нас была половина текстовой части, половина – таблиц, потому что в 1990-е годы был голод на статистические данные. Мы считали очень важным, особенно для преподавателей общественных дисциплин в университетах и в областных центрах, предоставлять им в таком виде материал для собственной работы.

В силу ряда причин и трений уже политического характера мы в 2002 году преобразовались. На нас начали давить, кое-кто хотел поставить под контроль характер исследований. В ответ мы создали свою независимую некоммерческую организацию. Весь коллектив – от исследователей до шоферов – перешел в структуру, которая стала называться «Аналитический центр Юрия Левады». Юрий Александрович протестовал и всячески возражал против такого названия, но под давлением сотрудников согласился. Мы теперь фигурируем под названием «Левада»: «Левада» сказал», «Левада» провел исследования» и так далее. Уже больше трех лет Юрия Александровича нет, а «Левада проводит», «Левада исследует», – так и осталось.

Мы – не государственная, а независимая, некоммерческая организация, работаем по грантам, заказам. Но все заработанные деньги мы пускаем на собственные исследования, проведение конференций, издательскую деятельность. Как правило, это не рентабельные политические, социальные, теоретические проекты. Помимо указанного журнала мы уже тринадцать или четырнадцать лет выпускаем «Ежегодник общественного мнения», он есть в русском и в английском варианте. Печатные издания не всегда доступны, но на сайте Центра все это висит. Кроме того проводим и издаем результаты других исследований. К двадцатилетию Центра выпустили сборник наших статей из «Мониторинга...». Незадолго до смерти Юрия Александровича Левады вышел сборник его важных и еще в должной степени не оцененных работ, называется «Ищем человека». Это его статьи 2000-2006 гг. о проблеме советского человека.

Публикуем также монографические исследования и сборники статей наших сотрудников. В год мы проводим примерно 210-240 исследовательских проектов. Это еженедельная фабрика оперативной информации. Диапазон исследований очень большой. В рамках экономических проблем отслеживаются:

экономическая оценка, экономическая ситуация, потребительское поведение, отношения с работодателями, бизнес-климат, качество подготовки работников, проблемы высшего и среднего образования (доступности, качества, мобильности). Мы проводили также большие исследования по заказу Мирового банка – по проблемам реструктуризации угольной промышленности. Сейчас мы начали большой многолетний проект о реформе судебной системы в России, изучаем проблемы религиозного поведения, трансформации молодежи, политической культуры, наркомании, репродуктивного поведения. Мы поднимаем и захватываем весь круг проблем, которые могут интересовать людей. Мы сравнительно небольшой центр, у нас раньше работало 100, сейчас 65 человек, но это устоявшийся, сплоченный коллектив сотрудников, который собрал Левада, частично еще из старых сотрудников, с которыми он в Институте социологии работал. Вот круг наших проблем и исследований.

А.М. Старостин: Лев Дмитриевич, расскажите об отношениях вашего Центра с властью.

Л.Д. Гудков: В 1990-е годы это было совершенно нормальное и прагматическое отношение, мы много работали по заказам администрации президента, правительства, отдельных ведомств, от Министерства обороны (исследование патриотизма) до Министерства экономики и труда и Федерального комитета по миграции. В начале 1990-х годов возникла проблема беженцев, определения уровня миграции. Все говорили, что 25 миллионов соотечественников хлынут в Россию и все затопят. Надо было определить предполагаемые масштабы, характер миграции, дезадаптации, конфликтности. Мы проводили во всех республиках, союзных и автономных, исследования национальных отношений, конфликтных и миграционных потоков. Однако наши отношения с властью и тогда не были безоблачны. Например, наши оценки Первой Чеченской войны показывали резкое недовольство населения этой войной. Перед президентскими выборами мы дали анализ, что если не будет заключено мирное соглашение, то Ельцин не выиграет выборы. Но с новым руководством ситуация хуже. Откровенно говоря, были силы, которые подталкивали к введению более жесткого режима. Они пугали Путина потерей рейтинга, все время подавали ему записки наверх, что он теряет популярность, с тем, чтобы ужесточить и принять экстраординарные меры. Тогда Юрий Александрович Левада крайне резко выступил против этих попыток и заявил: никакой угрозы для популярности Путина нет, его курс сохраняет массовую поддержку. Это вызвало там большое недовольство. Вообще, наши данные по Чечне, особенно об отношении к чеченской войне, не пользовались одобрением властей, что создавало трудности. Это и стало одной из причин того, что мы образовали независимый, негосударственный статус, пытались акционироваться, но создали то, что есть.

Сейчас наши отношения с правительством активные. Мы ведем исследования для министерств экономического развития, финансов, образования и многих других. Многие наши интерпретации не нравятся властям. Зато наши дан-

ные самые точные. Мы их многократно подтверждали, в частности, на выборах. Это должен был признать даже ВЦИК. Перед каждыми выборами проходит конкурс: мы передаем в запечатанном конверте результаты исследований и наш прогноз, их запечатывают. Там собирают данные десятка наиболее авторитетных центров. После выборов конверты вскрывают и показывают. Каждый раз у нас наиболее точный прогноз. Значит, что бы власти ни думали о нас, они вынуждены считаться с нами как наиболее объективной и профессионально надежной исследовательской организацией. Потому нас, видимо, держат. Слава Богу, что у нас единомыслие не введено директивно! Разные структуры пользуются нашими данными, и мы сотрудничаем с ними.

В.П. Макаренко: Борис Владимирович, может быть, Вы хотите что-то добавить?

Б.В. Дубин: Спасибо. Нам очень приятно быть с вами, среди вас и работать вместе. Надеюсь, работа будет интересной, важной, умной, полезной для обеих сторон. Тем более хорошо, что в стране есть не только патриархи общественных наук, но и молодежь. Мы надеемся, что наше обсуждение будет полезным и интересным для молодых исследователей. Поэтому спасибо за приглашение, за возможность вместе поработать. Все мы знаем известную фразу о том, что Москва – это не Россия. Есть и более жесткая формулировка: Москва вообще не Россия. С самого начала создания нашего центра и до нынешнего дня нам интересно, чем живет страна. В этом смысле возможность встречаться с людьми за пределами Москвы для нас чрезвычайно ценна и интересна, важна и полезна.

Во-вторых, все, кто изучает социологию, знают: социология есть наука о взаимодействии. Нам чрезвычайно важно не только изучать взаимодействия, но и находиться в процессе взаимодействия с важными для нас людьми, специалистами, просто представителями разных слоев российского населения. Каждый такой контакт и встреча для нас – это проверка нашей работы и новый материал для дальнейших размышлений. Именно так мы нашу сегодняшнюю и завтрашнюю встречу рассматриваем.

Третий существенный момент – консолидированная позиция исследователей Левада-Центра: Россия сегодня – это проблема дефицита общих интересов, идей, ценностей, общего понимания реальности. Эта проблема родилась не сегодня, она давняя, но год от года обостряется. Проблема важная, но ее обсуждение и анализ выглядят слабо в сравнении с ее значимостью. Нам чрезвычайно важно на таких, как наша встречах, поиски этого *общего*. Еще более важно отыскивание механизмов, которые поддерживают и наращивают *общее*. Данная проблема обострялась на протяжении 1990-2000-х годов. Именно поэтому мы ее изучаем. В своей практической деятельности, в общении, в выступлениях всячески эту тему *общего* ведем и развиваем. Сквозные темы исследовательской части нашего центра, ведущих аналитиков, которые в центре работают, – это состояние общества во вчерашней и сегодняшней России, его состав, харак-

тер социального вещества, социальной жизни, социального взаимодействия. В этом смысле проблема каждого аналитика и центра вместе – это проблема состояния массы населения и элит, точнее групп, которые претендуют или назначены на роль элит. «Назначенные элиты» – это нечто вроде премии «Национальный бестселлер»: не просто бестселлер, который складывается на рынке, а премия, которая сверху назначается и получается. Обычно элита в обществах возникает, складывается и растет снизу. В России не меняется традиция вводить элиту сверху, директивно, декретом.

Главная из наших тем – человек. Для мировой и отечественной социологии антропологическое измерение (в смысле конструкции человека) – проблема чрезвычайно сложная. Мало кто даже из отцов-основателей и классиков социологии занимался этой проблемой. Юрий Александрович Левада был инициатором и двигателем проекта «Советский человек» и «Постсоветский человек». В своей работе он ступил на неразработанную территорию, на дикую землю. Он пошел и нас повел. Мы включились в этот проект на свой страх и риск. И работаем с этой проблематикой до сегодняшнего дня. Мы пишем сейчас новую книжку про советско-постсоветского человека, уже с итогом наших размышлений 1990-2000-х годов.

Еще один пункт. Нам чрезвычайно важно в своей работе не конструировать теории, не играть в теоретические бирюльки (вещь сама по себе довольно забавная, которая может составить интерес надолго и для большого количества людей), а видеть связь между проблемами, ситуацией и теоретическими построениями. На наш взгляд, все серьезные теории в социальных науках вырастают из серьезных исторических, социальных ситуаций и понимания проблем, которые подняты этими ситуациями. Мы стараемся в своей концептуальной работе это соблюдать.

И последнее. В России состояние сегодняшних социальных наук испытывает слабость дискуссий и обсуждения. Эта проблема выражается в крайне малом количестве дискуссионных площадок для обсуждений. Я думаю, вряд ли вы сходу вспомните какую-либо крупную дискуссию за последние десять-пятнадцать лет в отечественных социальных науках. А если и была, то неизвестно, где можно взять ее материалы. Это не случайная, а характерная вещь. Существует связь между состоянием науки и состоянием общества в целом, а также между состоянием науки и состоянием групп, претендующих на роль элит. Сегодняшняя и завтрашняя наша работа – это создание площадок для профессиональной дискуссии и для общественной дискуссии. В этом смысле социолог в сегодняшней России не закрыт от общественных дискуссий. Наоборот, его задача – участвовать в них.

В заключение выражаю нашу общую надежду, что сегодняшняя и завтрашняя наша работа немножко подвинет нас в обсуждении, а может быть – и в решении каких-то из задач и проблем.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, по просьбе Владислава Георгиевича Захаревича мы решили немного изменить программу. Слово для доклада «Отношение населения к власти и проблема бюрократии» предоставляется Л.Д.Гудкову.

Л.Д. Гудков: Материал, который я собираюсь вам представить, основан на наших регулярных ежемесячных опросах. Мы их ведем примерно с 1993-го года. Это все данные общероссийских репрезентативных исследований, по выборке – 1600 и 2000. Два слова о нашей российской бюрократии. Ее проблемы всем известны. Прежде всего – падающая эффективность управления. Это вызывает острую критику, которая связана с несколькими принципиальными вещами. Как писал Вебер, сама по себе бюрократия не является ни хорошей, ни плохой – это эффективная рациональная машина управления. Но только в том случае, если у нее есть система целеполагания – властные авторитетные инстанции, которые задают цели политике. Требуется также контроль над этой машиной и кадры управления. Вот три центральных проблемы нашей бюрократии. Целеполагания нет из-за крайне ограниченной конкуренции и представительства партий, низкой эффективности их деятельности как политических организаций, выдвигающих программы развития, стратегические цели. Вторая проблема – слабость парламента как контролирующего органа, его подчиненность исполнительной власти. Третья – кадры, которые опять-таки связаны с конструкцией нашей власти, выстраиваемой сверху вниз. Она подбирает для себя соответствующих исполнителей (типа военных) и в этом смысле сама порождает проблему профессиональной компетенции и квалификации. Это старая проблема, связанная с тем, что российская бюрократия была дополнена советской номенклатурой. Номенклатура в значительной степени развалилась, возникли некоторые механизмы социальной мобильности.

Но сейчас я не буду говорить о проблемах мобильности. А лишь подчеркну: все это ведет к нарастанию проблем: снижению эффективности, отсутствию конкуренции и главное – к политической безответственности за принимаемые решения. Реально это оборачивается полицентризмом внутри власти, наличием скрытых группировок, борющихся между собой за проведение тех или иных интересов, отсутствием ясной и внятной политики, которую могло бы принять и одобрить общество.

Все вместе это порождает целый комплекс проблем. Как такое состояние власти и управления принимается населением? В определенном смысле мы фиксируем структуры власти по результатам ее деятельности, по тому, как люди их оценивают, как воспринимают состояние властных и политических структур и механизмов. Начнем с самых простых вещей – динамики положения дел в стране, которая (динамика) колеблется между положительными и негативными оценками.

В 1990-е годы это отношение было полностью негативным, потому что не оправдались надежды на быстрые преобразования, трансформацию политиче-

ской системы и интеграцию ее в европейский механизм принятия демократических решений. Это вызвало массу разочарований в характере реформ. Демократические, реформистские партии были квалифицированы как «агенты Запада», неудачники, что вызвало их дестабилизацию.

Причина в том, что жизненный уровень населения упал почти вдвое. Уровень жизни последнего советского 1990 года восстановился только примерно к 2003-2005 гг. Поэтому вся фаза 1990-х годов оценивается негативно. Особенно после кризиса 1998-го года. На этом фоне приход нового авторитарного лидера воспринимался как приход спасителя, с которым связывались некие надежды. Это дало подъем массовых настроений и поддержки его, которая продолжалась довольно долго. Первый провал доверия к Путину произошел после «Норд-Оста». Но после монетизации начался подъем, связанный с устойчивым ростом экономики, ростом доходов в 7-8% в год. Наступивший кризис привел к обвалу в целом почти до уровня начала 2000-х гг., а потом опять начался незначительный, но все-таки рост положительного отношения. Это видно на рейтингах, на одобрении первых лиц в государстве, росте популярности Путина, включая колебания на фоне сохранения высокого уровня поддержки и одобрения его правительства.

Приход Медведева не изменил ситуацию, потому что Медведев воспринимается в массовом сознании не как самостоятельный политик, а как человек, проводящий линию и находящийся под контролем Путина. Так считает больше 60% населения. В этом смысле на него опрокидываются все ожидания и представления, которые были связаны с Путиным. Однако индекс одобрения и высокий высокий рейтинг Путина не означает восторга и симпатии к нему как первому лицу государства. Напротив, если спрашивать более конкретно, детализированно, о разных сферах его деятельности, то картина вырисовывается противоречивая. Путин не добился больших успехов в экономике (с точки зрения обеспечения объема жизненного уровня), в борьбе с преступностью, с коррупцией и терроризмом. Зато (по мнению большинства населения) он достиг успеха на международной арене: восстановил авторитет и утраченный престиж нашей державы, усилил уважение к России со стороны других стран.

Роль Путина как символического лидера важна. Высокий рейтинг Путина стоит на надеждах населения на то, что рост благосостояния будет продолжаться. Население готово ему не то, что простить, а не обращать внимание на проблемы роста коррупции, ограничения демократии, свободы слова и прочее. По результатам прошедших выборов большинство населения пришло к следующим выводам: партии находятся в неравном положении и неравновесном состоянии; ограничена деятельность оппозиционных партий; выборы носят характер политической демонстрации поддержки, а не конкуренции. Но люди готовы, чтобы курс стабильности или роста доходов продолжался. 67% считает, что выборы не честные, не однозначные, не дают равного представительства, но на это не очень обращают внимание. Еще один интересный момент – это

разрыв отношений к премьеру, главе государства и правительству. Высокий рейтинг популярности Путина вызывает у всех наблюдателей, особенно у заграничных политологов недоверие. Нас часто подозревают здесь в фальсификации, подыгрывании, и резко критикуют, особенно оппозиционные партии, вытесненные с политической сцены. Но это требует объяснения.

Дело в том, что высокий рейтинг или эмоциональное доверие к первому лицу связано с крайним недоверием ко всем общественным институтам. Это выражает отсталость нашей избирательной системы. Здесь я привожу только два замера позапрошлого года. С 1993 г. мы проводим замеры два раза в год. Они довольно устойчивы. Индекс доверия построен как разница между полным доверием и неполным (частичным) доверием, плюс сто процентов, чтобы было ясно. Цифра сто указывает на границу доверия и недоверия. Вы видите, что в зоне доверия находится небольшое число политических институтов, играющих символическую роль (президент, армия, церковь). В последнее время слегка растет рейтинг спецслужб. Все остальные находятся в зоне большего или меньшего недоверия. Чем ближе к населению структуры власти, тем меньше к ним доверия. Институты, с которыми население непосредственно взаимодействует, вызывают недоверие и неудовлетворенность. Политические партии, профсоюзы, милиция, суд, прокуратура вызывают наибольшее недовольство и недоверие населения. Иначе говоря, высокий уровень доверия к первым лицам является не просто выражением патерналистской ориентации населения, но и недоверия ко всей избирательной системе.

Так идет распределение поддержки и доверия между первыми лицами. Персонификация власти играет не столько прагматическую, сколько символическую роль – поддержание значения и приоритетов всего целого. Реально существует недовольство, неполное удовлетворение работой общественных и социальных институтов. Степень доверия можно выразить русской поговоркой «Добрый царь и худые бояре». Вся ответственность за качество политического руководства, политического направления падает на нижележащие структуры, в том числе на правительство и управление. Поэтому вы видите характерный разрыв (даже тогда, когда Путин возглавил правительство) между оценками деятельности правительства и премьера. Даже когда он был президентом, была крайне низкая оценка деятельности исполнительных органов власти. Это же относится не только к правительству, но и к нижележащим органам власти.

Доминирует недоверие к государственным органам, к экономике, к бизнесу, особенно к судебной и правоохранительной системе. Это вещь неслучайная – больше всего в нашей политической культуре проявляется старое государственно-патерналистское отношение к власти. Население ожидает, что власть будет выполнять прежние социальные обязательства – обеспечивать приемлемый уровень жизни, гарантировать работу, жилье, состояние социальной сферы, медицинского обслуживания и прочее. Люди этого ждут и требуют от власти, но не уверены, что государство это может сделать. Иначе говоря, мы

фиксируем разрыв между должными и реальными представлениями и ориентациями. Чрезвычайно сильный разрыв определяет это двойственное отношение (его часто описывают как «двоемыслие») к власти – высокая готовность чисто символической поддержки и сильнейшее недовольство реальной политикой.

Почему интересы власти и общества не совпадают? Потому что нет институциональных структур, которые бы обеспечивали реализацию тех ожиданий, которые население требует и предъявляет к власти. У власти и населения всегда разные интересы и цели. Это противоречие не может быть устранено, потому что нет обратной связи, нет средств контроля над властью и нет ответственности власти перед населением. Это очень важная вещь. Ожидания большей части населения понятны, потому что уровень жизни низкий и наше общество очень бедное. Основная часть доходов уходит на простое физическое существование, на простое вопроизводство. Никакого расширенного роста благосостояния не происходит, несмотря на все разговоры о новой ситуации, стабильном экономическом подъеме и прочее.

Если посмотреть, как у нас распределяются доходы, то все изменения удачной конъюнктуры связаны с распределением нефтяной ренты. Во-вторых, они объясняются работой рыночной экономики. Эти реформы созданы, инициированы Гайдаром и его командой. Власть совершенно зря приписывает их нынешнему руководству. По нашим опросам от этих изменений выигрывает примерно 20% населения, заметно улучшившего свое благосостояние и резко изменившее характер потребления и уровень жизни. На долю нижних 20% приходится примерно 3%, но здесь важна психологическая составляющая. Важен не столько прирост для большей части населения, сколько неухудшение положения вещей, как это было в 1990-х годах, т.е. все-таки некоторая стабильность.

В связи с невыполненностью социальных обязательств государством люди чувствуют себя проигравшими. Этот негативный фон чрезвычайно важен. Даже доля считающих себя проигравшими с момента начала реформ систематически снижалась. Последний кризис опять поднял эту величину. Но важен именно доминирующий фон. Больше всего людей хотят материального благополучия. С этим связано отношение к себе, потому что люди чувствуют и воспринимают себя как обладающими некоторым достоинством, основанием для самоуважения, а не только достойной оплатой их труда. Если этого не происходит, возникает хронический комплекс ущемленности, неполноценности, зависти. Люди явно понимают, что их требования и ожидания не реализуются. Поэтому реальная жизнь происходит по-другому. Люди в основном полагаются только на себя. Они реально не рассчитывают на государство. Отсюда основания для дискредитации власти.

Хочу подчеркнуть один момент – крайне невысокий уровень запросов, ориентаций, стремлений населения. Большинство хочет просто выжить, руководствуется правилом выживания. Социологически это называется тактикой пассивной адаптации к изменениям – не изменение ситуации, а приспособление

к ней. По-русски говоря, терпение остается одной из главных добродетелей, т.е. ориентация на то, как живут окружающие, ни больше, ни меньше. То, что создавало динамизм в обществе – более высокий уровень запросов, ориентаций, идеальные устремления – характерно для очень небольшой части населения. Большинство хочет выжить на самом примитивном уровне или жить так, как раньше.

Все это по-другому иллюстрирует запрос на сильного руководителя. В 1989-м году мы фиксировали «черное сознание», когда люди давали себе такие оценки: «Мы хуже всех», «Мы – пример, как не надо жить другим народам», «Мы – нация рабов», «Мы – в тупике исторического развития», «Наша история – это цепь преступлений, нищеты». Доля таких ответов стала доминирующей. Но именно в этот момент начали возникать представления о возможности и необходимости нахождения других моделей развития, выбора пути и ориентации в общественном мнении на эти модели развития и необходимость другого выбора. Напротив, неудача реформы привела к тому, что привлекательность разных моделей (в том числе европейских, демократических) резко снизилась. Начали расти неотрадиционализм, национализм, уход в прошлое. Набухают настроения о необходимости «твердой руки», сильного руководителя, отказа от дифференциации властей, от контроля, о необходимости сильной власти, которая поставила бы под контроль и законодательную и исполнительную власти.

Вы видите, как выражены эти тенденции. Демократические антиавторитарные установки были очень сильны в начале перестройки. Затем они снизились. Стали расти мнения о том, что нужна «сильная рука». Это примерно та же самая, но иначе выраженная, картина. Но, несмотря на поддержку идеи «сильной руки», общее недовольство властью выражено чрезвычайно сильно. Именно из-за того, что не реализованы социальные ожидания, в общественном сознании существует мнение, что социальные обязательства государство не выполнило. Это приводит к недовольству всей политической конструкцией. Доминирует представление о людях во власти как корыстных, озабоченных только собственными интересами, эгоистическими мотивами, либо вцепившихся во власть и держащих ее для себя. В годы высшего роста материального благосостояния эта картина меняется немного. Немного растет удельный вес ответов, что это хорошая команда, идущая правильным путем.

Важно, что социальные, общественные и политические институты не обеспечивают защиту населения в глазах населения. 85% людей считает, что они не в состоянии влиять на принятие решений в стране и даже в их регионе. А раз это так, то люди не считают себя ответственными за действия власти. Происходит своеобразная вещь – отчуждение от политики и вытеснение всей политической проблематики из общественного дискурса и общественного внимания и обсуждения. Если люди не в состоянии влиять, они не отвечают за это, и происходит вот это отделение.

Нарастает пассивный комплекс, все более сильная неполитическая активность, не участие в общественной деятельности, а дистанцирование от политики и терпение. Такое смирение, терпение, уход в собственную жизнь – характерная черта последних лет. Очень любопытна вот эта картинка. Вы видите, что на фоне в целом довольно негативного восприятия происходящего пики оптимизма и новых представлений носят принудительный характер. Все они связаны с избирательными кампаниями и циклами. Через каждые четыре года начинается всплеск надежд, которые не оправдываются, не удерживаются и падают. Интеграция сообщества обеспечивается негативными средствами, в основном представлениями о том, что наша страна окружена врагами. Это совершенно потрясающая вещь – с 1989-го года доля ответов о том, что у страны есть враги, увеличилась с 13% до 77% в 2003 году, а сегодня немножко опустилась – до 66%. Такие представления возвращаются именно с ослаблением политической проблематики, с ослаблением механизмов социального целеполагания. Возвращаются старые советские представления: страна окружена врагами; нас никто не любит; нас никто не уважает; нас хотят колонизовать, отобрать территории, вытеснить из традиционных сфер влияния. Эта негативная пропаганда оказывается очень важной, потому что она обеспечивает механическую интеграцию в целом.

Обратной стороной является исчезновение представлений о будущем, ориентаций на будущее, очень короткий срок планирования как политических программ, так и обычной жизни у населения. Интрига в том, что для очень большой части населения имеет место идеализация прошлого – не то, что люди хотят вернуться в Советский Союз (этого мало кто хочет), – но идеализация прошлого, восприятие брежневского времени как наиболее спокойного, стабильного, пусть даже с умеренным достатком, и с гарантированными социальными условиями существования. Прошлое выступает как основание для критики нынешней системы. Это не значит позитивное восприятие прошлого, а просто форму недовольства настоящим. Одновременно падает привлекательность Запада, демократических моделей, рыночной экономики (в 1998-м г. было 32%, в 2009 – 17-18%). Одновременно легитимизируется, утверждается в качестве «нормальной» нынешняя действующая система. Это значит, что уходят на второй план и перестают обсуждаться принципиальные вопросы: куда и как стране развиваться, как должна быть устроена структура власти и отношения между ветвями власти.

В сегодняшнем нашем сознании нет ясного представления о том, что происходит, как устроена наша система. Небольшая часть полагает, что у нас усиливается авторитарный режим и репрессивная политика. По крайней мере, идет сокращение представлений, что у нас хаос и беспорядок и что страна потеряла управляемость. Медленно усиливается представление, что у нас все-таки идет стабилизация, жизнь успокаивается, структурируется. Идею о том, что у

нас демократия, разделяет все меньше людей. Они говорят, что демократия нужна, хотя ее и нет.

Нет иллюзии, что нынешние власти обеспечивают свободу прессы, свободу дискуссий, свободу политической конкуренции. Для большинства оппозиционных партий нет равных возможностей. Это значит, что нет возможности общей дискуссии о целях, средствах, цене развития. Политика стала гораздо более закрытой, теневой, решения принимаются в очень узких кругах и практически выносятся готовыми обществу. Несмотря на готовность поддержать модернизационные проекты, в обществе возникает сильнейший скепсис относительно их реализации. Потому что, опять-таки, как будут распределяться эти цели, насколько эффективны эти люди, будут ли реализованы эти программы, – по всем этим вопросам у большинства людей существуют сильнейшие сомнения. Если говорить о самых последних опросах, вот замеры реакции на заявления Дмитрия Медведева о планах модернизации. Нет сомнения, что страна может быстро развиваться, что возможен подъем, но реализации этого крайне сомнительна. Потому что, во-первых, нет консенсуса в элитах и основных группах, во-вторых, сильнейшее сомнение в возможности корректной реализации. Очень большая часть людей считает, что модернизация будет просто ограничена заменой устаревшего оборудования, покупкой готовых технологий и техники у Запада. Но самая большая доля – больше трети – считает, что эти средства просто будут разворованы или неэффективно использованы, поскольку в этом плане они выступают как основания для легитимации новой правящей партии, а не как реальные фактические планы и правила политической реализации. Поэтому сомнения довольно сильные.

На этом я закончу.

Б.М. Владимирский: Спасибо вам большое, все очень интересно. У меня есть некоторые сомнения, я хотел бы, чтобы вы их развеяли. Вы приводили замечательный график об уровне доверия к президенту или председателю правительства, скажем, относительно ста – там была цифра. И были сделаны выводы о том, что растет доверие к армии, церкви, ФСБ, а доверие к профсоюзам, политическим партиям падает. У меня сомнений в правильности этих оценок нет. Но там есть цифры – сто семь, сто девять, и на этом основании делается вывод о росте доверия. Вот это вызывает некое сомнение.

Л.Д. Гудков: Растет доверие только к определенной группе институтов – ФСБ и другим спецслужбам. К президенту, церкви, армии доверие практически неизменно на протяжении всего времени замеров. Есть некоторые колебания по годам, по конъюнктурным положениям, но ранг этих значений не меняется. Единственное изменение – заметно снизилось доверие к средствам массовой информации, которое очень эксплуатировались в 1990-х годах. Это понятно, их роль был совершенно другая. В последние годы растет признание авторитетности спецслужб. Это можно прокомментировать. Во всяком случае, растет не только это. На протяжении последних десяти лет растет представление о том,

что путинское правительство, путинский авторитет базируется, в первую очередь, на спецслужбах, на силовиках.

А.М. Старостин: Лев Дмитриевич, скажите, пожалуйста, есть ли некий концепт общества нашего, на который вы ориентируетесь, или авторский концепт, которого вы придерживаетесь?

Л.Д. Гудков: Довольно сложный вопрос. Мы стараемся избегать тотальных концептов. Мы исходим из теории, но не как описания некоторого положения вещей, а как инструмента, с которым можно работать, прилагая к нашим данным о действительности и фиксируя те или иные отклонения. То есть, как идеально-типический шаблон для анализа, сравнения, прослеживания различных функциональных связей. Нашей объяснительной схемой является теория тоталитаризма – как возможность для сравнительного анализа институтов, не более того. Это не описание общества. Характер изменения происходящих процессов мы рассматриваем как медленное, частичное разложение тоталитарной системы. Процесс разложения – это метафора, но я готов ее терминологизировать, понятийно проработать. Разложение идет очень неравномерно. Скорость изменений в нашем обществе в разных сегментах разная. Наиболее интенсивно меняются массовая культура, экономика, система информационного потребления, даже технологии. Самые консервативные структуры в России – это суд, армия, политическая полиция, институты образования. Именно они связаны с символической вертикалью, т.е. с институтами власти, на которые власть опирается. В этих структурах изменения минимальные. Это значит, что здесь воспроизводятся все старые советские представления. Процессы разложения я бы описывал как частичное воспроизводство или невоспроизводство прежних представлений о характере отношений, социальной структуре, организации общества, этике, в общем – обо всей нормативной системе.

А.И. Субботин: Правильно ли я понял из вашего ответа на вопрос профессора Старостина, что вы не отслеживаете процесс развития нашего общества, у вас нет моделей этого развития, соответствующих тому, что сейчас происходит? Вы, так сказать, извините, копаетесь в старом гнилье. Так нужно понимать?

Л.Д. Гудков: Нет, не так.

А.И. Субботин: Объясните, пожалуйста.

Реплика: Хорошенькое себе старое гнилье!

А.И. Субботин: Оно воняет, конечно, и очень сильно (*смех в аудитории*), но, тем не менее, – это гнилье!

Л.Д. Гудков: Нет, не так. У нас были совершенно другие ожидания. Мы фиксировали изменения по трем векторам. В конце 1980-х – начале 1990-х был совершенно четкий вектор изменений. Молодые, образованные жители крупнейших городов были более доходны, информированы, толерантны, более либерально настроены, обладали большим кругом информационных источников, знали языки. Вектор изменений поначалу указывал именно туда. Наша иллюзия

в том, что мы считали – развитие будет происходить по мере того, как представления этих групп будут распространяться. Они будут находить воплощение – это классическая традиция – в ситуационных изменениях и трансформации общества. Именно их представления будут задавать тон.

Произошло другое – то, что я называю «феноменом обыкновенной истории», по Гончарову. Сталкиваясь с реальной жизнью, с замшелым характером социальных структур, эти группы, которые были действительно носителями изменений и новых представлений, впали в оппортунизм. Они отказались от собственных ценностей и оснований ради вписывания в ту жизнь, которая происходила дальше. Это явление я бы назвал реакцией – в химическом смысле. Речь идет о нарастании цинизма в обществе, о неспособности вносить новые представления, об отказе от этого и сдаче собственных позиций. На мой взгляд, цинизм – очень сложное и важное явление. Это не какая-то подлянка, а реакция на несостоявшиеся ценностные ожидания, сознательный отказ от них, акцент на отказе. Более того, вера в то, что эти вещи невозможны. Это принципиально важная вещь, которая плохо описана и плохо осознана. Молодежь не в состоянии внести новые смыслы и значения, она не просто отказывается, она старается как бы отомстить самой себе за ошибочную веру в них, и дискредитировать их. Это совершенно новое явление.

И.В. Митина: У меня два вопроса. Коррелирует ли ваша выборка с этническими процессами?

Л.Д. Гудков: Да.

И.В. Митина: И второй: скажите, пожалуйста, об аналогичных исследованиях по регионам и республикам, – какая там динамика?

Л.Д. Гудков: Для того, чтобы обеспечить корректную выборку и надежные исследования по регионам, нужно в каждом регионе проводить такие же замеры, как в целом по России.

И.В. Митина: Это нереально?

Л.Д. Гудков: Это реально, но требует больших затрат. Пока это может себе позволить только в период предвыборных кампаний фонд, который финансировался из государственного бюджета. Но их цели были совершенно другие, они замеряли предвыборные ожидания, напряженности и возможности технологического обеспечения выборов. Поэтому они проводили какое-то время (пока кризис все не сократил) исследования по 70-ти регионам и объем выборки составлял 32 тысячи человек. Это значит, что каждый замер (если считать, что цена объекта 20 долларов) – вот какие деньги выделялись на это. У нас таких денег нет.

А.В. Лубский: Вы продемонстрировали здесь те тенденции, которые наблюдаются, изменения в отношении населения к власти. В то же время четко прослеживается и достаточно противоречивый характер отношения населения к власти. Вероятно, это обусловлено тем, что в одних случаях ваши респонденты высказывают достаточно рациональные суждения, а в других срабатывало то,

что называют «российским менталитетом», культурными архетипами. В связи с этим вопрос: а что происходит с общественным мнением в плане соотношения рационального и ментального, т.е. не вполне осознанного отношения к власти?

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, общественное мнение достаточно иррационально, тогда как мнение специалиста может быть продумано, систематизировано, обосновано и аргументировано. Общественное мнение стереотипно, включает самые разные составляющие и абсолютно не задумывается, как согласуются одни части с другими. Собственно, в этой противоречивости заключается функциональность...

В.П. Макаренко: Рациональным никогда не бывает.

Л.Д. Гудков: Я хотел бы спросить тогда: а что такое рациональное?

В.П. Макаренко: Ну вот, все ясно.

Л.Д. Гудков: Если вернуться к веберовскому пониманию рациональности, то рациональное – это взаимодействие идей и интересов, когда идеи прорабатываются, систематизируются, развертываются под влиянием определенных материальных интересов (экономических), господства, религиозных. Соотношение поля взаимодействий – это и есть поле рациональности. Поэтому в определенных вещах общественное мнение предельно рационально и прагматично. Все, что касается, скажем, отношения к Чеченской войне, ее причин, люди сознают и понимают. Относительно экономической политики (там, где она касается их собственной шкуры) тоже никаких иллюзий нет. Но чем дальше от повседневных проблем и отношений, тем общественное мнение все более фантастично.

Напомню вам старые советские исследования о влиянии телевидения. Когда речь шла о том, как и в какой квартире живут они сами, у людей никаких сомнений не возникало. А когда показывали фильм «Кубанские казаки», начинался поток писем: «Дайте адрес, я хотел бы туда переехать».

Б.Н. Миллер: Вы говорили о недоверии к суду, прокуратуре, армии. Вопрос в том, что оценивать надо не отношение к бюрократии, к власти, а отношение друг к другу людей, – мы не доверяем друг другу и невозможно ничего сделать. Простой пример: хотел ЖКХ организовать, но никто меня не знает, все думают, что хочет что-то поиметь.

Л.Д. Гудков: Сейчас найду данные. Есть возможность сравнительного психологического краткого ответа...

Реплика: Здесь провал.

Л.Д. Гудков: И мы участвуем в таких исследованиях, по разным проектам, в том числе раз в два года, по разным странам...

Реплика: Вы обозначьте, где у нас провал, ну, там, суд, прокуратура…

Л.Д. Гудков: ...Доверие к армии, идентификация с институтом армии в империях выше, чем в маленьких странах. А уважение и доверие к полиции выше во всех демократических европейских странах. Скажем, в Германии или в США доверие к полиции очень высоко...

В.П. Макаренко: К криминальной, не политической.

Л.Д. Гудков: Да, к политической полиции там отношение крайне отрицательное. Доверие к суду сильно отличается: довольно высокое в Италии, поскольку судьи там назначаются в соответствии с партийными предпочтениями; очень высокое в Германии и США...

Реплика: То есть, здесь у нас провал?

Л.Д. Гудков: Да, полный провал. К профсоюзам и политическим партиям вообще очень низкое доверие и отношение к ним негативное.

В.А. Шкуратов: Слушая дискуссию, я вспомнил шутку: опросы общественного мнения проводятся для того, чтобы население знало, как ему думать. (*Смех*)

Реплика: В общем, правильно.

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, да, конечно.

В.А. Шкуратов: Уважаемый профессор представляет собой академическую, культурную, скрытую, экспертную оппозицию власти. Но возникает вопрос: не кажется ли вам, что применение языка классической социологии к нашей провинции, глубинке, т.е. России, дает заданный, предсказуемый эффект?

В.П. Макаренко: Володя, можно переформулировать твой вопрос? Ты сомневаешься в социологическом языке, который использует Левада-Центр?

В.А. Шкуратов: Да. И у меня вопрос: не надо ли применять более гибкие, методы, дискурсивные, так называемые пост-модернистские методы?

Л.Д. Гудков: Надо. Я и мои коллеги считаем, что все методы хороши, но для определенной цели. Вообще говоря, надо пользоваться всей палитрой, всем диапазоном средств. У нас одно время была странная дискуссия, в которой качественные методы противопоставлялись количественным. Это все равно, что спорить – давайте отменим знак деления и оставим только знак умножения. Для разных целей используются разные вещи, и в нашем центре используются те и другие процедуры. У нас два отдела качественных исследований, в которых проводятся фокус-группы, и глубинные интервью. В исследованиях по элите мы провели целую серию глубинных интервью. Уже на основе этого были выработаны анкеты, которые позволили нам построить формализованный опрос. Хорошо, если бы были разные центры, которые используют и то, и другое, и третье. Мы не обладаем монополией на авторитет. Социология имеет свои границы. Вне сомнения, надо видеть эти границы, видеть воздействие инструментов на изучаемое и принимать это во внимание. Я не согласен, что мы являемся оппозицией по отношению к власти. Наша роль другая – аналитическая, критическая. Критический анализ, но мы не ангажированы ни в пользу никакой партии.

А.И. Субботин: Вы – буфер?

В.П. Макаренко: Чего ты пристал к человеку?

Л.Д. Гудков: Нет. На нас очень обижался Горбачев. Ельцинская администрация точно так же наезжала на нас, как и нынешняя. Но суть наша и функция – быть «зеркалом общественного мнения», представить обществу некую

картинку, зеркало, чтобы оно смотрелось и немножко понимало. Функция зеркала чрезвычайно важна. Вот старый пример, который мы приводим в лекциях Бориса Владимировича для студентов: что такое зеркало? Если отбросить магические, архаические значения зеркала, то это – обобщенный *другой*, в который мы смотримся. Зеркало где висит? – в передней; когда мы выходим на улицу, мы в него смотримся, мы хотим знать, как мы выглядим, с точки зрения других. Поэтому девиз нашего центра – «От мнения к пониманию». А уж понимание – в меру возможностей.

И.Д. Коротец: Уважаемый коллега, если за основу анализа взять отношение населения к власти, не делали ли вы анализ географического распределения? И стратный анализ, желательно, в Москве.

Л.Д. Гудков: Если вы строите репрезентативную выборку, то в стандартных процедурах отражается вся структура населения: пол, возраст, образование, место жительства, тип поселения – Москва, Питер, большие города-миллионщики, средние города, малые города, село. Мы не можем обеспечить репрезентативность по регионам, мы будем работать по укрупненным федеральным округам. Подчеркиваю: в отличие от других наши источники информации – это коллективные представления, а не мнения отдельных людей. Коллективные представления – это другая материя, она обладает собственной нормативной значимостью. Как говорил Дюркгейм: коллективные представления – хищные, они притягивают к себе людей. Этими вещами мы и занимаемся. Общественное мнение – это не сумма индивидуальных мнений, а определенные структуры сознания, которые поддерживаются, воспроизводятся, на которые оказывают влияние институты, пропаганда. Это другой характер материала, и его надо видеть и теоретически работать с ним. Это не реальность или специфическая реальность, как писал Дюркгейм.

Д.В. Абросимов: Почему вы считаете корректным определять работу президента, парламента, милиции?

Л.Д. Гудков: Мы видим следы деятельности данных институтов. Естественно, социологический анализ организации или социологический анализ элиты – дает вам совершенно другой разворот и другие способы. Можно проводить исследование милиции самым разным образом...

Б.В. Дубин: Мы их проводили.

Л.Д. Гудков: Мы проводили много исследований, в том числе, и их самих. В частности, опрос о насилии, которое применяют работники милиции, осуществлялся через опрос врачей из травмпунктов. И получалась совершенно иная картина по сравнению с милицейскими лубками.

Б.Н. Миллер: Я хотел спросить об отношении власти к населению: есть какие-то возможности хоть немножко замерить – доверяет она ему, считает ли, что народ – неудачник? (*Общий смех*).

Л.Д. Гудков: Ну, это не дело социологии, а политологии, другой области знания. Смотря чего вы хотите. Приведу пример одного из исследователей, ко-

торый показывает совершенно другой разворот: в 1993-94 году проводили первое в России большое исследование – смену циркуляции людей. Идея была старая, но проект был лос-анджелесский, он шел по всей Европе, включал трансформирующиеся страны. В России проводили мы. Это был очень большой проект, выборка 2000 элиты. Он был совершенно неполитичным и остался только биографией. Биография, образование, собственность и прочее – аморфно-номенклатурный справочник постсоветского и ельцинского времени. Приведу только один факт, который является чрезвычайно важным и объясняет одну из причин внутреннего развала Союза, – значение террора для организации бюрократии. В конце сталинского времени, примерно в 1950-52-е гг. для того, чтобы кандидат в номенклатуру занял первую номенклатурную позицию, проходило от трех до четырех лет. Грубо говоря, кандидат через три-четыре года занимал пост освобожденного секретаря на крупном заводе или секретаря райкома. В конце брежневского времени для того, чтобы занять ту же самую позицию, проходил 21 год. Это значит, что мобильность прекратилась. Таковы были напряжения внутри бюрократии, а не внутри населения. Ее второй-третий эшелон требовал изменений.

Т.А. Марченко: Еще Августин написал, что любая власть – это шайка воров и разбойников. Эта идея до сих пор существует в сознании народа. Русская власть никогда не давала оснований своему населению себе же доверять. Это очень глубоко закреплено на уровне коллективного представления. Как писал Эмиль Дюркгейм, оно функционирует как на осознанном уровне, так и на бессознательном, передаваясь из поколения в поколение. Как вы полагаете, в какой мере отношение людей сегодня к различным властным институтам обусловлено реальным положением дел, а в какой мере – вот этими коллективными представлениями людей, идущими из глубины? А может эти коллективные представления, которые функционируют и являются социальным фактором, обусловливающим, в какой-то мере, социальную реальность, детерминируют появление у нас такой власти?

Л.Д. Гудков: Можно, я вопросом на вопрос отвечу?

В.П. Макаренко: Не рекомендуется.

Л.Д. Гудков: Ну, я все-таки попробую.

В.П.Макаренко: Да я пошутил, имея в виду правила хорошего тона.

Л.Д. Гудков: А в какой степени брачно-сексуальные отношения в семье определяются традиционными представлениями о распределении ролей, которые идут из глубины веков и нагружены кучей всяких предрассудков? При конкретном социальном анализе мы должны учитывать, где и в какой ситуации существуют устойчивые традиционные предрассудки и конкретные отношения двух людей. Конечно, отношение к власти в очень большой степени определяется всей инерцией отношения к власти. Поэтому можно выделить не только советский, но и досоветский пласт значений власти. Но это требует отдельного анализа как предмет эмпирической работы. Когда вы говорили о власти, как о

шайке бандитов, вы упустили только одну важную вещь – представление о справедливости. Оно, во-первых, может быть приложимо, может быть неприложимо. Эта вещь ситуативно обусловлена. Поскольку у нас несколько правлений сменилось, мы можем говорить о волнообразном доверии к власти. Очень высокий нынешний рейтинг Путина кажется чем-то исключительным, если не сравнивать его с горбачевскими или ельцинскими первыми годами. А потом это довольно быстро падало в трясину. Ожидания к одному лидеру переносились на следующего, потом – затухание. Мы видели, как доверие с Ельцина переносилось на Лебедя и на других водоплавающих птиц. Как импульсы и ожидания они были неслучайны и структурированы. Другое дело, что в какой-то момент ситуация изменилась – свобода прессы, критики, оппозиции прекратилась. Дальше мы видим некое ровное плато.

М.С. Константинов: В Вашем докладе Вы пропустили слайды по протестным настроениям. Для политолога это интереснее, чем уровень поддержки президента. Вы не могли бы в двух словах охарактеризовать протестные настроения.

Л.Д. Гудков: Протестные настроения состоят из двух частей – оценки возможности протестных действий и готовности реального участия в них. Это – не реальное протестное поведение, мы, скорее, замеряем уровень напряженности в обществе. Даже если бы реально в акциях протеста участвовало не 20%, а 1%, это было бы больше миллиона людей. Значит, это декларации о готовности, которые указывают степень напряженности. Протестные настроения обычно усиливаются в моменты кризиса. Здесь два пика – кризис 1998-го года и монетизация. Но в принципе население России довольно апатично. В других стран группы, обладающие наибольшими ресурсами, активнее участвуют в политике, и более других чувствуют себя ответственными. У нас же наиболее политически пассивными являются самые ресурсообеспеченные группы. Они прикормлены властью. Околовластные круги не выйдут на улицы. Во-вторых, пассивной остается молодежь. Она обладает ресурсами образования, информации, более обеспеченна, чем их родители, но в минимальной степени готова участвовать в протестных акциях. С молодежью интересная вещь произошла – на нее все блага постсоветского времени (свобода перемещений, мобильности, информация, заработка) упали, как с неба. Она ничего не прилагала при этом. Для нее это естественная вещь. Но для поколения предыдущего, которое знает, что такое советская жизнь, со всеми ее дефицитами, это благо, и они это ценят. А молодежь – нет. Поэтому участие молодежи в выборах на всем протяжении наших замеров за все 20 лет минимальное. Наиболее активно приходят на выборы люди предпенсионного-пенсионного возраста, там уровень участия до 70%. У молодежи около 30-35%. Довольно интересная вещь: пожилые люди аккумулируют раздражение и недовольство существующим положением вещей, а молодежь демонстрирует аполитичность...

В.П.Макаренко: И жеребячье настроение.

Л.Д. Гудков: Да.

Д. Семин: Я студент. Вы говорили о вопиющей дистанции, отчуждении населения от власти. О невозможности реально повлиять на какие-либо отношения, о катастрофически низком уровне жизни большинства населения. Обо всем этом пишет гениальный Игорь Губерман.

Л.Д. Гудков: Могу сказать два слова об отношении к Сталину, если нет возражений. Вы знаете, несмотря на попытку пропаганды Сталина и порыв поднять его, так или иначе, реакция довольно странная: если брать только с 2001 по 2008 год, то уменьшилось число как сталинистов, так и антисталинистов...

В.П. Макаренко: Возня вокруг «широкогрудого осетина» всем надоела.

Л.Д. Гудков: Да. Очень резко выросло, от 13 до 47% число людей, которым эта проблематика безразлична. Среди молодежи доля индифферентных и безразличных выросла до 69%. Именно та группа, которую облучала пропаганда, отпихивается от этого. Молодежь неспособна разобраться с тем, что происходило. А также неспособна дать моральную оценку прошлому. Поэтому она дает реакцию отчуждения.

В.Ю. Попов: Есть ли у вас критерий, который позволил бы определить степень влияния самих спецслужб на рейтинг отношения к ним, на то, каким образом формируется это мнение. Как проверить, как меняется мнение людей, которые ознакомлены с данными вашего центра, т.е. что они думали до и после того, как они ваши данные имели возможность прочитать?

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, только 1% людей следят за данными всех и любых социологических опросов, а не только наших. Влияние социологических данных значимо для политиков, журналистов, власти. Тем не менее оно не берется в расчет, – ведь никто из них не знает, как с этими данными обращаться. Если же вы хотите замерить субъективность пропаганды, в том числе спецслужб, то это специальная работа, и она вполне реализуется...

Реплика: Она ведется?

Л.Д. Гудков: Нет.

Реплика: Спасибо.

Б.В. Дубин: Спецслужбы не заказывали нам эту работу, а мы работаем, в основном, по заказу.

В.П. Макаренко: Можно ли считать, что вопросы исчерпаны? В таком случае сердечно поблагодарим Льва Дмитриевича за обстоятельный доклад. В особицу – за то, что устоял вопреки нашим терзаниям. Вы нас не ругайте. (А*плодисменты)*.

Л.Д. Гудков: Нет. Спасибо, наоборот, мне как раз очень приятно…

В.П. Макаренко: Слово Борису Владимировичу Дубину – очень интересному автору – для доклада на тему «Режим разобщения и социальный цинизм».

Б.В. Дубин: Мне не хочется повторять то, что я писал в статье с аналогичным названием. Отчасти это будет кратким, тезисным изложением уже напи-

санного, а большей частью – попытки развить эти соображения. Я не буду показывать наши эмпирические данные – они и так хорошо представлены. Я рассчитываю, вы помните то, что вы видели, и сохраняете сознательное отношение к увиденному. Что мне хочется подчеркнуть и выделить для характеристики сложившегося за 2000-е годы социально-политического режима? Что мне кажется в нем важным и принципиальным? Прежде всего социальные и политические переломы – с 1970-х гг. до 1991-го г. и далее. Советский Союз, затем Россия испытали на протяжении 1990-х гг. несколько серьезных политических переломов. Сейчас я напомню эти точки, из чего отчасти будет понятна логика прихода в 1999-2000 гг. именно такого руководства и легализация режима, о котором идет речь. Я не буду сейчас отделять свою точку зрения от коллективной точки зрения – иногда буду говорить «я», иногда – «мы». Все это более или менее консолидированная точка зрения.

Тут важны 1993-94 годы. Это чрезвычайно важный и серьезный перелом, который можно прослеживать на данных общественного мнения, на состоянии масс-медиа и политических элит, их настроениях, их новых заказах экспертным группам. В двух словах напомню. В 1993-м г. в массовом порядке начали ощущаться отрицательные, негативные последствия реформ, которые пытались начать реформаторы в российском руководстве. Прежде всего, это Гайдар и его единомышленники. Затем последовало резкое разочарование в идеях и символах реформ. А главное – поскольку по традиции представление о власти в России очень сильно персонифицировано – разочарование в самих фигурах реформаторов. Кстати, скажу об отношении к Первой Чеченской войне. В целом для него характерно неприятие войны и понимание чудовищности того факта, что на территории России воюют, – ведь такого давно не было. Но был и нетривиальный момент: 1993-95-е годы – это годы политического разочарования в фигуре Ельцина. В Ельцине видели инициатора, виновника Первой Чеченской войны; отсюда еще более резко- отрицательное отношение населения к ней. Вся эта ситуация выразилась в выборах 1993 г., с чрезвычайно значительной поддержкой коммунистов и появлением на политической авансцене новой партии и новой политической фигуры – В.В.Жириновского. Это далеко не случайная фигура.

Теперь напомню обстрел Белого дома, начало Первой Чеченской войны, и следующий серьезный перелом этой ситуации в 1994-96 гг., перед выборами Ельцина. В начале 1996 г. его рейтинг (тогда в России это понятие только появилось) был чудовищно низким и ситуация казалась абсолютно проигрышной. Среди прочего было очень важно, что вслед за началом Чеченской войны и ситуации 1995-96 годов Ельцин стал все больше опираться не на реформаторов, а на выходцев из силовых структур, во-первых, и во-вторых, в 1995-96 гг. очень сильному контролю, совершенно новому в постсоветских условиях, подверглись средства массовой информации, учитывая выборы и возможные негативные последствия, негативную для Ельцина перспективу выборов. Вот тогда

люди увидели, как масс-медиа меняются на глазах. На деле они стали меняться немножко раньше. В 1993-94-м гг. были созданы, а потом появились на большом экране принципиально новые типы передач «Старые песни о главном», «Русский проект», которые казались немыслимыми за несколько лет до этого. Если бы кто-нибудь сказал в 1987-89 гг., что на центральных каналах телевидения будут идти такие проекты, я думаю, никто бы не поверил. А в эти годы они стали идти. Это была новая ориентация средств массовой информации.

Напомню, что инициаторами ее выступали очень молодые, по советским понятиям, чрезвычайно успешные менеджеры телевидения. На этом они получили новый авторитет, новые возможности, некоторые из них сохранили их до нынешнего дня. По нашим тогдашним опросам к 1999-2000 годам совершенно прояснилась картина ожидания прихода «сильной руки», так сказать, «спасителя», который возьмет власть в одни руки и наведет в стране порядок. Сквозная линия во всех этих точках временных, которые я отмечал, – это упор населения, политических элит и средств массовой информации на проблематику стабильности и порядка.

Мы уже говорили о немыслимо высоких и немыслимо устойчивых рейтингах Путина. Но дело в том, что в отличие от Горбачева и Ельцина, Путин сразу поставил на стабильность рейтинга. В этом выразилось отражение его курса на стабильность, неизменность того порядка, который при нем складывался. Это принципиально важная вещь для так называемых «элит» в 2000-м году, для того социально-политического порядка, который выстраивался, и для отношения населения к этому порядку. Перечислю кратко свойства этого порядка, которые мне кажутся определяющими.

Первое и самое важное, об этом много писал Левада, и мы не раз об этом писали, – это всеобщая установка на ротацию. Причем это вовсе не характеристика пассивных масс, не желающих вмешиваться и т.д. Сама власть ориентирована на адаптацию, а не на изменения, не на выдвижение и достижение политических целей, а на установление – пусть нереальной, но символической интеграции, стабильности и общего ощущения, что эта так будет, если не всегда, то еще долго. Поэтому на протяжении 2000-х гг. мы не имеем дела с феноменами развития, дифференциации и специализации рыночных, правовых, культурных, политических и тому подобных институтов. На деле происходит, с одной стороны, нарастание фрагментированности массы, все более раздробленной и атомизированной, а с другой – нарастание дистанции, подчеркиваю – и снизу, и сверху, – нарастание дистанции между верхами и низами, между властью и массой населения.

Вместе с тем, наперекор официальной и официозной пропаганде, нельзя утверждать, что власть с 2000-го года становится все более концентрированной. Символически это так. Реально, прагматически – ситуация совершенно другая. Власть тоже фрагментируется, расползается по разным этажам и уровням

социума, на централизованном, центральном, федеральном уровне, и на местном, региональном уровне. Появляется все большее количество точек, в которых различные структуры и представители власти усваивают произвол как норму собственного поведения. Для этого они используют все имеющиеся у них государственные и частные ресурсы. Поэтому я бы не говорил об усилении вертикали, нарастающей концентрации власти. Напротив, нарастает рассеивание и размазывание власти по территории. Что следует подчеркнуть относительно этой фрагментации? Часто в таких процессах философы,политологи, социологи и социальные философы подчеркивают момент раздробления, изоляции, все большего превращения в пылевидные структуры общества. Я потом приведу несколько цифр насчет того, кем себя ощущают россияне, и ситуацию, на каком радиусе они считают ее доступной для себя и подлежащей хоть какому-то их контролю.

Фрагментация – это массовизация общества. Теоретики и критики массы в 1920-1930-1940-е годы боялись, что это будет громадная, монолитная масса, вооруженная современной техникой – от военной до масс-медиальной, которая представляет угрозу гуманистической цивилизации, интеллектуалам, либерализму. В отличие от этих представлений гораздо более функциональной в XXI веке становится не ситуация монолитной массы, а ситуация того, что я назвал «рассеянной массой». Есть замечательная книжка московского поэта Михаила Айзенберга (хотя он писал совсем про другое) «Рассеянная масса». Мне нравится эта метафора. Дело в том, что та масса, которая получается в результате фрагментирования, является рассеянной, но при этом чувствует себя единой, хотя бы в виртуальном режиме.

95% процентов взрослого населения, в среднем три-четыре часа в день, смотрит основные каналы телевизора. Как показывают наши данные, более-менее однозначно на них реагирует: по принципиальным социальным и политическим характеристикам масса населения от 60 до 80% едина в своем мнении. И чаще всего это мнение совпадает с официальной установкой. Я хочу подчеркнуть, что это новая (именно не старая) технология управления рассеянной массой со стороны власти. Фрагментация и социальное рассеяние массы – это новая политическая технология, и роль рассеянного, ни во что не вмешивающегося зрителя, – это политическая роль. Это чрезвычайно важно подчеркнуть.

Уже говорилось о феномене массового недоверия к большинству институтов, кроме иерархических – типа армии, спецслужб, церкви, первого лица. Но почвой такого недоверия является массовое недоверие россиян друг к другу. И это опять-таки новый феномен. Вот наши данные 1989-го года. Оценки по двум позициям – с какой из них вы более согласны: людям можно доверять, в основном, – 89-й год – больше половины, 52% считает, что это так, 40% – что с людьми надо быть осторожными. Оценки 2009 года: две трети – что с людьми надо быть осторожными, четверть – что людям все-таки можно доверять.

Я опять хочу скорректировать официальную и официозную точку зрения о том, что есть доверие и поддержка первых лиц власти. Надо говорить не о доверии и поддержке, а о переадресации массовой инициативы. Масса переадресует свое право инициативы первым лицам, но это как бы снимает ответственность с первых лиц, – это очень интересная характеристика. Полнота власти в сегодняшней России такова, что нынешняя власть не отвечает за то, что она делает. Такова характеристика конструкции власти. Но точно так же эта переадресация разгружает население от участия в политической жизни. Данные на этот счет приводились. Фактически, единственный круг, в котором люди чувствуют себя собою, – это семья и ближайшие родственники. Причем, это взрослые люди, не 13-летние подростки, это главы семьи, специалисты на работе, казалось бы, полноценные граждане. Но единственный круг, который подвластен их контролю, – это семья и близкие родственники. Ни на работе, ни в районе, где они живут, ни в городе, где они проживают, ни в стране, гражданами которой они являются, от 52 до 70% взрослого населения России не обладает возможностью воздействия на то, что происходит.

Конечно, такая конструкция власти, с одной стороны, подразумевает указанную слабость институтов и слабость доверия к институтам, особенно к новым институтам. Тем более, если на их вывесках говорится, что они демократические и так далее. С другой стороны… Как лучше всего это описать?.. Напомню, что западно-европейские, условно говоря – либерально-демократические концепции власти построены на представительской роли властей. То-есть, власть представляет ценности тех или иных групп или населения страны в целом, – и это относится к любой власти, начиная от политической партии, кончая президентом. С другой стороны – представительство и защита интересов социальных групп и населения в целом предусматривает доверие населения к власти, ее основным институтам и всему политическому строю. А со стороны власти – ответственность за то, что власть делает, ответственность перед теми группами, которые ее избрали и ее поддерживают. В такой конструкции можно говорить о доверии, поддержке, представительстве, ответственности и т.д.

Наша российская ситуация обладает не только реальной, но и ментальной спецификой. Наша власть не какая-то там другая, где-то в Америке, а здесь, у нас, наша, привычная, своя. Эта своя власть построена совершенно иначе. «Вышняя власть» освобождена от ответственности. В этом смысле у нее нет и не может быть связи с массами, кроме той, которой сама власть придерживается. Речь идет о политическом спектакле, который регулярно устраивает власть: линия связи президента с населением, встреча президента с представителями крупнейших медиа. Есть и другие жанры этого спектакля. Понятно, кто его ставит, кто режиссер, кто кукловод. Такова принципиальная характеристика нашей власти.

Соответственно, среди населения круг своего мира сужается до ближайших родных. Это означает ослабление и разрыв связей с социальными и

культурными, как бы обобщенными «другими». Фактически, большая часть России – от 70 до 80% сегодняшнего взрослого населения страны, выключены из универсальных культурных связей. 77% современного российского населения никогда не бывают в кино...

В.П. Макаренко: Ясно.

Б.В. Дубин: Свыше 80% населения никогда не бывают в театре, в музее, на выставке. До 80% нынешнего взрослого населения России никогда не бывают в библиотеках. Вот ситуация выключенности из универсальных культурных связей, где работают не личности, не родственники, не персонификации власти, а универсальные нормы. Бóльшая часть населения выключена из этого универсального пространства. Единственный показатель, который рос на протяжении последних 15 лет, – это походы в гости и принятие гостей. Но и это характерно только для двух групп населения: молодежи, с одной стороны, и самых старших, с другой. Для самых старших поход в гости и прием гостей – это сторона традиционного ритуала: ходят в гости к родственникам и принимают гостей – родственников. Для молодежи общение в гостях – это общение с друзьями.

Мне кажется, что наличие какого-то принципиального «другого» – ну, вы понимаете, что слово «друг» и слово «другой» неслучайно из одного контекста, – что принципиальный «другой» существует в российских условиях только в одной возрастной фазе – для молодежи. Чем старше человек, тем меньше для него значимы какие-то «другие» и тем больше для него значимы «свои». Это характерная структура не только общества, но и сознания о нашем обществе. Это характеристика реальной жизни и ментального представления о ней. Того, как надо, как правильно жить «по-нашему», как «у нас» живут.

Следующий мотив – усиление ретроспективных ориентаций в коллективных представлениях россиян о том, кто они такие. Тут остались: ориентация на так называемый «особый вкус»; ориентация на наше прошлое, на историю. На протяжении 1990-2000-х гг. в конструкции коллективной идентификации – кто такие «мы», чем «мы» гордимся, что составляет особенность «нашего» – росли только две характеристики: «наша земля – территория, на которой мы живем»; «наше прошлое, наша история». Легко видеть, что объединяет эти характеристики между собой: то и другое находится вне сферы контроля и воздействия человека, который это говорит. Он говорит об этом как о неподвластных его контролю реальных сущностях. Это не результат его действий, не результат того, что он хочет и может сделать что-то лучшее, а это данность, потому что «мы» – это мы. Если хотите, это другое имя для «нас», это другое имя – «Россия», так же как другое имя «Россия» – «православная Россия». Третья часть населения считает себя православными. При этом – «религиозно озабоченными», «религиозно встревоженными», «религиозно заинтересованными» людьми – «очень религиозными» считают себя 7%, достаточно религиозными – порядка 20%. Кто-то говорит, что для них очень важна религия – 6-7%, еще 15% – относительно важна. При этом три четверти называют себя православными.

Как объяснить квалификацию себя как «православных»? Готового имени «советские люди» больше нет. Слово «россияне» лидеры России услышали от Ельцина, с ним оно ассоциируется. Но бóльшая часть населения, даже во времена власти Ельцина и после его смерти, относится к нему без почтения, как и к Горбачеву. Игорь Иртеньев писал, что пальто-то могли бы подать все-таки Горбачеву, но не можем: своё, особое представление о том, кто такие «мы», о собственном достоинстве. Нет между нами солидарности. Поэтому слово «россияне» большинство жителей страны не использует, а «православные» – это другое дело.

Последний момент этой характеристики – на протяжении второй половины 1990-2000-х годов систематически сокращалась область «общего» – общих ценностей, интересов, дел. Идет последовательное ослабление, уничтожение, выведение из актуального горизонта символов и значений, относящихся к «общему», к человеку как таковому, к высшим областям значений, которые оправдывают и объясняют само существование человеческого рода, объединяют людей как таковых. Возьмем ответы на вопросы о том, как люди себе представляют крупнейшие события в мировой истории, на всем ее протяжении или на протяжении XX века, или о том, кто является самыми выдающимися людьми всех времен и народов. Получается деформированная картина: сосредоточенность на советском периоде истории, где «главными событиями» будут Октябрьская революция, победа в войне, полет в космос, Чернобыль как предвестие катастрофы; 1991-й год как год распада Союза.

Если говорить о героях, – это герои из школьной программы. В первую очередь – фигуры вождей, полководцев и людей, представлявших державную, имперскую культуру. Представления о таких людях почерпнуты из школьного учебника. Это может быть Пушкин, Менделеев, Ломоносов. Важно, что речь идет не о науке, не о литературе, а о тех, кто представляет Россию, «нас», как некое державное целое.

Важнее всего в ретроспективной ориентации и сосредоточении на исключительно наших, изолированных особых значениях и силах, вот что: на протяжении второй половины 1990-х-2000-го года – это некое «наше» и «особое» все больше наделяется характеристикой «советского». Наш «особый» путь – это все больше «советский» путь. Наше прошлое – это все больше «советское» прошлое. Это чрезвычайно существенное изменение произошло в 2000-е годы.

Лев Дмитриевич показывал на своей картинке, какой политический режим представляется для россиян самым лучшим. Все более нарастает привлекательность советского режима. Здесь очень важен период экономического кризиса, в котором Россия сейчас находится. Этот факт значит, что ситуация кризиса, неопределенности ведет именно к харизмам. Не в направлении изменения ситуации, а редукция к прошлому, и не просто к прошлому, а к советскому прошлому. Иначе говоря, основой идентификации (себя, представления о власти, представления о настоящем) для большинства (по крайней мере, для двух тре-

тей сегодняшних россиян) является «советское». В какой мере оно реально советское, а в какой мере специально сконструировано на протяжении 1990-2000-х годов, – это отдельная большая проблема. Можно показать на самых разных материалах, как это делалось из подручных материалов, но сейчас не об этом речь. Важно, что эта сконструированная, как сказали бы западные историки, традиция принята как сама реальность, принята как «наша».

Таким образом, что мы имеем, если очертить сложившуюся структуру социально-политического порядка? Внизу широко представлена количественно наполненная стигматизированная масса. Эта масса приняла свое положение как некоторую стигму, и компенсирует ее представлением о некоем героическом, державном «мы». Но опять-таки героически-державное «мы» отнесено в изолированное прошлое, которое касается только нас и больше никого. Наверху безответственная, ничем и никем не контролируемая власть, по крайней мере, она себя так подает и представляет. Этот новый феномен не контролирует тот слой, прослойку, фракцию населения, которая себя достаточно активно демонстрирует. Их можно назвать «новые благополучные», «новые успешные». Их выражением, зеркалом и в то же время – рекламой является глянцевая, «гламурная» культура.

Это относится не только к категории моды, а к категории политики. Нынешняя политика, особенно первых лиц, целиком зависит от телевизора. Представители власти все чаще и чаще демонстрируют свое соседство с героями «гламурной» культуры, говорят языком этой культуры, используя каналы ее продвижения. Это вещь совершенно не случайная и совершенно не случайны «новые благополучные». Наш опрос именно этой категории населения показывает: именно эти люди высоко ставят режим Путина в 2000-м году и считают, что обязаны всем именно ему и готовы его поддерживать.

Наряду с этими «новыми благополучными» я бы выделил слой «новых циников». Их довольно много. Это политики типа Жириновского. Но очень сильно на сознание и поведение группы «новых циников» повлияла ситуация 1995-96-гг., которая показала политтехнологам, что они могут, и они убедились в собственных силах. Очень характерна иллюзия этого «гламурного» слоя или его «цинической» изнанки о тотальной управляемости. С их точки зрения все проблемы технологичны. Никаких трудностей, проблем нет, дайте деньги, мы найдем людей, технологию, и сможем сделать все. С их точки зрения не существует никаких отдельных людей, с их интересами, группами, заботами. У этой группы нет социальных, политических, любых партнеров, для них есть материал для обработки. Дайте средств и в положенный срок мы добьемся нужного эффекта. В качестве примера может быть приведен Г.Павловский. Но не он один, я могу назвать еще достаточно много людей такого пошиба. В частности, новые менеджеры масс-медиа, которые пришли в 1993-94-м году, скроены из того же материала и по тому же шаблону.

Последняя характеристика вытекает из уже сказанного. Ее можно назвать «отсутствие будущего» или «отсутствие представлений о будущем». Юрий Александрович Левада писал в начальной главе книжки про элиту об одной из «традиций российской элиты» – короткие исторические отрезки существования. Нет преемственности между этими короткими отрезками. Иначе говоря, каждая фракция элиты, во многом и в массе населения, не ставит перед собой каких бы то ни было далеких целей; она ориентируется на ближайшее будущее. Причем ориентируется (для населения это характерно особенно, но во многом это характерно и для элиты) не на лучшее, пусть даже немножко лучшее, а на нижнее, на худшее, на то, чтобы мне стало хуже. Т.е. она не задана будущим, а ограничена представлением о прошлом как «плохом прошлом».

Здесь интересный новый поворот темы прошлого – не «славное героическое прошлое», а то прошлое, когда «мы из грязи в князи вышли». Это тоже важная характеристика – то, от чего отталкиваемся, чтобы удерживать сегодняшнее. Отсюда вытекает структура времени и структура истории в массовых представлениях и в представлениях элиты. Это структура повторения: история – это то, что повторяется и реализуется. В конечном счете, история в таких представлениях описывает один из вечных сюжетов: мы теряем какое-то состояние как замечательное – свои корни, Россию, русскую традицию, русскую культуру и т.д., и опять находимся в пути к возвращению ее. Потеря и томление по возврату. Кто-то из молодых людей может уже не помнить, что 1989-1990-й годы были годами перестройки. Теперь символы окрашены нашими воспоминаниями о том, что тогда было. В 1989-м году на советские экраны вышел фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя». Он повествовал о проблемах и явлениях 1987-1989 годов. Фильм завоевал три премии «Ника». По опросу читателей журнала «Советский экран» то был лучший фильм года. В 1989-м году на страницах журнала «Знамя», который имел в то время 900 с лишним тысяч тиража (помножьте, по крайней мере, еще на десять, прочитавших каждый номер), вышла повесть Эдуарда Лимонова «У нас была великая эпоха». Еще через два года вышел фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». Вот конструкция истории, конструкция времени. Вот представление, которое сегодня разделяет большинство населения и значительная, если не вся, политическая, культурная, экономическая, военная и тому подобная «элита». (*Аплодисменты.*)

Т.Г. Лешкевич: У меня вопрос к средней части вашего доклада. 18 марта 2010 года...

В.П. Макаренко: В День Парижской коммуны.

Т.Г. Лешкевич: ...я участвовала в конференции Института философии РАН, которая называлась «Русский мир». Она была хорошо представлена, – ближнее и дальнее зарубежье. Они там настолько активно пользовались концептом «русский», «русское», не используя слово «россияне», что я даже стихийно стала выступать не на ранее заявленную тему, а с рассуждением, на-

сколько это сейчас, в наших условиях возможно. Я хотела бы услышать ваше мнение: можно ли сейчас, реально, с претензией на какой-то обществоведческий (я не говорю научный) анализ, опираться на концепт «русское», «русский»?

Б.В. Дубин: Если удастся кому-то сделать успешным, авторитетным, влиятельным для других такое значение слова «русский», которое близко к понятию «гражданин Америки», независимо от того, какого он цвета кожи, происхождения и так далее, – тогда почему бы нет? Но в России 15% – а это очень близко к европейским стандартам – людей, которые не признают себя этническими русскими. Причем, в России в ближайшее время процессы миграции будут усиливаться. С этим столкнулись западно-европейские культуры на протяжении последней трети XX века и первого десятилетия XXI века. Полиязыковое, поликультурное, полиэтничное существование выдвигает соответствующие запросы и требования к политической системе, системе образования, системе продвижения элит, социальной мобильности в целом. Развитые страны работают в этом направлении уже четверть века. Причем, не только индивидуальная работа, не только работа элиты, – мы тоже работаем тут. Если же в России играется карта «русский мир», – похоже, что к вышеуказанной работе мы абсолютно не готовы. Поэтому всякий разговор о миграции, полиэтничности и т.д. вызывает у власти и близких к ней так называемых «аналитиков», «консультантов», «политологов» такую паническую реакцию. Ю.А.Левада писал, что если общество строится как разгороженное, то любой слом перегородок воспринимается им как хаос вседозволенности. Понимаете? Если настаивать на том, что русское – это этническое русское, это может привести к очень серьезным проблемам, и совершенно непонятно, как оно сумеет на них ответить. Желание ходить с такой карты … мы видали и не таких картежников на протяжении последних 20 лет. Да еще каких шулеров!

Т.Г. Лешкевич: То есть, целесообразно все-таки говорить «россияне»?

В.П. Макаренко: Нет.

Б.В. Дубин: Нет, не принимает население эту характеристику. Вы сами это чувствуете. Все интеллигентные люди слышат в этом слове кавычки.

Т.Г. Лешкевич: Тупиковая проблема образовалась.

Б.В. Дубин: Это проблема не слова, а самоопределения...

Т.Г. Лешкевич: Да.

Б.В. Дубин: ...и в этом смысле – реального движения, расширения или сужения перспектив, изоляции. Давайте одни останемся на нашем острове. И будем считать, что остальных не существует...

Л.Д. Гудков: Французы…

Б.В. Дубин: Вот замечательный пример: на одной из встреч с французскими коллегами обсуждались всякие социальные, политические, национальные проблемы. И мы поинтересовались (ведь мы работаем тоже с этим материалом у себя в стране): каков национальный состав населения Франции?

Л.Д. Гудков: Этнический.

Б.В. Дубин: В смысле – этнический. А коллеги сказали: откуда можно получить такую информацию? Такой информации во Франции вообще не существует. Задать такой вопрос невозможно. Это исключено.

Л.Д. Гудков: Французы – политическая нация. Они давно уже не бретонцы, не нормандцы, не корсиканцы, зато занимаются возрождением почти умерших языков (бретонский и прочие). Но когда вы спрашиваете: вы евреи или кто? – они отвечают: мы французы, потому что мы – политическая нация.

Б.В. Дубин: У них такой статистики нет, потому что нет такой графы в национальной статистике, в паспорте).

Л.Д. Гудков: И этот вопрос прозвучал как неприличный.

Б.В. Дубин: Да, конечно. Мы были друзьями, с которыми мы давно работаем, они нас хорошо знают, у нас более-менее аналогичные взгляды. А вдруг выяснилось, что мы задали вопрос, который задал бы … я не знаю...

Реплика: Жириновский.

Б.В. Дубин: ...господин Геринг или Жириновский или кто-нибудь из этого угла. Это было столкновение с реальностями другой среды.

Н.П. Проценко: У меня такой вопрос. Согласно вашим данным, 80% людей не могут повлиять на что бы то ни было...

Б.В. Дубин: До 85% даже.

Н.П. Проценко: Скажите, как вы оцениваете потенциал мобилизации остальных 15%, кто что-то решает? Может здесь возникнуть ситуация, которая была во время вторых выборов Ельцина, в 1996-м году?

Б.В. Дубин: Давайте разделим вопрос на несколько частей. Первая часть – о тех, кто не попадает в большинство. Маленький комментарий относительно цифр. 52% считают возможным контролировать то, что происходит на работе, на том месте, где они работают. В этом смысле цифра хотя бы к половине близка, а не к 85%. Чем дальше от места жизни и работы человека, тем цифра неспособности влиять становится больше. Теперь насчет меньшинства. По нашим экспертным оценкам, от 15 до 25% (по разным параметрам) не принимают сложившийся социально-политический порядок. Следующий вопрос: можно ли, кто может и вокруг чего их можно мобилизовать? Они так же атомизированы, как остальная часть населения. Более того, в наиболее продвинутых (в смысле способности рефлексии, уровня квалификации) группах развивается ориентация на самозакукливание, на самоизоляцию, на кружковое существование среди своих, а не на выход в открытую сферу интеллектуальной конкуренции, политического действия и т.д. Отсюда вытекает возможность их мобилизации: чем больше люди критичны, тем меньше они поддаются чистой анти-мобилизации, по крайней мере, хотелось бы про них так думать. Я не вижу в сегодняшней России людей, идей и способов их сплочения, которые могли бы эту часть населения сплотить хотя бы виртуально. С одной стороны, сегодня происходят ситцевые бунты по поводу монетизации. Но это же абсолютно другие явления.

Это не движение, а брожение, это другой социальный процесс, он ни во что перейти не может. В отличие от брожения винограда, в вино он не переходит. С другой стороны, в Калининграде или на Дальнем Востоке работает «ригидная депривация», – психология и социология этим понятием тоже пользуются. Речь идет о людях не бедных, которые уже что-то получили, но которые видят, сколько они могли бы получить в других условиях. Не случайно это происходит на границах империи, где есть выход в другие культуры и в другие способы жизни. Их берут за живое, берут за то именно, что им на протяжении 15-20 лет последних удалось. А их объявили богатыми!? Такие вещи чрезвычайно значимы в прагматическом и в символическом плане. Идет протест против этого. У части современного российского общества существуют иллюзии о возможностях и способностях Медведева, в том числе о его либерально-демократическом потенциале и т.д. Мне кажется, это характерная черта именно этих категорий и нынешнего периода раздробленности, шатаний и неопределенности. Я таких способностей не вижу, и не вижу, почему они могли бы там возникнуть. Впрочем, исторический прецедент 1985 года все-таки, как возможность, всегда остается. Будет эта возможность реализована, кем, и какие возможности мобилизации в этом случае возникнут, – это большой вопрос, и я не готов на него отвечать.

Вопрос из зала: Чем отличается атомизация индивидов в условиях советского и нынешнего российского общества?

Б.В. Дубин: Если говорить о советском обществе, то нам до него далеко. Я работаю во временных координатах, где можно проследить влияние институтов, наличие коллективной памяти и т.д. Какая политика наших правителей или народа? – решительно не вижу. Если взять нынешний период по сравнению с советской ситуацией 1920-30-х годов, то тогда тоже была бытовая раздробленности и фрагментированность. Но на протяжении 1920-30-х годов открылись каналы социальной мобильности, возникли несомненные возможности для части населения реализоваться, действовали механизмы мобилизации, включая пропаганду и т.д. Все это отличает тогдашний порядок от нынешнего. Нынешняя власть заинтересована не в мобильности, а в равнодушии: так ей гораздо удобнее, чем при какой бы то ни было мобилизации. При определенных условиях равнодушие как социальный материал гораздо предпочтительнее тотальной мобилизации. Тут есть сходство современного режима с советским режимом. Но нынешние политическая власть, масс-медиа и поведение части населения совершенно неправильно это подчеркивают. Потому что использование советского символического, политического, лозунгового материала для инкорпорирования его в принципиально другую структуру власти, отношения населения к власти, отношения частей населения друг к другу, – это не более, чем инкрустирование отдельных деталей. В государствах, которые поздно пришли в историю, характерно использование обломков и руин предшествовавших цивилизаций для построения своих храмов и дворцов. Сегодня мы имеем дело с про-

цессом как раз такого типа. Речь не идет о реставрации. Происходит просто инкрустация элементов, которые должны быть определенным образом опознаваемы большинством населения. Этот путь население хорошо опознает. С другой стороны, хорошо, если эти элементы будут различать наши политические власти и политические противники. Неплохо также, если их заметят наши западные партнеры, и оценят, что в нашей стране возможен крен и в эту сторону, и тогда поддержат тех, кто не даст стране скрениться туда. Иначе говоря, это функциональные элементы, вставленные в другую конструкцию и имеющие другую, причем разную в каждом случае, адресацию.

А.И. Субботин: Вы отказались от ранее объявленной темы, посвященной социальному цинизму. Я подчеркиваю – *социальному*. Но в ваших ответах вы упомянули равнодушие, маску как форму современной власти, – это тоже проявления социального цинизма. Меня интересует вот что: ведь если фактически исключить термины – тот же социальный цинизм, – мы получаем *моральную* оценку. Меня учили, что моральные оценки к научным оценкам не имеют отношения.

Б.В. Дубин: Угу.

В.П. Макаренко: Это о них такой популярный миф распространился.

А.И. Субботин: Я замечаю, что в вашем выступлении эти вещи перемешаны: есть очень много интересных, объективных оценок происходящего, но они перемешаны с моральными, типа «равнодушие народа» к чему – не совсем ясно. Что вы имеете в виду под «социальным цинизмом», – вы оцениваете моральное состояние народа? А если нет, то каковы объективные причины для такого поведения народа? Можно ли обвинять народ в неподобающем поведении? По-моему, это абсурдно...

Л.Д. Гудков: Он не обвинял.

А.И. Субботин: А зачем тогда использовать термин – «социальный цинизм» и применять это к поведению масс? Какой в этом смысл? Тогда получается, что вы работаете на пиар, на СМИ, на власть, которые такими вещами жонглируют, а объективного содержания я не вижу.

Б.В. Дубин: Покажите мне, пожалуйста, окно, где нам можно получить деньги за нашу работу на власть и на масс-медиа.

А.И. Субботин: Неважно, что вам не платят, важно, что фактически вы на них работаете.

Б.В. Дубин: Ну, я понимаю. Невольный пособник, да? Мы знаем, из каких времен пришла эта терминология.

Реплика: Не в этом дело.

Б.В. Дубин: Ну, давайте проясним. Когда я говорил о равнодушии, я сказал, о равнодушии к чему. И чем оно вызвано, описывал его как социальный феномен. Могу описывать это как неангажированность, невключенность, отказ от участия. Что касается «социального цинизма». Я бы не относил это явление

к массам, а начинал бы с элитных категорий, и описал бы его через два феномена:

1. Демонстративное отсутствие представлений о каком бы то ни было «другом» как самостоятельном существе и партнере, со своими ценностями, интересами. В любом случае его используют с помощью насилия, мобилизации, подкупа. Средства всегда найдутся: дайте нам максимальные средства, и мы сделаем то, что надо.

2. Демонстративное отсутствие представления об идеальном. О том, что выше повседневных интересов, отдельных воль и отдельных поступков. Если хотите, о нравственном законе и тех самых «звездах над нами», которые кружат и определяют наши пути, по крайней мере, влияют на них.

В той мере, в какой эти установки не просто реализованы какими-то группами населения, а еще и декларированы и представлены как единственно возможная, единственно достойная, единственно современная манера относиться к жизни, к людям, к миру, к обществу, к политике и т.д., – я считаю возможным говорить о социально-политическом цинизме. Поскольку вы сами дали себе аттестацию, то я тоже могу аттестовать себя – я точно не моралист и не марксист. В этом смысле я совершенно не готов поступать по Марксу и читать мораль обществу или даже каким-то его людям. Я считаю, что мораль – это их личное дело. Но если эта мораль начинает влиять на коллективное существование больших групп населения, то я считаю, что это предмет моего профессионального интереса, анализа, внимания, и вынесения результатов этого анализа к заинтересованным лицам и группам.

А.И. Субботин: Конечно.

В.П. Макаренко: Лев Дмитриевич тоже хотел ответить.

Л.Д. Гудков: Вообще говоря, проблемы цинизма и морали меня чрезвычайно интересуют. Я думаю, цинизм и мораль – взаимосвязанные вещи. Но настолько сложные, что обычный аппарат социологии не ухватывает это, он требует развертывания. Как мы понимаем мораль с точки зрения социологии? Мораль – это наиболее сложная форма регуляции, интеграции человека, но не через соблюдение традиций. Традиция основана на принципе «делай, как я», т.е. в буквальном смысле – повторение от лица к лицу, целым куском поведения, или «делай как наши деды», с апелляцией к нашему прошлому, как образцу. В традиции есть также жесткие перегородки, разделение на «своих-чужих», когда вертикаль устройства приобретает этноиерархический характер. Если мораль рассматривать как нормативную, то это система групповых или институциональных предписаний, с набором санкций за отклонение и несоблюдение. Санкции не обязательно являются правовыми. Самый простой пример – диапазоны нормативных санкций: от изгнания из группы до «и молча обмененный взор ему был общий приговор» (А.С.Пушкин) – за несоблюдение такта.

Мораль как тип регуляции гораздо сложнее, и предполагает наличие системы универсальных институтов. Не репрессивных, а именно универсальных

институтов, которые основаны на ценностной регуляции. Ценностный тип регуляции не предполагает санкций, а предполагает внутреннюю, субъективную мотивацию соблюдений. Я не потому соблюдаю такие-то вещи, что иначе мне грозит наказание или осуждение окружающих, а потому что я не могу иначе, я должен так делать, для меня это значимо. Это наиболее сложный уровень социальной регуляции. Он предполагает выбор всегда, предполагает противоречивую ситуацию и прочее-прочее-прочее...

А.И. Субботин: Противоречивую?

Л.Д. Гудков: Обязательно.

А.И. Субботин: Тогда напрашивается уточнение: вы признаете, что законы морали имеют объективные причины?

Л.Д. Гудков: Сейчас, одну секунду… Можно я доскажу? Вот этого типа регуляции у нас не возникает, точнее – он возникает, но систематически подавляется. Потому что по отношению к сталинскому времени проблемы морального выбора просто не существовало, любой шаг был наказуем. Как Левада говорил, это было время вне морали. Просто не стоял этот выбор.

А.И. Субботин: А внутри тоталитарной морали?

Л.Д. Гудков: Ну, это либо героическое поведение (в этом смысле оно неморальное, это другой тип регуляции) либо это не проблема социологии и этики. Здесь я не говорю о классовом анализе. В этом смысле цинизм – это особая реакция на состояние ценностной нормативной системы, когда насилие становится кодом социального поведения. Причем, насилие заключается не просто в физическом принуждении, а в полной дисквалификации партнера, отрицании за ним дееспособности и ценностных качеств, и сознательное настаивание на этом положении. Почему Гитлер мог уничтожать евреев? Потому что они не люди. Почему можно было уничтожать кулаков, белогвардейцев? Потому что они – не люди, а классовые враги. Мы имеем право на использование насилия. В этом смысле оно есть фундаментальный социальный код. Он чрезвычайно важен, поддерживается рядом институтов, и здесь не возникает моральных представлений. Того, что сформулировано в «золотом правиле этики»: «Относись к другому так, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе». На этом строятся сложные формы регуляции – от экономических (денег, взаимообмена) до ценностных. Наука не может существовать без этого уровня...

Б.В. Дубин: Но возможна работа шарашки.

Л.Д. Гудков: Но возможна работа шарашки, принуждения…

Б.В. Дубин: Науки – нет, шарашки – есть.

Л.Д. Гудков: Поэтому цинизм, когда он устанавливается в практике массового поведения и в практике управления, – это именно настаивание на том, что определенные категории, группы, множества лишаются самостоятельного значения. Это принимается, становится разрушающим началом, разрушает социальные связи, благодаря чему люди замыкаются в те группы, которым они

только и могут доверять – в семью, самым ближним. Вот мы это видим как общее проявление. Более конкретные проявления – как реакция – этого не было.

На Чеченской войне мы очень хорошо это видели. Распространение абсолютного, тотального цинизма, того, что я называю немецким «alles scheise» – «всё дерьмо», просто. Наши генералы заинтересованы и кормятся от этой войны и продают боеприпасы чеченцам. Чеченские сепаратисты проводят теракты за деньги. И даже – совсем логический дурдом – самоубийцы-смертники совершают это из корысти, потому что им заплатили. Логически этого просто не может быть. Это значит, что в нашей стране распространилось абсолютное зло.

Я его не оправдываю, но хочу объяснить: это означает, что существует полный отказ в самодостаточности и в признании за ней какой-то собственной ценности. Это очень сильно сейчас разлито. Цинизм является реакцией на несколько волн. Во-первых, он является первой волной на конец советского проекта. Как бы мы ни относились к СССР, но за этим некоторые идеи стояли – новое общество, новый человек, новая мобильность и прочее – я совершенно не собираюсь защищать, а объясняю эту вещь. Тяжелейшие последствия краха этого, как пережитое, очень медленно размазано в брежневское время. Вторая волна – перестроечная. Она не полностью захватывает, но все равно захватывает. В определенных средах было возбуждение общества. Были надежды, иллюзии, совершенно точно. Реакция на несовершённые, несбывшиеся надежды и иллюзии тоже дала вот эти разъедающие представления. Третья волна – нынешняя, постдемократическая, в последние годы. Как всегда, лучший индикатор – искусство. Пожалуйста. Что мы видим сегодня на экранах? Бандитские разборки, «Комеди-клаб», который стебует все, что только можно, «Наша Раша», и прочее. Это механизмы разъедания любых ценностей. Возьмите, пожалуйста, Веронику. Да. «Пусть все умрут, а я останусь». Вот вам продукт. Я не говорю – талантливо это или нет, я говорю – это симптоматично. Это интересно, если мы хотим понять это общество...

Б.В. Дубин: В медицинском смысле – у нас интересная болезнь.

А.И. Субботин: Но я не об этом спрашивал. Я спрашивал вас не о том, что вы мне сказали.

Л.Д. Гудков: (*Смеется.*) Поэтому я и перебил вас.

А.И. Субботин: Я спрашивал об объективных основаниях ваших исследований; я хотел вам задать вопрос: нарушение морали, аморальное поведение имеет объективные основания для человека, который это делает, или нет?

Л.Д. Гудков: Я не понимаю, что такое «объективные».

В.П. Макаренко: Мы не пользуемся…

Л.Д. Гудков: Мы не пользуемся этим термином.

А.И. Субботин: Когда человек *вынужден* нарушать мораль по отношению к другому человеку.

Л.Д. Гудков: Какому?

А.И. Субботин: Да любому.

Л.Д. Гудков: Когда готтентот убивает врага, он нарушает мораль или нет? Здесь есть «могу» или «не могу». Это внеморальное поведение.

А.И. Субботин: А у нас сейчас мало аморального поведения?

В.П. Макаренко: Да! Ты же сказал, что ты моралист?

Б.В. Дубин: Извините, можно две маленьких реплики? Здесь есть некоторое логическое и очень интересное противоречие в том, что вы говорите. «Любое», в данном случае, выходит из категории универсальности, по отношению к поведению, которое заведомо не универсально и не ориентировано на универсальность.

А.И. Субботин: Вы сами в своих ответах упомянули такой очень интересный термин – «самоопределение». Я когда его услышал, это мне как бальзам на душу, потому что я сам занимаюсь проблематикой самосознания, это один из моих фундаментальных терминов. Самоопределение – что это такое? Это когда человек сам решает, как ему поступать – в соответствии с моралью или не в соответствии с моралью?

В.П. Макаренко: Так он уже об этом говорил.

А.И. Субботин: Он принимает решение и поступает, убивает, ворует, сверху и донизу!

Л.Д. Гудков: Нет. Это проблема очень узких групп, самоопределения, она не может быть всеобщей.

А.И. Субботин: Интересно. Все воруют у всех, кто только может…

Б.В. Дубин: Я завершу свой ответ. Важно, что вот это состояние, которое мы описываем, – невключенности, индифферентности, сужения круга общения до родных и близких, – это феномен социума, который жил в условиях всеобщих перегородок. Эти перегородки «поплыли», стали разрушаться. Должны быть универсальные ориентиры, но всё сознание сформировано перегородчатым обществом: все «другие» разделены на «своих» и «чужих». А в отношении «чужих» допустимы любые средства. Цинизм – оборотная сторона жизни общества, которое привыкло к перегородкам и оказалось в неперегородчатом состоянии. С одной стороны, оно начинает строить новые перегородки, и мы видим это на протяжении 2000-х годов, в высшей степени – посмотрите, какой из наших домов не окружен металлическим забором со специальным наборным замком и т.д. и т.д. С другой стороны – оно впадает в цинизм, и это – разные стороны одного феномена.

А.И. Субботин: Я не понимаю, к чему должно быть ангажировано… к чему присоединяться?..

В.П. Макаренко: Саша, не занимайся самовозгоранием.

А.И. Субботин: Вы меня простите что так…

Б.В. Дубин: Хоть к чему-нибудь.

А.И. Субботин: Так вот это же и происходит! К чему-нибудь – это каждый может! К тому, что он сам решит! Воровать – да, можно. Убивать – можно. Воевать с Чечней – первое дело, прекрасно.

В.П. Макаренко: Что ты от них хочешь?

Б.В. Дубин: …Большинство населения до этого не доходит.

А.И. Субботин: (*отвечает на вопрос В.П. Макаренко*). Объективных оснований.

А.М.Старостин: Хорошо, что Саша разозлил основных докладчиков…

В.П. Макаренко: Ничего он не разозлил.

Б.В. Дубин: Мы абсолютно спокойны.

Л.Д. Гудков: Спасибо всем троим.

В.П. Макаренко: Нет, подождите. Мне надо еще играть роль умиротворителя. Профессор Лубский – пожалуйста.

А.В. Лубский: Мы сейчас столкнулись с когнитивной ситуацией, когда начали говорить на разных языках. Произошло наложение разных дискурсов. Я понимаю, что вы понимаете под моралью. Это система нормативных, этических, коллективных требований, которые общество применяет ко всем и к каждому в отдельности...

А.И. Субботин: То есть, это внешние требования, которые признают, либо не признают.

А.В. Лубский: Это «внешнее» – ерунда. Лев Дмитриевич говорит: «Мораль – это внутренний регулятор»...

В.П. Макаренко: Совесть.

А.В. Лубский: ...поэтому в русском языке – это нравственность, нравственный выбор, совесть. Поэтому точки зрения, вы знаете…

В.П. Макаренко: Ну, это уже схоластические пошли споры.

А.В. Лубский: Нравственный выбор каждого – это совесть, вы помните, как некто в «Золотом теленке» воровал у детей и краснел? Это норма тогда была такая. Сейчас говорят «украл больше, чем положено». То есть, украсть можно, но не больше положенного. Коллеги, когда мы обсуждаем вопросы, надо всегда обозначать, *что* я понимаю под этим. Знаете, это как спорить: «Этот стол деревянный», а ему говорят: «Да какой он деревянный – прямоугольный».

Б.В. Дубин: Я думаю, весь ряд стран либо прошел через эту ситуацию и вышел к чему-то, либо находится на каком-то похожем пути, хотя на других его стадиях. Вполне достаточно назвать Италию и Германию после 1945 года, Испанию после 1976 года и т.д. Можно взять латиноамериканские или сходные с ними современные африканские и дальневосточные варианты, в зависимости от того, какие черты мы будем выделять в качестве ведущих. Если мы идем от концепции тоталитаризма, авторитаризма и его вариантов, то понятно, *что* мы будем выделять в качестве ведущих характеристик. Поэтому никакой уникальности в нашей ситуации, характеристиках, анализе нет. Уникальность нашего социально-политического целого и тех ориентиров или основ, на которых оно держится, только одна – в живучести. Много стран через это прошли. Оказывается, в России это функциональное состояние необходимо надолго. Вот в чем

проблема. Вся наша проблематика концентрируется на совершенно других вещах, даже не на политическом режиме, а на механизмах простого воспроизводства. Центральной становится проблематика репродуктивных институтов и того, как эти институты работают на уровне каждой семьи, каждого сознания, через какие способы. Мне кажется, вот где конец туннеля. Потому что в самой конструкции – общества, политики, даже человека – ничего сверх-оригинального нет. Вы не задумывались о тождестве советских людей с испанцами при Франко, немцами при фюрере, итальянцами при дуче, норвегами времен Квислинга и т.д.? Но эти времена и люди прошли и ушли. А в России именно эти состояния не просто признаются нашим прошлым, а нам надо к ним постоянно возвращаться, это и есть основа, к которой мы редуцируемся в тяжелых состояниях. Кризис – реферируемся к советскому образу жизни. Не то, чтобы пробовать искать из него выхода, а именно реферироваться к советскому образу жизни как основному. Вот где собака зарыта.

В.Ю. Попов: Борис Владимирович, не кажется ли вам, что цинизм является реакцией на социальную ложь? Я думаю, что мораль – это продукт устойчивого взаимодействия между людьми. Поскольку сейчас мы можем выделить ложь как инвариант, возникает цинизм. Но гораздо опаснее цинизма псевдомораль, которая разрабатывается политтехнологами. Речь идет о подмене морали православием, церковной идеологией или псевдосоветскими ценностями. Эта псевдомораль страшнее цинизма, потому что это цинизм плюс ложь, которая прикрывает цинизм. В этом смысле попытка правительства осуществить модернизацию в Россию порождает отрицание.

Б.В. Дубин: Мне кажется, ложь, тем более – тотальная, т.е. распад тоталитарного целого и традиционных структур, характерна для всей социальной жизни России. Мы ничуть не идеализируем советско-российскую семью. Она пронизана такими же напряжениями, как большая жизнь. Распад тоталитарного целого связан с распадом традиционных миропорядков. В этом смысле ложь – это выражение того же несоблюдения нормы равности по отношению к своему партнеру. Фактически, отрицание его как партнера. Это гораздо более существенная вещь, чем сам по себе факт лживости. Меня, например, очень занимают не совсем обыденные вещи, которые в себе несут непонимание того, что на свете есть другой человек...

А.И. Субботин: Недоверие?

Б.В. Дубин: Нет, не недоверие. Если вы находитесь в городе Берлине, Париже или Милане, то человек, который проходит мимо вас – любого пола и возраста – на расстоянии меньше 30 см от вас, поворачивает к вам голову и говорит: «Извините», либо делает понимающую улыбку: «Извини, что я пересекаю твою жизненную траекторию». Как мы ведем себя в общественном транспорте? Это кошмар! Абсолютно! Я понимаю, что десятилетия заталкивания себя в автобус, куда невозможно влезть, снимают всякие различия между людьми, жен-

щинами и мужчинами, старыми и молодыми. Но нельзя же до такой степени принимать это в глубь разума и сердца. Никакого представления о том, что есть другой, что у него есть другое пространство. А если ты с ним входишь в коммуникацию, то предпосылка равности (хотя мне больше нравится японская ситуация – сходство обращения) состоит в том, что он всегда характеризуется как человек немного выше тебя. По возрасту, по положению, по мудрости или еще чему-нибудь. Мне кажется, что это – хорошо. В других условиях такая готовность считаться с другим, с легкой руки великого Льва Николаевича Толстого, называется «цинизм» и ложь. Мне представляется, что это глубоко неслучайная вещь. Укоренение *таких* представлений о «другом», а значит – об общем, может соединяться с будущим. В этом случае из взаимодействия будет вытекать совершенно другое будущее. Вот это важно. Проявление этого в повседневном опыте миллионов, от отношений в транспорте до отношений в политике и образцы, навязываемых масс-медиа, – все говорит о том, что мы сегодня пытаемся описывать слона путем ощупывания с семи разных сторон. Одни описывают хобот, другие – ноги, третьи – еще чего-нибудь. Мне кажется чрезвычайно важным то, что наряду с проблематикой цинизма и ее институционализацией появилось представление об инструментальности и технологичности любых человеческих отношений. Все можно устроить, никаких проблем, – так говорят наши современники. Что покупать?

Л.Д. Гудков: Я – маленькую ремарку, две цитаты – для того, чтобы не демонизировать политтехнологию и пропаганду. Старые диссиденты и правозащитники в ответ на банальное утверждение, что в СССР создавали невыносимые условия, говорят: «Можно было выстоять».

В.П. Макаренко: Да!

Л.Д. Гудков: И соответственно, не надо демонизировать это как методологический принцип. Пушкин говорит: «Меня обманывать не надо. Я сам обманываться рад». Это первая вещь. Вторая, очень важная, – процитирую из «Дхаммапады» старый текст: «Если рука не ранена, яд можно нести в руке и яд не повредит руке». Давайте искать причин в самих себе, а не в других. Когда мы исследовали проблемы антисемитизма, наряду с другими видами ксенофобии, один раввин мне сказал: «Меня вообще не волнует, какое количество антисемитов в обществе. Меня интересует, сколько анти-антисемитов». Какое сопротивление они могут оказывать…

Б.В. Дубин: Среди прочих цифр мы показывали важную цифру о том, что многих людей эта проблематика вообще не интересует. Вряд ли вы помните, был такой писатель в 1930-е годы – Бруно Ясенский – потом в Париже издали документы...

В.П. Макаренко: Почему же, хорошо помним

Б.В. Дубин: ...у него был роман «Заговор равнодушных»...

Л.Д. Гудков: Да-да.

Б.В. Дубин: ...и там есть ключевая фраза: «Не бойся врагов, бойся равнодушных».

Л.Д. Гудков: «Человек меняет кожу».

Б.В. Дубин: Это чрезвычайно важная вещь. Мы знаем, что все вирусы, которые существуют на свете, есть во всех нас. Но есть и достаточное количество антител, которые подавляют деятельность этих вирусов и позволяют нам нормально существовать. Все дело в ситуации, которую мы описываем, как «нарастание цинизма», «нарастание индифферентности», «социальная невключенность», «сужение горизонтов», «отрицание будущего» и т.д. Она работает именно на то, что антител и способности к сопротивлению становится все меньше. И тогда оказывается, что сегодня мы оправдываем антисемитизм, завтра – античеченство, послезавтра – антикитайство, потом – антиамериканство. Мы прослеживаем эти вещи месяц за месяцем. Наступает месяц, когда хуже Грузии или страшнее Литвы врага просто не существует. И так всегда. Важно, что есть функциональное значение у образа врага, и он постоянно присутствует в сознании как структурирующее начало восприятия мира, такова его задача. В этом смысле он выступает мягкой, снятой формой мобилизации. Т.е. мобилизации как таковой почти нет, а сознание отторжения от другого есть. Это действует очень сильно. Это и есть состояние рассеянной массы или слабое состояние. Оказывается, оно гораздо функциональнее и долговечнее, чем напряженное, твердое состояние тоталитарного общества, лагерного порядка.

В.П. Макаренко: Хорошо. Какая-то расхристанная дискуссия получается, никак в определенное русло не…

А.И. Субботин: Не удерживается в теоретической клетке, да?

В.П. Макаренко: Кто еще хочет высказаться?

Н.Е. Ерохин: На этой высокой ноте надо заканчивать.

В.П. Макаренко: В таком случае поблагодарим Бориса Владимировича и Льва Дмитриевича за очень интересный доклад. (*Аплодисменты.*) И особо за то, что вы так хорошо помогали друг другу. Я размышляю над предложением Николая Ефимовича. Сделаю пару-тройку попутных замечаний. Коллеги понимают мораль – не знаю, правильно ли я понял – в смысле Дюркгейма, как некий социологический феномен. Верно или нет?

Л.Д. Гудков: Конечно, но я все-таки сказал бы так: от Канта к Дюркгейму.

В.П. Макаренко: Вся аргументация использовалась и докладчиками, и оппонентами из сферы социологии морали. И надо было бы работать в этой схеме. Но тут Александр Субботин декларировал: я – марксист, а ты кто? Пошел разговор совсем в другом направлении. Конечно, то, что происходит сегодня в России, само по себе интересно. Но нисколько не интереснее процессов, происходящих в других странах. Лет семь назад я узнал о переводе книжки голландца Слотердайка «Критика цинического разума»...

Л.Д. Гудков: Он немец, вообще говоря, он работает в Голландии.

В.П. Макаренко: Пардон. В этой книге термин «цинизм» используется для характеристики культуры, а не нравов. Дискуссия наталкивает на мысль: не мешает вернуться к Слотердайку. Это первое замечание. Во-вторых, если мы понимаем цинизм как некое культурное явление, то возникает совершенно другой круг проблем, по сравнению с тем, о чем мы дискутировали. Какой именно набор проблем? – я не в состоянии сейчас сказать, потому что надо заново проштудировать Слотердайка, которого я читал клочками...

Л.Д. Гудков: Так книжка вышла.

В.П. Макаренко: Я знаю, она у меня в интернетовском или в компьютерном варианте. Теперь к вопросу о лжи и о правде. В журнале «Человек» несколько лет назад опубликована статья Мещерякова, в которой он описал результаты эмпирического психологического анализа о соотношении лжи и правды у советско-российского человека. Оказывается, что в советское время само различие между ложью и правдой установить чрезвычайно трудно. Следовательно, существенная характеристика сегодняшнего российского общества состоит в том, что провести различие между ложью и правдой не менее трудно. И вообще – утруждают себя этой проблемой незначительные единицы. (*Неразборчивые возгласы из зала*.) Вы предлагаете вариант морали сержантского типа «Делай, как я». В обществе такая мораль не всегда работает, хотя нет ничего проще. Короче говоря, возможны другие ключи работы в отношении проблемы цинизма, с учетом культурного цинизма. А различение между ложью и правдой в отношении большинства сегодняшнего общества не работает. (*Неразборчивые возгласы из зала*.) А теперь, по образцу приснопамятного Леонида Ильича Брежнева и его верных аппаратчиков, «от себя лично» хочу поблагодарить уважаемых докладчиков… (*Смех, аплодисменты.*) И кину ложку дегтя: остервенелость некоторых дискутантов явно превышает их содержательность. Прошу особо ретивых это учесть.

От редакции: На этом аудиозапись обрывается по техническим причинам. Просим извинения у читателей. Вместо стенограммы выступлений Н.П.Проценко и В.Н.Ткаченко публикуются их статьи. Доклады В.П.Макаренко изложены в его статьях «Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства» и «Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам».

В ПОИСКАХ ВЫМЫШЛЕННОГО КЛАССА

Н.П. Проценко
Южный федеральный университет

1.

В заключительной главе первого тома «Мир-системы Модерна» Иммануил Валлерстайн формулирует теоретическое положение, согласно которому в обществе не может существовать больше двух классов. По мнению Валлерстайна, «в конфликтных ситуациях многочисленные общественные фракции имеют тенденцию сокращаться до двух основных групп путем формирования альянсов, то есть по определению невозможно одновременное наличие трех и более классов, осознающих себя в качестве таковых»[1]. При этом даже существование двух классов – это скорее преходящий момент, нежели длительно сохраняющееся положение дел: «утверждение, что не может существовать три и более класса, не означает, что классов всегда два. Классов может не быть вообще, хотя это редкая и преходящая ситуация. Но может быть так, что существует всего один класс – вот наиболее распространенное положение дел. Если же мы имеем два класса, то такая ситуация наиболее взрывоопасна». «В действительности классы существуют лишь в конфликтных ситуациях», – резюмирует Валлерстайн, но при этом конфликт не обязательно может быть межклассовым, он «может быть определен и как столкновение между одним классом, воспринимающим себя в качестве универсального, и всеми прочими социальными стратами»[2].

Ситуация, сложившаяся в российском социуме в течение полутора лет мирового экономического кризиса, очевидно конфликтна. В первом приближении это конфликт между сторонниками декларируемой президентом Медведевым модернизации и (цитируя статью президента) «влиятельными группами продажных чиновников и ничего не предпринимающих «предпринимателей»». Если с первой группой все более или менее понятно, то кто же такие эти «мы», к которым апеллирует президент на протяжении всей своей статьи? Ответ на этот вопрос приблизит нас к пониманию природы конфликта в российском об-

[1] Wallerstein, Immanuel, *The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Academic Press, New York and London, 1974. P. 351.
[2] Ibid.

ществе и позволит дать определенные прогнозы развития ситуации. Для этого мы постараемся проверить на нынешних российских реалиях классовую теорию Валлерстайна.

Начнем с вопроса, сколько классов в сегодняшнем российском обществе? Один, два или ноль? Прежде всего приходит на ум словосочетание «средний класс», численность которого в России чаще всего определяется исходя из определенного уровня доходов. Если принять за «точку входа» уровень заработков от 1 000 долларов в месяц (плюс-минус 20%), то средний класс в России составляет несколько процентов населения и существует в основном в крупных городах[3]. Если же считать, что «средние русские оказались ярко выраженной социальной группой не только благодаря уровню своих доходов, статусу или потребительским предпочтениям, но и характерному для них набору ценностей»[4], главными среди которых являются свобода, воля, энергия и самодисциплина, то средний класс, по оценке опубликованного в 2006 году исследования «Реальная Россия. Социальная стратификация современного российского общества», выполненного журналом «Эксперт», Институтом общественного проектирования и компанией Romir monitoring, составляет в российском обществе порядка 25%. Однако в чем выражается самосознание этого класса, иными словами, какими терминами он сам себя определяет? Через какие политические институты идентифицирует себя средний класс? Есть ли у него, помимо общих ценностей, общая политическая воля? На эти вопросы, на первый взгляд, приходится дать отрицательный ответ. Если считать классом группу лиц, занятых деятельностью общей экономической природы и имеющих общие политические цели, реализуемые через формальные легитимные институты, то никакого «среднего» класса в России нет и не было – пока лишь можно говорить о некоем «протоклассе», который характеризует «принятие правил игры рыночной экономики и готовность играть по этим правилам».[5] При этом ценности данной группы практически не артикулированы в публичном политическом пространстве. Таким образом, вслед за Валлерстайном, используя известные термины Гегеля, можно утверждать, что некая группа российского общества, для описания которой используется заимствованный из западной практики термин «средний класс», является сегодня скорее классом *an sich,* [в себе], а стало быть, необходимо выяснить, может ли она превратиться в класс *für sich* [для себя] и при каких условиях. Но для начала нужно все же ответить на первый поставленный вопрос: сколько классов в сегодняшнем российском обществе?

---

[3] Качалов И. *Существует ли средний класс в России?* // Практический маркетинг, №1, 2003, http://www.cfin.ru/press/practical/2003-01/02.shtml.

[4] Николай Силаев, *Спасти среднего русского*, Эксперт, №49 (638), 15 декабря 2008 года, http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/49/spasti_srednego_russkogo/.

[5] Там же.

2.

Рискнем предположить, что единственным полноценным классом российского общества, соответствующим приведенному выше определению, является государственный класс. Оценить его численность несложно. Для этого достаточно обратиться к данным Росстата, согласно которым в 2008 году численность экономически активного населения составляла 75 765,6 миллионов человек, из них на конец года 5,8 млн человек составляли безработные, то есть число занятых составило порядка 69, 965,6 млн чел. Из них 7,9% – это госслужащие, армия и работники соцобеспечения, 9% – работники образования и 7,6% – здравоохранения, итого эти 3 категории составляют 24,6% занятых, или примерно 17,2 миллиона человек (здесь, разумеется, надо делать поправку на негосударственных врачей и педагогов, но существенно общую сумму она не скорректирует). Кроме того, к государственному классу могут быть отнесены работники государственных компаний или компаний с преобладанием государственного капитала, крупнейшими из которых (далее приведены данные «Википедии» и отдельных компаний) являются РЖД (1,3 миллиона чел.), Ростехнологии (788 тысяч чел.), Почта России (415 тыс. чел.), Газпром (376 тыс. чел.), Росатом (290 тыс. чел.), Сбербанк (250 тыс. чел.) Связьинвест (203 тыс. чел.), Транснефть (84 тыс. чел.), ВТБ (38 тыс. чел.), а также структуры бывшего РАО ЕЭС (порядка 470 тыс. чел.) – всего более чем 4,2 миллиона человек, или еще как минимум 6% занятых. Добавим сюда 7,8% занятых в сельском хозяйстве, для которого традиционно характерна высокая зависимость от государства, и получим, что занятая часть государственного класса может быть оценена по меньшей мере в 38,4% от занятого населения России, или порядка 26 млн 870 тыс. человек. На первый взгляд, может показаться абсурдным включать в пределы одного класса, скажем, мелкого клерка Почты России и президента РЖД, чьи доходы различаются в десятки раз, но не стоит забывать ценное замечание Валлерстайна о том, что «разница в доходах – это не показатель того, что некоторая группа не является классом»[6].

Теперь рассмотрим структуру экономически неактивного населения в свете интересующей нас проблемы численности «государевых людей». Из 36,909 млн человек экономически неактивного населения (данные 2007 года) 14,73 млн человек (т.е. порядка 40%) составляли пенсионеры, т.е. мужчины старше 60 лет и женщины старше 55 лет, что, опять же, является существенно заниженной цифрой с учетом более раннего выхода на пенсию значительных групп населения (работников силовых структур, вредных производств и проч.). В 5,23 миллиона (данные 2005 года, www.stat.edu.ru) оценим численность студентов государственных вузов, что составит еще 14% экономически неактивного населения (с необходимой поправкой на студентов недневных форм обучения). В итоге к государственному классу в чистом виде относится как минимум 20 миллионов человек, или 54% экономически неактивного населения – без учета, по-

[6] Wallerstein, op. cit., p. 241.

вторим, пенсионеров допенсионного возраста, экономически неактивных членов семей «государевых людей» и т.д. Таким образом, в целом численность государственного класса составит, по самой скромной оценке, где-то 47 миллионов человек. Если же к этому добавить когорту пресловутых «ничего не предпринимающих предпринимателей» – за этим эвфемизмом скрываются представители бизнеса, включенные в клиентские сети чиновников, то есть термин допускает максимально широкое толкование, – тогда мы получаем еще более внушительное число.

Сравним полученную цифру с результатами последних выборов в Государственную Думу. Общее число бюллетеней, поданных, согласно статистике Центризбиркома, за партию Единая Россия составляет 44,7 миллионов – цифра подозрительно близкая к полученной нами численности государственного класса. Разумеется, мы не утверждаем, что каждый из тех, кого мы отнесли к этому классу, в декабре 2007 года голосовал за Единую Россию, в особенности это касается жителей села и пенсионеров, многие из которых по традиции (заметим, традиции очевидно регрессирующей) голосуют за КПРФ и Аграрную партию, а также могли отдать свой голос за ту же «Справедливую Россию». Не стоит делать ставку и на высокий процент голосовавших среди студентов. В то же время мы не склонны преувеличивать фактор подтасовки выборов и вообще придавать ему какую-либо релевантность – расхожий оборот «накидали» лишь препятствует беспристрастному анализу. «Неприличные» результаты Единой России в северокавказских республиках лишь отражают степень зависимости этих регионов от дотаций федерального бюджета; аналогичным образом не могли быть в рамках «средней температуры по больнице» и результаты ЕР в тех регионах, руководители которых входят в верхушку партии (прежде всего, Татарстан и Башкортостан). Важно другое: совокупный показатель Единой России в 2008 году стал результатом беспрецедентной – и, похоже, едва ли не стопроцентной – мобилизации государственного класса и связанных с ним сетей в других социальных группах (банальный пример: агитация педагогов на родительских собраниях в школах и проч.). То, что Единая Россия получила 64% голосов проголосовавших, а ближайший конкурент – КПРФ – всего 11,5% (8 миллионов), означает лишь то, что в России нет никакого иного класса, кроме государственного. Между тем, почти 45 миллионов голосов за ЕР – это всего лишь 41% от общего числа зарегистрированных избирателей. Учитывая то, что явка на этих «мобилизационных» выборах составила 63,71%, больше трети неявившихся к урнам – это и есть тот самый класс *an sich*, или, по выражению автора цитированной выше статьи из «Эксперта», «немой класс», который теперь не может даже голосовать против всех. А если учесть, что многие голосовали по принципу «за кого угодно, лишь бы не за ЕдРо», «немой класс» потенциально готов померяться числом с классом государственным.

3.

Мировой экономический кризис поставил под угрозу существование российского «среднего класса» даже в описанном выше «потенциальном» состоянии. В первую очередь, речь, конечно же, идет о снижении доходов, что влечет за собой необходимость отказа от сложившихся потребительских моделей и в конечном итоге ставит под сомнение всю систему ценностей этой группы. Напротив, государственные антикризисные программы оказались направлены в первую очередь на поддержание нижних страт государственного класса, в первую очередь пенсионеров и работников бюджетной сферы, что лишь увеличило нагрузку на госбюджет, а начиная со следующего года ляжет непосильным грузом на плечи бизнеса в связи с резким увеличением обязательных социальных отчислений.

В подобной ситуации перед «средним классом» возникает в целом три варианта: опуститься в низшие социальные слои, влиться по мере возможностей в ряды государственного класса со всеми втекающими последствиями (в качестве исторической аналогии можно привести известный процесс превращения французской буржуазии «Старого режима» в государственную бюрократию), либо заявить о себе как о полноценном классе, создав собственную политическую партию с целью борьбы за власть. В первом приближении такую партию можно, как ни странно это звучит, назвать «партией нормальных людей» с учетом специфически российского значения слова «нормальный», которое фактически является аналогом слова «средний» в западном обществе. «Не бандит, не олигарх, не из администрации – обычный нормальный человек» – вот рабочее определение этого типажа, прозвучавшее из уст «нормального» санкт-петербургского предпринимателя в личной беседе с автором статьи. Однако реализация любого из трех указанных сценариев в конечном итоге будет зависеть от поведения государственного класса.

Наиболее неблагоприятным для страны вариантом развития событий является эскалация внутриэлитного (или, в российских реалиях, так сказать, «внутритандемного») конфликта, усугубление которого при наличии дополнительных негативных факторов (в том числе внешнеполитического характера) чревато революцией и распадом государственности. Данный сценарий неминуем в том случае, если в российской политике в преддверии ближайшего избирательного цикла не повысится уровень публичности и открытости, что в первую очередь означает массовую мобилизацию Дмитрием Медведевым своего электората, который явно в целом совпадает с «немым классом» – недаром в одном из первых обращений к россиянам Медведева прозвучал концепт свободы, в принципе нехарактерный для патерналистского политического дискурса «путинского» типа. В программных высказываниях Дмитрия Медведева о необходимости модернизации страны был задан именно такой вектор, поскольку модернизация касается всего социума и предполагает максимальное вовлечение в процесс наиболее активной части общества, ныне оказавшейся на обочине политическо-

го процесса. Тем более опасной тенденцией является то, что в сравнительно недавний момент в риторике официальных лиц понятие «модернизации» стало вытесняться понятием «инноваций». Опасность такой «подмены понятий» заключается в том, что инновационная деятельность по определению не предполагает участия в ней общества в целом. Хорошей иллюстрацией государственной «инновационной» политики в обществе, которому необходима полномасштабная модернизация, является современная Индия – периферийная страна с развитым кластером высокотехнологичных производств (прежде всего в сфере IT и фармации). Нужна ли нам такая Россия? Иными словами, развитие инноваций – это всего лишь часть (правда, необходимая часть) более широкого проекта модернизации, но инновации ни в коем случае не должны его подменять или уводить на второй план.

Кроме того, узкотехнологическое понимание инноваций упускает из виду то, что человечество сегодня нуждается в инновациях другого рода, которые с неизбежным упрощением можно назвать гуманитарными. В прошлом году один из крупнейших американских социологов Рэндалл Коллинз выступил с докладом, посвященным, казалось бы, давно «пройденной» проблеме «технологического замещения», то есть вытеснения человеческого труда машинным[7]. По мнению Коллинза, повальное развитие пресловутых технологических инноваций (т.е. компьютеризация, автоматизация и т.д.) разрушают средний класс точно так же, как некогда внедрение фабричных технологий заставляло луддитов крушить машины, видя в них источник всех бедствий. Наивно думать, что эта тенденция обойдет стороной Россию: в конце прошлого года Сбербанк уже объявил программу сокращения кадров на четверть – привычных операционистов скоро заменят платежные терминалы[8]. Есть ли у российской элиты понимание глобальных проблем нового типа? Похоже, что нет, и без вынесения политического действия в публичное пространство тем, кто эти проблемы готов обсуждать и решать уже сегодня, нет шансов попасть в элиту, принимающую решения на государственном уровне. В своем докладе Рэндалл Коллинз не дает ответа, как справиться со «смертью труда». Между тем, возможно именно российским гуманитариям под силу решение этой проблемы, учитывая опыт России в мобилизации масс для осуществления крупных инфраструктурных проектов, необходимость реализации которых в России сегодня очевидна (хотя опыт этот, признаем, далеко не всегда гуманный). Во всяком случае, другой крупнейший социолог современности Крейг Калхун выдает нашим гуманитариям большой кредит: «За пределами Америки и Западной Европы Россия и ближайшие соседи остаются едва ли не единственной серьезной базой интеллектуального производства,… сохранившей достаточно автономные традиции и энергию… У нас есть навыки развитой школы, при этом еще возможно знание,

[7] См. Коллинз Р. *Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики* // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований, 2010, №1. С. 35-50. http://politconcept.sfedu.ru/

[8] См. http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1046522

не специализированное по дисциплинам, и все еще почитается самоценной эрудиция, выходящая за пределы узкопрофессиональной компетенции, что типично для капиталистических рынков экспертных услуг»[9]. Рискнем предположить, что если технологические инновации (или, в расхожем представлении, «нанотехнологии») станут господствующим трендом в отечественной интеллектуальной сфере, то наш пока еще высокий потенциал в области социально-гуманитарных наук будет утрачен очень быстро.

Вернемся, однако, к основной теме. Программное выступление Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» было однозначно адресовано к той части общества, которая заинтересована в модернизации. Было бы в корне неправильно говорить, что «государственный класс» поголовно модернизации противится и всячески ее тормозит. Аналогичным образом нельзя утверждать, что среди потенциального электората «партии нормальных людей» нет тех, кто готов голосовать за Единую Россию – справедливости ради следует упомянуть, что, согласно упомянутому исследованию «Эксперта», Института общественного проектирования и Romir monitoring, 21% «средних русских» в 2003 году голосовали именно за нее. Другое дело, готова ли эта партия (а также все остальные) к тому, чтобы стать полноценной партией власти? Неизбежно вспоминая ленинские «Апрельские тезисы», есть ли в России такая партия? Похоже, что ее нет. Готов ли Дмитрий Медведев – глава государственного класса, рискнувший выйти за его пределы, такую партию возглавить? Мы узнаем ответ на этот вопрос в ближайшем будущем. Однако даже если Медведев не готов возглавить полноценную оппозиционную Единой России партию, это не отменяет ее необходимость. Для того чтобы полноценно запустить проект модернизации, требуется именно публичная политическая структура, готовая взять на себя ответственность за развитие страны, предельно трезво понимая, что удачные модернизации в мировой истории скорее исключение из правил, но другого варианта, увы, не существует. Как говорил Троцкий, будьте реалистами – требуйте невозможного. Без создания новой политической партии, которая будет представлять интересы того самого «немого класса», Россия будет обречена на незавидную участь колосса на глиняных ногах.

[9] См. Георгий Дерлугьян, *Россия на подвижном горизонте Америки: механизмы неэквивалентного обмена в геокультуре* // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений. М., 2006. С. 350.

СУВЕРЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ УКРАИНЫ: В ЗОНЕ ДВОЙНОЙ ПЕРИФЕРИИ

В.Н. Ткаченко
Академия педагогических наук Украины

27 апреля 2010 г. Верховная Рада Украины ратифицировала украинско-российский договор о продлении пребывания Черноморского флота РФ в Севастополе. Этот факт повысил интерес к украинской тематике у собравшихся в Ростове-на-Дону участников российско-украинского симпозиума по проблемам политической бюрократии и господствующих меньшинств. К тому же на работе симпозиума сказался и общий сдвиг в общественном мнении двух народов: если в 2008 г., по данным Левада-Центра и киевского КМИС, к Украине положительно относилось 37% россиян (плохо – 52%), то в 2010 положение претерпело сдвиг в лучшую сторону – хорошо к Украине уже относилось 52% россиян. Отношение украинцев к России более стабильно: в 2008 г. положительно были настроены 88% (плохо – 9%), а в 2010 г. – положительно 93% (плохо – 4%). И это не может не радовать: всегда лучше вести диалог и находить взаимопонимание, чем замыкаться в себе со своими предрассудками и предубеждениями.

В этом контексте привлек внимание факт комментирования российскими экспертами идеи объединения двух стран, которая, по социологическим опросам, более популярна среди украинцев (22%), чем среди россиян (14%). По словам генерального директора Информационно-политического центра по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве GZT.RU А. Власова, гражданам Украины идея объединения двух государств оказалась милее, чем россиянам, но не в силу ностальгии по СССР, а «просто люди устали от окружающего бардака»[1].

С точки зрения украинцев, активизировавшийся украинско-русский диалог предполагает известную политкорректность. Проблема суверенитета является слишком болезненной для украинцев и их «суверенной бюрократии» в силу пребывания Украины в зоне «двойной периферии»: как по отношению к «центру миро-системы» – Европе, так и по отношению к «полупериферии миросистемы» – России. В этой связи вопрос «двойной периферии» Украины и станет предметом нашего рассмотрения.

[1] См,: http://www.gzt.ru/print/293233.html

Становление суверенитета.

Государственность Украины выстрадана целыми поколениями. Отсутствие таковой трагично отразилось на исторической судьбе украинского народа, и поэтому, вопреки всем перипетиям общественного развития за годы независимости, ныне постоянно растет количество наших сограждан, которые с гордостью говорят о своей Родине. Согласно социологическому проекту «Автопортрет Украины – 2010», они воспринимают Украину как самодостаточное независимое государство (77%), разделяя при этом понятия «государство» и «власть». Отношение к государству и государственности большею частью положительное, а к органам государственной власти и ее представителям – в большинстве случаев отрицательное. Объяснение тому – «украинцы считают, что политики сосредоточились на личном обогащении и погрязли в борьбе за власть».

С учетом неоднозначных событий последних лет, стоит напомнить российскому читателю некоторые вехи 18-летнего пути независимости Украины. Мы трезво осознаем, что утверждение государственности – это длинный и сложный процесс, который объединяет: 1) установление современных демократических институций; 2) создание элементов сложной рыночной экономики; 3) приобретение должного международного статуса и формирования надлежащей внешнеполитической линии в сложных условиях изменений в Европе и Азии. Отрадно отметить, что в каждой из этих сфер были достигнуты определенные успехи.

Путь к полноценной независимости оказался нелегким. Еще в 1994 г. в докладе американских разведывательных служб под названием «Украина: нация в опасности», высказывалось сомнение относительно возможности существования независимой Украины в ближайшие десять лет. Скептическое отношение к перспективам Украины объяснялось такими факторами: тесные этнические, языковые и религиозные связи Украины с Россией; слишком краткая история существования Украины как независимого международного субъекта; значительный процент населения российского происхождения; тесные связи украинской политики, экономики, армии с Россией как наследие советского периода[2]. Ныне вопрос так не стоит – Украина сформировала независимые (хотя и несовершенные) государственные институты и получила широкое международное признание. Мы не видим ничего удивительного в том, что становление украинской идентичности формировалось путем позиционирования себя по отношению к России так же, как и становление российской идентичности – в значительной мере позиционированием по отношению к Украине. В интересах обеих стран избавиться от комплекса «старшего» и «младшего» брата, навязы-

[2] См.: Центр стратегічних і міжнародних досліджень. Україна: оцінка шістнадцяти років незалежності. Лютий, 2008. С 2.

ваемого в советские времена. Процесс этот непрост и весьма деликатен: главное здесь – не опуститься до этнофобии.

Украина достигла значительного прогресса в сфере свободы слова. Согласно оценке международной организации «Freedom House», Украина в 2005 г. получила рейтинг «свободной», как и Прибалтийские страны. Украинские СМИ стали более сбалансированными и профессиональными, хотя некоторые газеты и телевизионные каналы по сей день проводят такую редакционную политику, которая может исказить изложение новостей. Однако эта политика осуществляется именно издателями, а не правительственными чиновниками.

За прошедшие годы Украина внедрила важные элементы рыночной экономики. Теперь рынки, а не плановики в центре, определяют цены на большинство товаров и услуг. Границы Украины открыты для международных торговых потоков. Западноевропейские и российские банки приобрели значительные пакеты акций украинских банков. После невиданной инфляции, которая достигла в 1993 г. 10 000% годовых, Украина создала сравнительно стабильную национальную валюту и снизила индекс инфляции до допустимого уровня. Большинство предприятий было приватизировано, и частный сектор формирует свыше 65% ВВП, тогда как еще в 1991 г. этот сектор, согласно оценкам Европейского банка реконструкции и развития, составлял всего 10%.

Однако с оценкой приватизации не все так просто и однозначно. Первые десять лет зафиксировали падение производства, вследствие чего ВВП Украины снизился до 40,8%. В последующие девять лет наблюдался рост производства, но ВВП достиг лишь 74,1% от уровня 1991 г. Главной причиной неэффективности общественных изменений стала извращенная система политической власти с доминированием групп влияния и жесткой конкурентной борьбой между ними, превращением государственных органов в средство получения специфической ренты «на власть». Подобный характер организации власти привел к взрыву коррупции, расширению теневых и даже криминальных процессов в экономике и управлении, спровоцировал разрушение фундаментальных ценностей украинского общества[3].

Проблемой украинской экономики остается большая зависимость от импорта источников энергии: свыше 75% природного газа, 80% нефти и 100% ядерного топлива доставляются только из России или через Россию. По мнению экспертов, в случае успешного освоения ресурсов нефти и природного газа (на суше и шельфе), больших залежей угля и наилучших в Европе перспектив добычи метана из угольных пластов, рационального использования четырех атомных электростанций с 15 реакторами Украина могла бы вдвое уменьшить свою зависимость от импорта энергоносителей.

В 1992 г. Украина отказалась от предложения России относительно подчинения Украинской армии Вооруженным силам СНГ. На территории Украины

[3] См.: Соціально-економічний стан України: наслідки для народу та держави: національна доповідь / За заг. ред. В.М. Гейця. К.: НВЦ НБУВ, 2009. С. 6.

нет иностранных войск, чье пребывание не допускается и не регулируется международными и украинскими законами. Черноморский флот России базируется на украинской территории в морской базе Севастополь и других пунктах в Крыму на основании договора об аренде. В январе 1994 г. Украина подписала заявление трех сторон и согласилась передать России стратегические ядерные боеголовки, унаследованные от Советского Союза, для дальнейшего уничтожения (этот процесс был завершен в 1996 г.). США, со своей стороны, помогли Украине ликвидировать межконтинентальные баллистические ракеты, пусковые ракетные установки и стратегические бомбардировщики. Присоединившись в 1994 г. к Договору о нераспространении ядерного оружия как неядерное государство, Украина получила официальные гарантии безопасности от США, Великобритании и России относительно своей независимости, суверенности и территориальной целостности. Соответствующий Будапештский меморандум обязал стороны, которые подписались, воздержаться от угроз или использования силы, а также от экономического давления, что могло бы угрожать суверенному статусу Украины. Вскоре Украина получила такие же гарантии от Франции и Китая.

Все это свидетельствует о том, что после получения формального суверенитета фактическое достижение политического суверенитета стало одним из самых важных успехов Украины. Ныне возродились активные двусторонние отношения между Украиной и Россией на уровне президентов, премьер-министров и представителей правительств в рамках Российско-украинской межгосударственной комиссии. Украинская власть засвидетельствовала свое намерение сохранить контроль над системой трубопроводов до того времени, когда можно будет произвести открытый и прозрачный тендер и работать с «Газпромом» России на взаимовыгодных условиях. Обозначенные тенденции дают основания считать, что связи между нашими странами развиваются в направлении сбалансированной взаимозависимости.

В развитии России и Украины по пути либерализации можно увидеть много общего, но есть и отличительные особенности. Если сравнивать сейчас две страны на предмет перехода к новым правилам игры, то необходимо признать, что формирование рыночных отношений в России происходит значительно быстрее. И это понятно: в России была для этого более могучая ресурсная база. Да и кадровый потенциал был посильнее, чем в Украине. В результате Россия сегодня имеет значительно более развитый фондовый рынок и банковский сектор, больше денежно-финансовых инструментов и могущественных международных корпораций. Это факт приходится учитывать украинской стороне как при формировании двусторонних отношений, так и позиционируя себя в современном глобализированном мировом сообществе.

Суверенная бюрократия в ступоре.

За годы независимости Украина развивалась отнюдь не по восходящей прямой, а сталкиваясь постоянно с проблемами и трудностями. Следует признать продуктивность периодизации, предложенной руководителем программы для России и Евразии Королевского института международных дел Дж. Шерром (Великобритания)[4]. По его мнению, после распада СССР Украина пережила три наиболее важных этапа становления своей государственности. Наиболее значимый – провозглашение независимости в 1991 г. Однако определяющим вопросом первых лет независимости был такой: сможет ли Украина уберечь независимость, не говоря уже о территориальной целостности и нерушимости границ.

Второй этап приходится на весну и лето 1997 г. Три тесно связанные события – заключение Договора об особом партнерстве между Украиной и НАТО, заключение межгосударственного соглашения между Украиной и Российской Федерацией и подписание трех межправительственных соглашений о Черноморском флоте – содействовали преодолению неуверенности раннего периода независимости и становлению страны как признанного, самостоятельного игрока в Европе. Но каким именно игроком будет Украина? То, что она останется суверенным и независимым государством, вроде бы уже не подлежало сомнению, хотя и оставался открытым вопрос, насколько демократичным, социально ориентированным и правовым государством она будет.

Третий и самый драматичный этап – «оранжевая революция» – казалось бы, вносил какую-то определенность в ситуацию. Истоки этой революции не вызывают сомнений. Олигархическая корпоративизация общества наглядно продемонстрировала к тому времени свою обратную сторону: законодатели и чиновники стали бизнес-партнерами, набирала силу торговля полномочиями, льготами и возможностями. В этот коммерционно-политический рынок не могли не быть включены суды и вся правоохранительная система. Общественный процесс стал приобретать противоречивые и болезненные формы. Все это и вылилось в длительный политический кризис, который породил феномен Майдана с его искренними надеждами широких масс населения на улучшение жизни. Присутствовали, конечно, и иллюзии о пришествии «мессии», который заключит новый общественный договор между народом и властью, а также возложит на себя бремя ответственности за общественные преобразования. Иллюзии этой незрелой демократии вскоре рассеялись, а ко времени первого распада «оранжевой коалиции» 2005 г. власть наглядно засвидетельствовала свою деструктивность.

Характер работы властных структур уже в 2008 г. показал, что страна достигла четвертого критического этапа, который можно определить как паралич государственных структур. В полной мере назрел вопрос: когда же и каким об-

[4] См.: Шерр Дж. Політика національної руйнації //Дзеркало тижня. 2008. 2-8 серпня. С. 1,4.

разом Украина сможет преодолеть этот политический ступор, какой вред за это время будет нанесен ее экономике, реформам и международному положению? Станет ли паралич всеобщим, как в Польше времен Liberum Veto (1652—1791), или во Франции в последнее десятилетие Третьей республики (1870—1940)? Не потеряет ли Украина способность воспринимать надлежащим образом региональные и глобальные факторы, которые воздействуют на нее, и эффективно влиять на них? Другими словами, останется ли она все-таки субъектом или скатится к уровню объекта международных отношений?

Стоит ли удивляться, что в ответ на ситуацию политического паралича в европейских кругах стали даже обсуждать вопрос, какой термин применять относительно Украины – «государство» или «страна», – что свидетельствовало о понимании Европой отсутствия надлежаще консолидированной элиты в Украине и действенности ее государственных органов власти. Например, президент Проекта переходных демократий Б. Джексон (США) откровенно заявил, что «никто в Верховной Раде не подотчетен украинским избирателям... Это характеристика незрелой и безответственной политической номенклатуры». Именно это и является основной причиной того, что «Украина постоянно пребывает в кризисе. Откровенно говоря, это постоянный феномен. Время идет, и это становится обыденным и скучным. Я имею в виду то, что мир больше не реагирует на политическую нестабильность в Украине. Это уже стало своего рода рутиной»[5].

В этой ситуации украинской суверенной бюрократии уже мало в чем мог помочь поиск «внешних врагов», которые, дескать, уже в который раз стоят на пути создания полноценной украинской государственности. Необходимо было набраться мужества и признать: эти вопросы обусловлены причинами внутреннего характера, на них невозможно ответить без осуществления внутренних перемен. Уже сам факт массового участия граждан Украины в «оранжевой революции» и событиях, которые ей предшествовали, свидетельствовал о разрыве между характером и приоритетами гражданского общества, которое постепенно зреет, и правящим классом страны. Рядовые украинцы вышли на площади в надежде на утверждение демократии и построение социально ответственного государства, которое бы преодолело резкую социальную дифференциацию общества. Но дальнейшие события показали, что разрыв между гражданским обществом и правящим классом не уменьшился, а, наоборот, увеличился.

Проведя деструктивную для Украины «чистку» низовых звеньев государственного аппарата, когда было уволено до 20 тысяч «кучмистов», сама «оранжевая революция» удивительно мало повлияла как на кадровый состав верхушки властных структур, так и на их менталитет и поведение. Стало понятно, что личные цели и борьба за власть, как правило, превалируют в украинских правящих кругах над национальными интересами. Политическую напряженность в обществе усиливали: недейственность правовой системы и некомпетентность

[5] Цит. по: *Сирук Н.* 0 незрелости и безответственности // День. 2008. 18 ноября. С. 1.

государственных структур; отсутствие подотчетности и прозрачности в гражданской и публичной сферах; умение властей увертываться от решения актуальных проблем и одновременно пользоваться ситуацией для удовлетворения собственных интересов. Как заявил директор Института экономики и прогнозирования НАН Украины В. Геец на правительственном «круглом столе» 28 апреля 2009 г., «любые антикризисные меры правительства обречены на неудачу, поскольку в обществе превалирует тотальное недоверие к государственным институтам, которые оказались неспособными эффективно исполнять свои функции». Не радуют и прогнозы на ближайшее будущее. Поскольку из 133 значительных государств лишь 20 за последние 50 лет смогли несколько сократить отставание от «большой двадцатки», то Украина среди отстающих столкнулась с угрозой скатиться к уровню тех 43 государств, которые попали в полную зависимость от транснациональных и региональных корпоративных кланов[6].

Сможет ли преодолеть это положение дел новая власть, которая стала заложником обстоятельств, пока что остается под вопросом. Налицо ситуация биполярного противостояния двух политических группировок, которая тревожит представителей большого бизнеса. Принимая во внимание сложные маневры, которые ныне осуществляются внутри украинского правящего класса, в частности попытки избежать проведения внеочередных выборов в Верховную Раду, идут поиски компромиссов с целью перераспределения власти в интересах различных финансово-промышленных групп с учетом их внутренних и внешних ориентации.

Бюрократия и национальная идентичность.

Подлежит переосмыслению и само понимание суверенитета. То понимание государственного суверенитета, которое сформировалось после Вестфальского мира 1648 г., или государственно-национального суверенитета как следствия Французской революции 1789 г., хотя все еще вызывает пиетет некоторых представителей украинского политикума, давно уже стало достоянием истории. Нынешняя суверенная бюрократия, определяясь в своей национальной идентичности, вынуждена учитывать, что жить в условиях глобализации и быть независимой от многоярусной системы идентификации невозможно. Для обеспечения безопасности страны ныне выстраивается многоярусная система идентичности, составными частями которой являются глобализм и регионализм как воплощение более широких политических и экономических ансамблей. Одновременно утверждают себя субнациональные сообщества (этнические и др.), в той же мере, как и транснациональные (в пределах религий, социальных

[6] См.: Антикризисным мерам правительства прочат провал из-за недоверия народа // http://rus.newsru.ua/ukraine/02may2009/geecz_print. html

классов). Эти факторы накладываются на государственный национализм той или другой постсоветской страны (отстаивание национальных интересов), так что, в конечном итоге, устанавливается такое соотношение факторов, которое если и не гарантирует зримого прогресса, то, во всяком случае, обеспечивает определенную общественную и национальную безопасность страны.

Что касается нынешней Украины, прежде всего, следует учитывать, что идентичность (национальная и любая другая) является не только продуктом самоутверждения, она должна быть признанной другими в контексте международной легитимности. Эта идентичность связана не только с гражданством или стремлением к определению географических границ и территорий, а и с членством в определенном региональном политическом содружестве, с определенными глобальными обязательствами.

Итак, исследуя процессы в украинском обществе, мы не можем не учитывать как общие закономерности формирования суверенной бюрократии, так и особенности украинского ландшафта. Как отмечает профессор Северозападного университета (Чикаго) Г. Дерлугьян, любые ландшафты «наполнены социальными сетями, классами, статусными группами (иден-тичностями), политическими движениями, государственными учреждениями и капиталистическими организациями и не в последнюю очередь конкретными людьми, действующими в насыщенном историческом контексте по своему культурно-обусловленному разумению»[7]. Поэтому стремление создать какую-то идеальную модель социально обустроенного общества, которому бы соответствовала «нормальная» и «настоящая» бюрократия, выглядит весьма спорно.

Так, например, в дискурсе Украины относительно путей дальнейшего развития часто речь идет о четырех типах современного капитализма – олигархическом, государственном, организаторском (институализированном), и предпринимательском. При этом олигархическая форма характеризуется как наиболее примитивная, порождающая глубокое социальное расслоение и имущественный разрыв. Есть понимание того, что при олигархическом капитализме, как правило, игнорируются общенациональный интерес и задачи экономического роста страны, а во главу угла ставится личное обогащение узкого круга семейств. К сожалению, по этому, типично латиноамериканскому пути, судя по всему, пока что следует и Украина. Россия оценивается у нас как страна, которая стремится поменять латиноамериканскую модель на модель южнокорейскую и даже добилась определенных успехов на этом пути. Большой организаторский капитал Западной Европы и Японии оценивается весьма положительно, однако указывается на чрезмерную роль бюрократизации экономики и боязнь рисков коммерциализации новаторских решений. И наконец, предпринимательский капитализм США, по мнению экспертов, более всего благоприят-

[7] *Дерлугьян Г.* Суверенная бюрократия: тезисы к изучению властвующих элит// Политическая концептология. 2009. № 4. С. 142-143.

ствует расширению горизонтов производства за счет смелого и радикального новаторства.

Как нам представляется, было бы наивно предполагать, что, находясь на фазе олигархического корпоративизма, Украина имеет значительные шансы свободного цивилизационного выбора и радикального перехода к более зрелым формам общественного устройства. Здесь, очевидно, приходится считаться как с исторически накопленным опытом (а часто с отсутствием такового), так и с наличием/отсутствием необходимых человеческих и природных ресурсов. В условиях глобализации приходится принимать во внимание и расклад международных сил, и соответствующие главным мировым игрокам правила игры. Этот факт особенно актуализирует болезненную для Украины проблему суверенитета как главную проблему любой новопровозглашенной страны, поскольку капитал должен быть прочно укоренен как на уровне статусных групп Украины, так и на уровне межгосударственном.

Эти факторы и задают определенные контуры того поля, в котором (и только в котором до достижения определенной степени зрелости!) Украина может дрейфовать в ту или другую сторону. Для понимания возможностей и пределов подобного дрейфа Украины весьма полезной, на наш взгляд, может оказаться гипотеза миро-системного уровня И. Валлерстайна и Дж. Арриги с отличительными условиями *ядра миро-системы* и ее *периферии.* Здесь важно иметь в виду, что в нынешнем мире ядро современной миросистемы располагает мощной ресурсной и инфраструктурной силой капиталистов, а также высоко эффективным аппаратом координации. Напротив, на периферии государства крайне слабы, поскольку эффективные государства там не просто непомерно дороги, но и потенциально, в случае политической революции, грозят экспроприацией местных элит.

Конечно же, Украину приходится рассматривать лишь в контексте периферии, где, в силу обострения социальной напряженности и неустойчивости государственного строя, капитал чувствует себя весьма неуверенно. Достаточно вспомнить факт, когда после «оранжевой революции» рассматривались возможности реприватизации сначала 30 тысяч предприятий, а потом не менее 3 тысяч. В итоге, хотя обошлись реприватизацией только «Криворож-стали», отечественный бизнес был не на шутку напуган. И для этого были основания, которые, учитывая наличие довольно сильных уравнительных настроений в украинском обществе, остаются в силе.

Например, известный в Украине доктор экономических наук В. Черняк (в прошлом член межрегиональной группы последнего депутатского корпуса СССР) акцентирует внимание на необходимости «осуществить демонтаж плутократично-олигархического капитализма, суть которого состоит в том, что криминально-клановая система, оседлав финансовые потоки, контролирует государство и процесс производства, обмена, распределения и потребления общественного продукта». В результате их хозяйственной практики в Украине стала

недопустимо высокой концентрация национального богатства в собственности узкого круга лиц, разительная дифференциация доходов, бедность и нищета широких кругов населения. По масштабам бедности Украина относится к тройке самых бедных стран Европы (Молдова, Албания и Украина). Схематично структура богатства в Украине выглядит примерно так: 5% – так называемой элиты владеют 65% всех богатств; 60% народа владеют 5% богатств; средний класс (35% населения) владеет 30% богатств[8].

Оценивая ситуацию в Украине, лауреат Нобелевской премии в области экономики Дж. Стиглиц (США) указывал на два родовых прегрешения суверенной бюрократии: отсутствие верховенства права и плохо проведенная приватизация. Распределение государственной собственности через «квазилегальные» или полностью криминальные механизмы привело к тому, что нынешние нувориши вынуждены опасаться за судьбу своих миллиардов, а потому пытаются не реинвестировать их в своей стране, а быстро перевести за границу. Поступая так, «олигархи пользуются преимуществами обоих миров: неприкасаемостью прав частной собственности за границей и слабыми местами закона в своих странах»[9].

Попытки некоторых правительственных чиновников бороться с тотальным ограблением страны и вездесущей коррупцией заканчивались, как правило, их отставкой. В среднем за 18 лет независимости сменилось 20 составов правительства, и сейчас у власти находится 21-е правительство под руководством Н. Азарова. В силу недолговечности правительств каждое из них вынуждено было работать в режиме «от бюджета до бюджета», практически не уделяя внимания вопросам стратегического планирования и модернизации. Как следствие – правительственный контроль над общественными процессами практически был блокирован, что и помогло украинским олигархам обогатиться и войти в круг европейской элиты. В то же время Украина занимает последние места в Европе по уровню зарплат и социального обеспечения. Понимание отсутствия перспектив латиноамериканского пути для Украины стало настолько общим местом в общественном мнении, что президент В. Янукович провозгласил демонтаж «дикого капитализма» одной из центральных задач новой власти. Сто дней правления нового президента еще не прошло, а потому удержимся от комментариев относительно перспектив решения обозначенных проблем.

Обреченность на периферию?

Конечно, проблема бедности затронула не только Украину – это глобальная проблема. Однако в странах организованного капитализма социальной напряженности удается избегать. Как справедливо отмечает Г.

[8] См.: *Черняк В.* Посткризисная экономика: как построить капитализм «с человеческим лицом»?// День. 2010. 25 марта. С. 5.

[9] Цит. по: *Княжанский В.* Охотники за рентой. Может ли прийти к власти в Украине популистский диктатор? // День. 2006, 30 мая.

Дерлугьян, «в ядре капиталистическая олигархия кооперируется и действует заодно, а *на периферии олигархи постоянно дробятся и жестко интригуют друг против друга, по ходу не позволяя оформиться сильной власти, чтобы не попасть под нее.* Это согласуется с общим положением миросистемного анализа о том, что ядро есть зона комфортабельной монополизации рынков, где ресурсов, как правило, достаточно всем крупным участникам рынка и возможно договорное, более цивилизованное поведение. *Периферия же есть зона, откуда ресурсы утекают, поскольку нет силы их удержать, отчего рыночная и политическая конкуренция приобретает жесткий характер, вплоть до взаимного уничтожения»* (Здесь и дальше курсив наш. – *Авт.*)[10]. По нашему мнению, характеристика периферии полностью относится к Украине и объясняет жесткость политической борьбы между финансово-промышленными группами.

Возможности свободного дрейфа Украины ограничиваются еще и тем, что она попадает в зону влияния промежуточной зоны полупериферии, к которой относится Россия. *Для Украины все четче просматриваются основные черты формирования своеобразной «двойной периферии».* С одной стороны, в плане экономическом и идеологическом, к периферии «старая Европа» относит весь постсоветский регион, где Россия, впрочем, играет роль своеобразной полупериферии. С другой стороны, в плане политическом и военном, большая часть постсоветских стран, а отныне и Украина, превращается в периферию, подконтрольную российским интересам. Европа уже длительное время не скрывает своей «усталости» от безвластия в Украине, хотя час от часу подбадривает обещаниями активного сотрудничества в рамках Восточного партнерства. Вместе с тем последние события, связанные с газовыми договоренностями между Россией и Украиной, а также с продлением срока аренды морской базы Севастополя на 25 лет, наводят на мысль о значительном совпадении интересов «старой Европы» и Кремля.

Складывается следующее впечатление о таком раскладе: российские войска берут на себя гарантии безопасности газопроводов и защиты Запада от нежелательных последствий со стороны исламского мира, а Европа, со своей стороны, идет на признание российской военной мощи, расширяя одновременно экономическое сотрудничество. Более того, в Европе все чаще слышатся голоса в пользу превращения НАТО в реальную систему европейской безопасности, которая бы включала Россию. К этой дискуссии активно приобщается и Россия. Судя по всему, не уйти от этой дискуссии и Украине, во всяком случае, она обозначилась во время визита В. Януковича в Москву.

Из этого следует, что на ближайшие несколько лет *поле какого-то самостоятельного маневра Украины на пути к цивилизационному выбору будет крайне ограниченным.* Более того, здесь даже намечаются определенные рамочные условия. С одной стороны, отмечает директор Национального института

[10] *Дерлугьян Г.* Указ. соч. С. 145.

стратегических исследований А. Ермолаев, «в украинском обществе сегодня существует молчаливый консенсус относительно европейского цивилиза-ционного выбора. Украинцы хотят жить, как в Европе, видеть свои институты такими же развитыми, полноценными и состоятельными, как в ЕС». Но, с другой стороны, европейский выбор нельзя отождествлять лишь с вхождением в Европейский союз по той простой причине, что Европа XXI в. – это более сложный феномен, нежели просто ЕС. В итоге, видимо, следует принять как факт, что Украина в ближайшие годы останется лишь восточным соседом Евросоюза, имея сбалансированные и ровные отношения с Россией[11].

Исходя из этого Украине в краткосрочной перспективе будет, скорее всего, суждено постепенно подтягиваться к системе норм и ценностей, исповедуемых центральными игроками клуба полупериферийных государств, которые бы предоставили ей шанс в будущем быть в той или иной мере встроенной в социальное сообщество основных игроков. Тенденция в этом клубе игроков однозначная: «активистские, классически государственнические бюрократии возникают в промежуточной зоне полупериферии (точнее, на внешнем периметре ядра, в странах типа Германии, Италии, России и Японии), где видится надежда догнать капиталистических лидеров, *но приходится группироваться и концентрировать ресурсы, нередко насильственно.* Таким образом, дальнейшая эволюция корпоративно-олигархического режима в Украине, судя по всему, будет тяготеть к эволюции в сторону государственно-бюрократического корпоративизма, характерного ныне для России. Во всяком случае, в первых шагах нового президента В. Януковича просматривается именно это направление.

К бюрократическо-олигархическому корпоративизму?

Какие последствия это может иметь для Украины? Трудно судить со стороны – может быть, государственно-бюрократический корпоративизм и представляет собой острую проблему для общественно-политической жизни России. Но *для Украины переход от олигархического корпоративизма к государственно-бюрократической его разновидности, на наш взгляд, может быть определенным благом после длительного периода «войны всех против всех».* Без излишней апологетики бюрократизма следует все-таки признать, что это сложное явление нельзя воспринимать однозначно, как некое зло или благо: бюрократия – лишь механизм, предназначенный для координации общественных ресурсов и усилий. И *если есть для Украины проблемы в этой сфере общественной жизни, то они лежат как раз в плоскости острого дефицита эффективных, инфраструктурно сильных аппаратов, способных генерировать и распределять общественные блага в виде массового индустриального строительства, здравоохранения, образования, городского транспорта и надлежащего коммунального хозяйства.*

[11] См.: Операция «мозговой трест» //День. 2010.11 марта. С. 4.

Например, в важности этой проблемы киевляне могли наглядно убедиться при абсолютном пренебрежении городских властей к их жизни и быту. Вместе с тем неудачные попытки переизбрания мера города Киева наглядно показали, что неэффективность действенной мобилизации киевлян была в значительной степени определена отсутствием у оппозиции четко сформулированной и высокоморальной идеологической платформы, способной выдвигать общественно востребованные ценности и задачи. А именно здесь и должна была находиться точка пересечения интересов общества и бюрократической элиты. При отсутствии большой легитимной сверхзадачи, в которую могли бы вписываться личные карьерные амбиции бюрократического аппарата, неминуемо возобладают частные и ведомственные узкокорыстные интересы, подрывающие воспроизводство общественных структур и приводящие к деградации материальной и человеческой инфраструктуры. В итоге на выборах мэра Киева наиболее действенной агитацией послужили продуктовые пайки с гречкой и консервами, которые раздавали малоимущему населению. Массы пенсионеров, потянувшиеся на избирательные участки, послужили, таким образом, охлократическим прикрытием олигархической власти.

Длительное отсутствие в Украине политической определенности и массовое недоверие граждан ко всем ветвям власти (да и политическим партиям, количество которых давно уже превысило полторы сотни) настолько деформировали социальную ткань общества, что применение любых моделей социального развития или экономических законов неизбежно приводит к такому же деформированному результату. К тому же бюрократический аппарат часто выхолащивает сущность, казалось бы, безукоризненных документов. Например, 14 сентября 2006 г. Украина ратифицировала Европейскую социальную хартию, присоединившись к 27 статьям и 74 пунктам Хартии, чем якобы подтвердила свой европейский выбор. Правда, с одной маленькой поправкой – не ратифицировала пункт 1 статьи 2 Хартии, который провозглашает право всех работников на зарплату, которая обеспечивает достойный образ жизни[12]. Оно и понятно: за отсутствием богатых недр (нефть, газ, лес), украинские олигархи могут наживать несметные богатства лишь за счет сверхэксплуатации народа. Как следствие в предкризисном 2008 г. 28% населения относилось к категории бедных, а 15% – к нищим. Конечно, за годы кризиса положение не улучшилось. Ирония судьбы состоит в том, что бедность продолжает быть распространенным явление именно среди населения, которое работает. В то же время совокупные денежные доходы 100 самых богатых людей Украины (без учета иностранных активов), составили 70 млрд. дол. США – около 66% ВВП Украины[13]. В 2008 г. определилась тенденция обеднения 90% населения за счет обогащения только наиболее обеспеченных 10% населения. Все это сказывается на самочувствии

[12] См.: Україна в 2005-2009 рр.: стратегічні оцінки суспільно-політичного та соціально-економічного розвитку. К., 2009. С 158.

[13] См.: там же, С 160-162.

людей. Впрочем, в августе 2009 г. только 4% опрошенных считали, что их доход выше среднего по Украине. Большинство же оценивают свое материальное положение как среднее (46%) или ниже среднего (32%), а 18% считают свой доход низким[14].

Вывод напрашивается сам собой: в Украине необходимо задействовать шкалу налога с физических лиц с максимальной ставкой на высокие доходы. В парламентских комиссиях на эту тему идут даже оживленные дебаты. Но реального проку пока что не чувствуется. Зато налицо дрейф капитала в тень. По оценкам Мирового банка в июле 2007 г., неформальный теневой сектор в экономике Украины достигал 50% официального ВВП (критическим для страны на Западе считается теневой сектор на уровне 15—35% ВВП). Финансово-экономический кризис, с одной стороны, и президентская кампания, с другой, привели к тому, что уровень «теневизации экономики», по мнению некоторых экспертов, достиг 60% ВВП. А это уже является угрозой национальной безопасности государства в целом[15].

Обозначенные выше тенденции могут усилить в Украине тоску по «сильной руке». Сегодня в больших городах страны в теневом секторе экономики формируется средний класс с доходами от тысячи американских долларов и выше. Парадокс состоит в том, что только в теневом секторе экономической активности украинцы и получают надлежащее вознаграждение и достойное признание своего труда и таланта. Работа этого контингента населения оплачивается преимущественно в валюте и «в конвертах». Таким образом, эти люди поставлены в условия «конспирации», а в итоге искусственно выводятся за пределы транспарентной общественной жизни, не ощущая того достойного отношения к себе, на которое могли бы рассчитывать. Теневая экономика деформирует социальную структуру общества, размывает его морально-нормативную культуру, нагнетает политическую напряженность. Именно в этой агрессивной среде и формируется ныне тот средний класс в Украине, который в не столь отдаленной перспективе может послужить основой формирования бонапартистского режима.

Как показывают исследования Всеукраин-ской социологической службы, люди устали. Сегодня их тревожат прежде всего такие наболевшие проблемы, как «рост цен» (64% опрошенных); «низкий уровень зарплат и пенсий» (51%); «рост безработицы» (42%); «медицинское обслуживание» (37%). Именно на эти вопросы желают люди услышать внятные ответы, а не на те, которые искусственно драматизируются во время избирательных кампаний. Так, вопрос о придании русскому языку официального статуса интересовал 11% опрошенных, о вступлении Украины в ЕС и НАТО – 6%, а о принятии новой Конституции – лишь 4%.

[14] См.: Соціально-економічний стан України... С. 264-269.
[15] См.: там же, с.185-188

Как можно полагать после всего сказанного, Украине в отсутствие консолидированного гражданского общества суждено пройти непростую и, видимо, чреватую осложнениями фазу превращения откровенно олигархического корпоративизма в его бюрократическо-олигархическую разновидность. Другими словами, бюрократия из инструмента управления олигархов должна в определенной мере преобразоваться в управляющую силу, *осуществляющую практику использования разнообразных способов вмешательства в дела бизнеса с целью сделать его хоть в какой-то мере социально ответственным.* Только на пути расширения сферы государственного (бюрократического) контроля в осуществлении экономический и социальной регуляции украинская бюрократия имеет шанс стать силой, цементирующей общество и определяющей направление его развития. И только на пути решения наболевших социальных проблем сможет сформироваться какой-то социальный капитал доверия и справедливости. Иного на сегодня не дано. Если это не будет достигнуто, геополитическое пространство Украины будет тяготеть к тому, чтобы стать линией разлома в международной системе, а в сфере внутренней жизни превратиться в источник великих потрясений, интриг и разногласий.

Однако прав был Леонид Данилович Кучма: «Украина – не Россия». Как подчеркивается в упоминаемом выше проекте «Автопортрет Украины – 2010», украинцы, несмотря ни на что, не сомневаются в ценности демократической власти. Более 60% опрошенных социологами считают, что именно такая власть нужна нашей стране на современном этапе ее развития. Сторонниками того, что власть в Украине должна быть «точно авторитарной», являются на сегодняшний день менее 15% украинцев[16]. Беда лишь в том, что дело установления демократии и социальной справедливости население перекладывает на «сильную руку». Видимо, и эту хворь Украине предстоит еще пережить.

[16] См.: http://www.otechestvo.org.ua/main/20104/1331.htm

СУДЬБА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В.В. Поликарпов
ж. «Вопросы истории»

Бесценной Любовь Павловне Добышевой –
в память о нашей 330-й

Существование разрядов неполноценных собственников (надельные крестьяне, евреи, поляки, заводчики-посессионеры) принадлежало к числу основополагающих начал в пореформенных порядках. Самодержавие оберегало устойчивость сословных перегородок, защищая их от попыток либерально настроенных общественных и государственных деятелей привести права к единому знаменателю. Одновременно набирало силу стремление власти изменить и эти порядки, делая собственность все более открытой для перекройки по усмотрению правительства.

Постановка вопроса о разрушении отношений собственности [1] как особом направлении государственной политики на закате царизма подсказана появлением в литературе устойчивого противоречия. Ряд исследователей утверждает, что в России всегда плохо прививалось понимание верховенства права и что правительству стоило больших усилий приучать народ к уважению законов, права собственности. По их оценке[2], царское правительство с гражданскими правами подданных считалось мало, а с политическими – вообще нисколько не считалось, но царский режим «неукоснительно соблюдал права собственности сначала на землю, а затем и на капитал»; «попирая права человека, царизм все же уважал право собственности». Еще Александр II признал его «полную не-

[1] Термин не нов: о «легкомысленной готовности государства задним числом разрушать собственность» пишет Ст. Уильямс, представляющийся как «не академический ученый, а практикующий юрист, старший окружной судья Федерального апелляционного суда в округе Колумбия» (Уильямс Ст. Либеральная реформа при нелиберальном режиме. Создание частной собственности в России в 1906-1915 гг. М., 2009. С. 94). В работе Уильямса имеются разделы: «Ущербность новых прав собственности», «Попрание новых прав собственности».

[2] Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001. С. 265, 268-270; Его же. Русская революция. М., 2005. Кн. 1. С. 77; WORTMAN R. Property Rights, Populism, and Russian Political Culture // Civil Rights in Imperial Russia. Oxford, 1989. P. 14-15, 20, 21. Вместе с тем Пайпс пишет, что в вопросе о правах крестьян на приобретение и распоряжение землей власти по идеологически-политическим причинам, из соображений безопасности «заняли двусмысленную позицию» (или, по выражению Р. Уортмана, власть вела себя «непоследовательно»), а в результате «огромное большинство жителей России ни тогда, ни позднее не имело прав собственности на важнейший производственный ресурс своей страны – пахотную землю». Уортман же подметил, что именно крестьянские волнения 1905-1906 гг. научили царя, его сановников и поместное дворянство ценить блага частного владения. А в целом право собственности оставалось «чуждым элементом русского исторического развития».

прикосновенность», а «к началу XX столетия царское правительство было уже решительно привержено принципу частной собственности»; в подкрепление цитируются соответствующие правительственные декларации. В конечном счете «царское, а затем и Временное правительства не решались посягнуть на „священную“ частную собственность, даже если это была собственность врага» [3].

Однако отмечается также, что в последние годы своего существования царизм «производил захват частных имуществ, экспроприацию предприятий и хозяйств, принадлежавших германским и еврейским подданным». Да и все в целом «здание капиталистической собственности, – по оценке П. Гэтрела, – испытывало неустойчивость»; «задолго до большевистской революции русские предприниматели столкнулись с покушениями на их экономические позиции... со стороны царского государства и образованного общества» [4].

Таким образом, наблюдается стремление показать дореволюционную власть как крепнущий оплот священного права собственности, но эта тенденция противоречиво сочетается с признанием непоследовательности правительственного курса в отношении как самого права собственности, так и собственников, разделяемых по сословным, вероисповедным и национальным признакам [5].

Основные законы 23 апреля 1906 г. в вопросе о собственности воспроизводили формулировку «Декларации прав человека и гражданина», принятой французским Учредительным собранием в 1789 г.: «Так как собственность есть право неприкосновенное и священное, – гласила ст. 17 Декларации, – никто не может быть лишен ее иначе, как в случае установленной законом явной общественной необходимости и при условии справедливого и предварительного возмещения». В Основных законах 1906 г. (гл. 2. Ст. 35) от этой формулы были допущены характерные, но, казалось бы, непринципиальные отступления: о лишении собственности говорилось как о «принудительном отчуждении» «недвижимых имуществ» во имя «государственной или общественной пользы», а о возмещении – как о «справедливом и приличном вознаграждении» (не «предварительном»).

Проблема экспроприации частной собственности занимала бюрократическую мысль весь XIX век [6]. Идея вооружить власть «правилами для отобрания

---

[3] Дякин В.С. Германские капиталы в России. Л., 1971. С. 221.

[4] Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Edinburgh Gate, 2005. P. 109, 238, 127.

[5] См. также: Литуев В.Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. М., 1997. С. 58, 60, 135, 209, 219. Ср.: с. 55, 57, 59, 60, 62. См. также: Поткина И.В. Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 2000. С. 27-28; Ее же. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2009. С. 53, 62, 63, 65. В литературе встречаются и утверждения, что «с крестьян были сняты ограничения на право распоряжения надельными землями», отменен «запрет на продажу наделов другим сословиям» (Поткина И.В. Законодательство Российской империи: регулирование права собственности и имущественных отношений // Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 836. Ср. однако: Тютрюмов И.М. Общее положение о крестьянах. Пг., 1915. С. 318. П. 8).

[6] См. Венецианов М. Экспроприация с точки зрения гражданского права. Казань, 1891.

частной собственности в пользу общественной» была выдвинута в новосильцевском проекте «Государственной уставной грамоты», но вызывала разногласия. В 1821 г. такие столпы просвещенной высшей администрации, как члены Комиссии сочинения законов Н.С. Мордвинов и А.С. Шишков, выступили против самой мысли о допустимости «прикосновения со стороны правительства к частной собственности»; может показаться, что они занимали в этом вопросе более радикальную позицию, чем авторы Декларации 1789 года. «Сколько бы исключительное владение каким-либо имением ни оказывалось противным общему благу, не можно для сего его взять в общее употребление, – писал Мордвинов, – ...ибо никогда общее благо не зиждется на частном разорении» [7].

Но все выглядело иначе, «если рассуждать по одному только отношению к самодержавной власти»: воля самодержца выше всякой законности, писал Мордвинов, так что никаких правил не требуется: для самодержавной власти «нет законов и правил, писанных на хартиях тленных»; и без всяких правил «деяния оной власти всегда будут благотворны». Он соглашался в этом с Шишковым, который предрекал, что какие-либо правила породят «великие несправедливости», связанные с установлением способов оценки отбираемого имущества, и сузят круг мыслимых предлогов для отъёма, подходящих под титул «общей пользы». Если же не связывать себя писаными правилами, то «предлоги сии к поколебанию собственности от часу более могут умножаться». «Доселе не было у нас закона оценки», – писал Шишков. Самодержавная воля «была единственный судия... лучших сего правил придумать невозможно». Как бы ни сопротивлялся собственник отобранию, верховная власть «имеет тысячи средств преклонить его к добровольному на то согласию» [8].

«Государственная уставная грамота» так и не была издана, но специальные правила об экспроприации появились в 1833 году. В то время применять их на практике приходилось преимущественно для нужд военного ведомства и лишь в виде редкого исключения, да и стоимость отчуждаемых имуществ была незначительной. Положение изменилось с развитием железнодорожного строительства, когда отчуждение земель совершалось во все более широких размерах, но редко – в принудительном порядке. Порядок действий администрации при отчуждении определялся положением Комитета министров, утвержденным 6 мая 1872 г., но он распространялся лишь на экспроприации в целях строительства железных дорог [9].

Изданный Наполеоном в 1810 г. закон поставил между частным лицом и властью суд, во Франции без судебного приговора принудительное отчуждение не применялось. Закон этот, составивший «эпоху в развитии экспроприации»,

---

[7] Цит. по: Иконников В. Граф Мордвинов. СПб., 1873. С. 39.

[8] Там же; Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1858. Кн. 4. Отд. 5. Смесь. С. 133-138.

[9] Объяснительная записка к проекту правил о вознаграждении за принудительное отчуждение имуществ, временное их занятие и установление права участия в пользовании ими // Журнал Особого совещания по пересмотру постановлений о принудительном отчуждении имуществ. [СПб. 1901-1903.] Разд. пагинация. (В осн. хр. РГБ имеются два тома: сам журнал Совещания и конволют с материалами к нему).

служил «настоящим базисом всего современного законодательства об этом предмете» [10]. Между тем утвердившаяся в российских верхах идея о неприемлемости для самодержавного строя порядков, принятых в Западной Европе («в иных каких державах», как писал Шишков), показала свою влиятельность в 1870-х – 1880-х гг., когда рассматривался вопрос о способах установления размера вознаграждения собственнику. Возникло разногласие: следовать ли европейскому опыту экспроприации, а значит, прибегать в спорных случаях к судебной процедуре, или, согласно отечественным обычаям, действовать исключительно в административном порядке.

Комиссия статс-секретаря Д.А. Оболенского в 1874 г. «останавливалась на мысли о привлечении к сему делу судебной власти», но Государственный совет, рассматривая проект комиссии Оболенского, нашел (1887 г.), что подобное «заимствование из иностранных законодательств» «едва ли можно оправдать». Здесь, «в нашем отечестве», ведению суда подлежат лишь «споры о таких гражданских правах, которые нарушены одною из сторон и отыскиваются другою» – столь же равноправной. Но в «деле экспроприации имуществ для государственной или общественной надобности» не предполагается равноправия сторон: «Здесь нет места спору об имуществе, ибо оно уже отчуждено правительством, помимо воли собственника». Правительство же должно само «озаботиться и справедливым вознаграждением владельца, не заставляя его вести судебный процесс», а гарантией справедливости послужит обязательное условие отчуждения – «высочайшее» утверждение такого решения. Государственный совет оставил в силе уже установленный «основной принцип»: «При принудительном отчуждении вознаграждение владельца должно быть определено в административном порядке заботами самого правительства, по распоряжению которого производится отчуждение» [11].

В 1897 г. Государственному совету пришлось вернуться к вопросу о порядке отчуждения, поскольку все же практика вынуждала выходить за установленные пределы. Наибольшую заинтересованность в расширении круга задач, оправдывающих экспроприацию, проявило военное ведомство, недовольное волокитой (трехлетней, в среднем) по делам об оценке имуществ, отбираемых под стрельбища, полигоны, склады, казармы, крепостные эспланады [12]. Государственный совет поручил военному и путейскому ведомствам переработать статьи Законов гражданских, трактующие экспроприацию. В 1898 г. Военное ми-

[10] Grünhut C.S. Das Enteignungsrecht. Wien, 1873. Цит. по: Венецианов М. Указ. соч. С. 22-23.

[11] Положение Государственного совета в Объединенных департаментах гражданских и духовных дел, законов и государственной экономии № 27 5 февраля и 9 марта 1887 г.; утв. общим собранием 4 мая 1887 г. (Журнал Особого совещания по пересмотру постановлений...). Против «заимствований из иностранных законодательств» в вопросах собственности Государственный совет высказался и в 1893 г.: конечно, «с установлением неотчуждаемости наделов будет несколько нарушено отвлеченное понятие права полной собственности в том виде, как оно усвоено ч. 1 т. X Св. Зак.», но Государственный совет «затрудняется» «усвоить себе существующий на западе Европы взгляд» на эти вещи (цит. по: Государственная дума. Созыв III. Сессия 1-я. Стеногр. отчеты. Спб., 1907. Стб. 363. Выступление П.Н. Милюкова).

[12] Извлечение из журнала Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета от 31 марта 1897 г. // Журнал Особого совещания по пересмотру постановлений... Разд. пагинация.

нистерство составило свой проект поправок, имевших характер механического добавления к упоминаниям о сооружении железных дорог также и «надобностей военного ведомства». Волокита, однако, длилась еще десять лет, пока Государственный совет не положил ей конец, остановив в 1908 г. отчуждение земли под постройку двух батарей в Севастопольской крепости. Закон «Об особом порядке принудительного отчуждения недвижимых имуществ для надобностей военного и военно-морского ведомств» был утвержден 15 января 1910 г. (СУ. 1910. Ст. 134).

В путейском ведомстве между тем работа продолжалась. В 1901-1903 гг. состоялось 27 заседаний «Особого совещания по пересмотру постановлений о принудительном отчуждении имуществ». Снова привлекла внимание идея о разрешении судом споров о размере вознаграждения, отвергнутая Государственным советом в 1887 г. при рассмотрении проекта комиссии Оболенского. Опять участники дискуссии указывали на то, что судебный порядок (или смешанный – на выбор: судебный либо административный) установлен «во всех остальных, кроме России, государствах» и что казна, отбирая себе частное имущество, не должна бы претендовать на роль защитника интересов собственника, поскольку сама же и назначает спорную оценку имущества и является в этом споре заинтересованной стороной, «даже противною стороною».

Но совещание отклонило все эти соображения, сославшись на «совершенно категорически» выраженное Государственным советом заключение «насчет нежелательности введения у нас судебного порядка». Было решено, что это «совершенно невозможно», а «нормальным» должен быть признан «существующий ныне административный порядок, при котором правительство берет на себя все заботы о справедливом вознаграждении, не вводя собственника ни в какие хлопоты и расходы». Против судебного порядка было добавлено, что «лишена всякого основания» «презумпция», будто он «совершеннее административного». Административный «во всяком случае представляет не меньшую гарантию, чем судебный, в отношении справедливого разрешения дела». А главное, если недовольный владелец получит возможность выбирать, куда ему обращаться: через Государственный совет к царю – или в суд, то «будет возникать сам собою» вопрос, от кого ждать ему «более справедливого решения: от верховной ли власти или от судебных установлений», но подавать повод к такому сомнению недопустимо.

Переработав проект, Министерство путей сообщения в 1912 г. представило его в Совет министров. От ведомств опять поступили замечания, потребовавшие «подробного пересмотра» проекта, и в конце концов в нем все же появилось положение о допустимости обращения в суд. Рассмотрение проекта в Совете министров состоялось 30 сентября 1916 г., причем и тут не обошлось без спора «о допустимости решения оценочных дел судебными установлениями». Против предоставления собственнику права судиться выступили представители Военного и Морского министерств, а также Государственной канцелярии: со-

здастся «крайне нежелательная» «двойственность», она «значительно замедлит и затруднит для ведомств решение этих дел».

Совет министров все же признал судебный спор частных лиц с ведомствами по оценке имущества допустимым: «Определение вознаграждения за отчуждаемое имущество заключает в себе все признаки гражданско-правовых отношений», нельзя лишить собственника права обращаться в суд. Совет министров успокоил военное ведомство соображением о том, что «так как административный порядок... окажется на практике и более удобным, и более быстрым, то, несомненно, случаи обращения сторон к суду будут сравнительно редки». Но одобренный Советом министров проект предстояло еще провести через Думу и Государственный совет [13], а пока – до самого конца существования царизма – оставался в силе бессудный, административный способ оценки [14]. Против вторжения суда в дела о правительственной экспроприации говорила вся традиция законодательства, относившая их к числу «бесспорных» для казны, таких, которые «ведению судебных установлений не подлежат» [15].

Экспроприация земель в интересах железнодорожного строительства и военного ведомства, даже когда она производилась при сопротивлении частного владельца, принципиально не означала ломки отношений собственности. В конце концов, как правило, прежний владелец не лишался своего имущества безвозмездно, а получал по меньшей мере эквивалент, «приличное» вознаграждение. Еще меньше нарушало права собственников отчуждение в казну самих частных железных дорог, развернувшееся с 1880-х годов. Уставами железнодорожных компаний предусматривалось право правительства через определенный срок выкупить предприятие.

Вторжение в сферу промышленного предпринимательства имело свои особенности. Несамостоятельность многих заводчиков, основывавших свой успех на исполнении казенных заказов, делала их собственнические претензии зыбкими, а власть по своему усмотрению либо поддерживала и обогащала такого «капиталиста», либо, по Шишкову, могла поставить его на колени, а то и отнять предприятие. Если иметь в виду лишь последние десятилетия существования империи, то заслуживают внимания манипуляции в отношении петербургских Обуховского и Балтийского заводов (они последовательно описаны в годовых докладах государственных контролеров царям [16]) и Александровского сталелитейного.

---

[13] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008 (далее – ОЖСМ 1916). С. 470-472.

[14] Беляцкин С.А. Частное право в основных принципах. Каунас, 1928. С. 231-232.

[15] Проект новой редакции Устава гражданского судопроизводства. Спб., 1900. С. 3. Согласно сенатским разъяснениям, «обязанность частного лица уступить свое право собственности на необходимое для государственной или общественной пользы имущество вытекает из закона и не дает собственнику права на иск об убытках за отчуждаемую у него землю» (Исаченко В.В. Законы гражданские. Пг., 1916. С. 207).

[16] Всеподданнейшие отчеты государственного контролера: за 1877 г. (Спб., 1878. С. 21-24), за 1880 г. (Спб., 1881. С. 36-37), за 1881 г. (Спб., 1882. С. 33, 35-36), за 1882 г. (Спб., 1883. С. 54-55), за 1883 г. (Спб., 1884. С. 47-50), за 1884 г. (Спб., 1885. С. 51, 53-55), за 1891 г. (Спб., 1892. С. 51).

В обобщенном виде взаимоотношения власти с этими, а также с Невским, Коломенским, Мальцовскими, Путиловским и др. заводами представлялись правительству как неудачный опыт насаждения и последующей поддержки нежизнеспособных частных предприятий – «заводов, вызванных к жизни правительственным поощрением» и существовавших «почти исключительно казенными заказами», как писал министр финансов М.Х. Рейтерн в докладе 19 апреля 1876 г. [17] Со стороны предпринимателей была нечистоплотная «азартная игра в промышленность» – «попытки без всякой затраты и без всякого труда нажить миллионы». Обуховский и Балтийский заводы, писал в 1878 г. государственный контролер С.А. Грейг, показывают «печальные особенности... предприятий, возникших в последнее десятилетие. Создать дело без прочных оснований и без денег, облечь его в акционерную форму, ограничивающую личную и имущественную ответственность владельцев пределами лишь внесенных вкладов, вкладов однако ж не вносить, выпустить облигации, по коим денег не поступало, заложить эти безденежные бумаги в банках, прибегнуть к помощи кредита во всех возможных видах, прибегнуть затем к помощи правительства – ссылаясь на дурные времена, на обязанность его покровительствовать отечественной промышленности, на пользу, приносимую предприятием отечеству; добившись помощи, домогаться новых пособий и новых льгот, упорно влачить изо дня в день искусственное существование, все более и более накопляя неоплатные долги до рокового дня окончательной несостоятельности и разорения доверчивых или неосмотрительных заимодавцев, – вот общие черты многих предприятий, созданных у нас в последние годы».

Учреждение Обуховского завода, напоминал Государственный контроль, состоялось «по инициативе Морского министерства», которое в 1863 г. заключило по этому поводу контракт с группой предпринимателей (С.Г. Кудрявцев, Н.И. Путилов, П.М. Обухов). «Они обязывались построить завод на собственный счет и выполнять поручаемые им морским ведомством заказы собственными средствами». Но свои обязательства эти предприниматели не исполнили: «С первых же дней существования завода Морское министерство принуждено было прийти к нему на помощь не только в выполнении заказов, а даже в сооружении заводских зданий». Последовали выдачи Обухову и Путилову «пособий», миллионных беспроцентных ссуд; со своей стороны, учредителям пришлось согласиться на то, чтобы и в управлении предприятием Морское министерство «приняло непосредственное участие»; от правительства были назначены начальник завода и два члена правления (в 1883 г. представителей Морского министерства в правлении было уже большинство [18]). Переходя к таким взаимоотношениям с партнером, Морское министерство не позаботилось о том, чтобы права владельцев предприятия и казенной администрации на нем были как-ли-

[17] Цит. по: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861-1892 годы). М., 1960. С. 265.

[18] Там же. С. 206.

бо оформлены, ясно очерчены, вообще министерство «относилось уже к заводу как к предприятию не частному, а полуправительственному», а потому и «не стеснялось отпуском денежных средств на его поддержание». Завод существовал «благодаря исключительно правительственным заказам, которые оплачивались вперед... авансами» и «по весьма высоким ценам». С 1868 г. расходы на Обуховский завод «стали даже вноситься в смету Морского министерства»; «расчеты Морского министерства с заводом запутывались». Тем временем первые собственники предприятия уже умерли «и права их перешли к другим лицам, самое число которых в точности неизвестно ни Морскому министерству, ни правлению завода».

Существование этой проблемы осознавалось правительством как неопределенность в отношениях казны с «частными лицами, считающими себя участниками в предприятии». Недостаток такого понимания вещей заключался в том, что эти частные лица не только «считали себя» владельцами паевого товарищества, но и действительно владели им по праву. Несмотря на то, что была в точности исчислена вся незначительность сделанных частными владельцами вложений собственных средств (по сравнению с казенными вливаниями: на 1 мая 1877 г. соотношение 47 : 366), этому подсчету противостоял неоспоримый факт – их паи принадлежали им, а не казне.

Вместо того, чтобы распутывать узел, власть стала склоняться к мысли разрубить его в духе Шишкова-Мордвинова. 8 июля 1868 г. Александр II, давая разрешение проводить расходы Обуховского завода через морскую смету, повелел считать, что вследствие «таковых выдач» «завод уже не может считаться вполне частным предприятием», и потребовал доложить, «в какое отношение должен быть поставлен этот завод к Морскому министерству и какое участие в делах его может быть оставлено частным учредителям».

Образованная во исполнение царского повеления комиссия вскоре увидела, что дело не так просто: «приобрести в полную собственность казны» Обуховский завод, «ввиду его государственного значения, было бы желательно», но «немедленное приведение этой меры в исполнение встретилось бы со многими затруднениями». Утверждая, что, ввиду понесенных затрат на поддержание Обуховского завода, «в сущности правительство является главным собственником» его, Государственный контроль закрывал глаза на юридическую сторону дела. Юридическое совещание в 1881 г. не признало обоснованным «право казны как собственника завода». Характер выявившихся затруднений виден из того, каким путем пришлось их преодолевать.

В январе 1883 г. «представился случай» выкупить у владельцев (наследников Кудрявцева) треть паев Обуховского завода, по 11.500 руб. за пай, и, таким образом, только теперь правительство действительно стало собственником завода, но не главным, а лишь на одну треть, и Александр III утвердил это приобретение, состоявшееся «на выгодных для казны условиях». В октябре 1883 г., казалось, представился еще один «случай» купить часть паев, но, даже запросив

цену 27 тыс. руб. за пай, владельцы на сделку все же не пошли, а затем, когда министерство снова попыталось купить паи (35 паев, то есть чуть больше трети), цена была запрошена неприемлемая. Комитет министров решил приостановить дальнейшую скупку паев и разобраться с тем, нельзя ли и без этого построить управление заводом так, чтобы оно «наиболее отвечало бы видам правительства», а с волей «правопреемников частных учредителей» можно было бы не считаться. Царь утвердил это решение 2 декабря 1883 г., и была назначена междуведомственная комиссия под председательством генерал-адъютанта Н.Н. Обручева.

Данное ей поручение, разработать проект Положения об управлении Обуховским заводом, комиссия Обручева исполнила в июле 1884 г. Комиссия взяла за основу тот порядок управления предприятием, который уже сложился за 20 лет и отличался в лучшую сторону от излишне формальных принципов на казенных заводах. В подходе же к роли в будущем управлении Обуховским заводом «частных лиц, являющихся представителями прав бывших учредителей», комиссия основывалась на невысокой оценке пользы от их участия. «Комиссия признала, что завод этот обязан своим учреждением главным образом правительству и доведен до настоящего удовлетворительного состояния средствами казны и трудами лиц, служащих в морском ведомстве, без всякого почти содействия частных предпринимателей; поэтому участие частных лиц в управлении Обуховским заводом... совершенно не нужно», а «может оказаться даже вредным» – «при решении таких вопросов, где интересы казны противоположны интересам прочих участников».

Едва завладев третью паев предприятия, правительство, таким образом, вознамерилось отстранить от влияния на ход дела всех этих «прочих участников», которым в действительности принадлежало предприятие. Вопрос для комиссии заключался лишь в том, какую долю возможных доходов допустимо выплачивать им – если им будет позволено остаться совладельцами предприятия, либо сколько уплатить единовременно – если состоится полный отъем. Одни члены комиссии считали, что в том и другом случае при исчислении долей казны и «прочих участников» следует исходить из соотношения 10 : 1, другие – 3 : 1. Правительству комиссия советовала совсем «освободить завод от участия частных лиц возможно скорее». Доля частных лиц в собственности Обуховского завода должна была быть «отчуждена в пользу казны путем экспроприации, а если бы они не согласились на получение той суммы, какая будет определена правительством, то за ними остается право предъявить иск судебным порядком». В марте 1885 г. Комитет министров поручил Морскому министерству «испросить через Государственный совет применение к данному случаю порядка отчуждения имуществ в казну по распоряжению правительства». В пересказе члена Комитета А.А. Абазы, на заседании морской министр И.А. Шестаков и Обручев заявляли, что «паи эти ничего не стоят и должны быть отняты у предпринимателей даром». Абаза изумлялся: «Ничего подобного

не происходит даже в Турции» [19]. 1 февраля 1886 г. Обуховский завод кончил свое существование в качестве частного предприятия. В 1890 г. для расчета с его пайщиками Государственный банк выдал правлению 2,8 млн руб. якобы в виде ссуды, которая была списана в убыток в 1906 г. [20]

Таким образом, задавшись целью сделать Обуховский завод казенным, правительство первоначально действовало с соблюдением права собственности, не нарушая интересы владельцев: сохраняло их формальную роль в управлении, добивалось изменения состава собственников путем коммерческой скупки паев. Когда же, преодолев треть пути, оно сочло дальнейшие затраты на продолжение выкупа паев чрезмерными, то стало на путь принудительного отчуждения («основной признак» – односторонняя, определяемая казной оценка «действительной стоимости имущества» [21]). Коммерческим приемам правительство предпочло административный нажим вплоть до царского повеления. Не получилось ни добровольной уступки, ни сделки двух равноправных собственников, но обошлось и без судебной тяжбы, хотя, по мнению комиссии, бывшие хозяева могли подать иск.

Более гладко прошла ликвидация акционерного общества Балтийского завода, тоже сильно задолжавшего казне и существовавшего лишь благодаря казенным заказам и подачкам. Согласно одобренному царем 1 мая 1884 г. мнению Государственного совета, эта операция проводилась не столько с целью вернуть казенный долг, сколько именно для того, чтобы обратить Балтийский завод в собственность казны.

По заключению Государственного контролера, английское Общество Балтийского завода, которому Морское министерство передало завод после банкротства основателей предприятия (тоже англичан), «было обречено на гибель, с самого начала все было в нем фиктивно», и оно существовало только благодаря тому, что «действует на казенные деньги и правление состоит из членов, Морским министерством назначаемых». Завод «утратил существенные признаки частного предприятия», потому что частные предприятия «учреждены и действуют на капиталы, принадлежащие частным лицам, управляются – непосредственно или через уполномоченных – самими владельцами, несущими на себе риск и, следовательно, близко заинтересованными в деле, и которые, наконец, подлежат всем условиям свободного состязания». Балтийский же завод считался частным лишь «по одному названию». К тому же половина акций принадлежала Морскому министерству, которое купило их в целях оказания Обществу поддержки.

Располагая половиной акций, Морское министерство к 1877 г. получило возможность «устранить прежних распорядителей» и составить правление «из лиц, подчиненных Морскому министерству или им избранных», а затем с со-

[19] Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. М., 1966. Т. 1. С. 300, 522. В источнике явная описка: «приобретателей» вместо «предпринимателей».

[20] Гиндин И.Ф. Государственный банк. С. 206-207.

[21] ОЖСМ 1915. М., 2008. С. 514.

гласия царя (4 апреля 1877 г.) финансовое и морское ведомства занялись изучением вопроса «о том, что, в интересах флота и государственного казначейства, выгоднее – приобрести ли Балтийский завод в казну или поддержать существование его как завода частного».

В данном случае, как и в опыте с Обуховским заводом, Государственный контроль, утверждая, что Балтийский «утратил существенные признаки частного», заведомо отвлекался от действительных отношений собственности (частным лицам принадлежало в 1881 г. не менее 15% акций [22]), которые как раз и следовало, по его заключению, пересмотреть. 17 августа 1880 г. (дата утв. Александром II) особое совещание поручило введенному в состав правления представителю Государственного контроля «совместно с правлением Балтийского общества (в большинстве – чиновниками Морского министерства. – *В.П.*) выработать способ ликвидации настоящего общества и взятия завода в казенное управление». В итоге было решено оформить ликвидацию Общества путем приобретения казной «всех остающихся в обращении акций и облигаций» с последующим созывом общего собрания акционеров, которое и постановит о ликвидации.

1 мая 1884 г. царь утвердил мнение Государственного совета о выкупе акций и облигаций, причем это обошлось «без [новых] больших затрат», поскольку числившийся за заводом долг казне был в значительной части якобы обеспечен залогом облигаций в Морском министерстве (хорошее же обеспечение!). Созванное после этого собрание акционеров, как и намечалось, «постановило ликвидировать дела Общества», а в состав ликвидационной комиссии избрало «исключительно чинов морского ведомства». Ликвидационная комиссия составила баланс Общества на 1 января 1891 г. – с таким дефицитом (3,7 млн руб.), что частным владельцам недовыкупленных акций уже не причиталось «никакого вознаграждения из имущества Балтийского завода». По указанию контрольного и морского ведомств комиссия снова провела общее собрание акционеров, окончательно ликвидировавшее Общество.

Опыт с экспроприацией Балтийского завода, фактического банкрота, был, таким образом, проведен уже без явного нарушения прав частных владельцев и в то же время без существенных новых издержек на вознаграждение прогоревшего собственника. С этой стороны он был поучителен.

В июле 1901 г., условиях кризиса, в ходе кампании по спасанию пошатнувшихся предприятий, Николаю II было доложено, что дела Общества Александровского сталелитейного завода (артиллерийского по основной специализации) пришли в расстройство и, возможно, придется его ликвидировать. С.Ю. Витте в январе 1902 г. предложил перевести завод в собственность Государственного банка (основного кредитора), а затем передать его Обуховскому казенному заводу. Приобретение Александровского завода могло пойти двумя путями. Следовало либо выкупить акции Общества, либо объявить его несостоя-

[22] См. Гиндин И.Ф. Государственный банк. С. 206.

тельным, но второй путь Витте считал «неудобным» – не только потому, что это произвело бы «неблагоприятное впечатление на биржу», но и из соображений приличия: Государственный банк, «будучи учреждением правительственным, лишен возможности осуществлять свое формальное право [кредитора] из-за опасения нарушить интересы частных лиц».

Комитет министров санкционировал выкуп обесценившихся акций, как и предлагал Витте, за 8% их номинальной стоимости, но также разрешил – в случае несогласия акционеров удовлетвориться таким размером компенсации – все же объявить Общество несостоятельным. Акционеры, действительно, заупрямились, и Общество подверглось ликвидации (конкурсное управление состояло в основном из представителей Государственного банка и по одному – от прочих кредиторов и от правления Общества), а сам завод перешел в конце 1903 г. в собственность Государственного банка и затем был передан Обуховскому заводу [23].

Здесь, как и в примере с Балтийским заводом, правительство проявило готовность в какой-то мере учесть «интересы частных лиц», а когда акционеры не согласились на 8%, привело в действие свое «формальное право» кредитора. И на этот раз, в отличие от опыта с Обуховским заводом, удалось проделать экспроприацию, не нарушив «формальное право» прежних владельцев.

Таким образом, правительства трех последних императоров испытали разные способы экспроприации промышленных предприятий. Сановники вдумчиво и осторожно пользовались «европейскими» нормами, стараясь по возможности воздерживаться от идеологически, казалось бы, обоснованного откровенно репрессивного подхода к правам недобросовестных или неспособных партнеров. На опыте сложилась настолько совершенная процедура отъёма, что вторжения в собственнические права по внешности не требовалось: чуть ли не само собой выходило, что собственник так или иначе утрачивал свое право (продавал свои паи или акции, оказывался банкротом), и его завод переходил к казне. Не получилось, правда, с Обуховским заводом, и тогда через права собственников пришлось переступить.

По сравнению с этим, те ограничения, которые касались надельных крестьян, выглядят более существенным нарушением прав собственности: в их имущественном праве, сословном по социальному качеству, изначально отсутствовало по меньшей мере одно из трех основополагающих, с точки зрения классической теории, начал собственности (владение, пользование, распоряжение): свобода распоряжения своим имуществом. Не только продать по своему усмотрению, но и вообще как-либо расстаться со своим имуществом (наделом) крестьянину мешали, по закону, такие юридические рогатки, которые далеко не отвечали коренным принципам «римского» права (вплоть до запрета реализовать свое намерение, волю отказаться владеть имуществом).

[23] См. Гиндин И.Ф. Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX – начало XX в.) // Исторические записки. 1980. Т. 105. С. 122-124.

Но и в отношении собственников промышленных заведений тот же принцип свободы распоряжения имуществом подвергался ограничению – по национальному (вероисповедному) принципу. В 1870-х – 1880-х годах правительство начало постепенно распространять на все акционерные компании запреты на участие евреев (как и иностранцев) в управлении предприятием. Лицам иудейского вероисповедания запрещалось также участвовать в капиталах предприятия, если у него свыше 200 десятин (или если оно арендует эту землю на срок более 12 лет). Все новые ограничения по составу акционеров и администрации распространялись постепенно на другие категории акционерных компаний, что привело к громкому скандалу после оформления этих стеснений в виде специальных секретных правил, утвержденных Николаем II 18 апреля 1914 года. 24 мая 1916 г. Совет министров фактически отклонил более либеральный проект «Нормального устава», подготовленного в Министерстве торговли и промышленности для упрощения процедуры регистрации новых компаний [24]. Центральный пункт секретных правил 1914 г., казавшийся промышленникам и банкирам неприемлемым (право акционерного общества владеть не более 200 дес. земли, иначе евреев из администрации – вон), неуклонно соблюдался.

Новые возможности усечения прав собственности открылись с началом мировой войны, когда образовалась еще одна категория неполноправных собственников – неприятельские подданные. Но репрессия распространялась и на «русских подданных из германских, австрийских или венгерских выходцев», и на «бывших подданных Германии, Австро-Венгрии или Турции, а равно их потомков». Исключение делалось для «лиц, удостоверивших... свою принадлежность к православному исповеданию» до 1914 г. или «к славянской народности» [25]. Как видно из доклада Министерства внутренних дел Совету министров от 10 октября 1914 г., сущность поставленной себе правительством задачи сводилась к «необходимости вновь [26] юридически обособить иностранных поселенцев – русских подданных... в смысле... сужения их гражданских прав», так, чтобы в конечном счете «германское» землевладение было «до возможных пределов ликвидировано». Предполагалось, что имущество будет не отобрано у «немцев» безвозмездно, а «приобретено на условиях, напоминающих общий порядок принудительного отчуждения для государственных целей» [27]. В случае, если бывший владелец не соглашался с заниженной, по его мнению, оценкой переходящего к Крестьянскому банку имения, он мог жаловаться, но не в

[24] См. Шепелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 122-125; Власть и реформы. Спб., 1996. С. 561-562; ОЖСМ 1916. М., 2008. С. 223-224, 184-186.

[25] СУ. 1915. 20 декабря. № 366. Ст. 2749.

[26] «Резкий перелом во всех предыдущих взглядах правительства» на «германскую угрозу» в землевладении произошел, по утверждению МВД, с 1885 г., когда была образована «для исследования вопроса» особая комиссия, и эту линию правительство лишь временно ослабило в 1905 г., но с 1910 г. оно было «вновь озабочено» этим вопросом, избегая, по внешнеполитическим соображениям, упоминаний в официальных документах.

[27] Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 596. Оп. 1. Д. 55. Л. 2-4; Соболев Г.Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914-1918. Спб., 2009. С. 64-65.

суд, а в Сенат, где дело разрешается «окончательно» [28]. В Совете министров утверждали, что тем самым «интересы собственника находят себе полное ограждение», и в то же время – что таковое обжалование будет, «как сказано, бесцельным» [29]. Действительно, к тому времени Сенат представлял собой послушное орудие правительства [30].

Анализ законов о ликвидации «германского» землевладения тогда же показал, что они «существенно подрывают коренные устои нашего гражданского права». Во-первых, оценка отбираемого имущества была предоставлена «безграничному усмотрению» Крестьянского банка, без судебной гарантии интересам прежнего владельца и третьих лиц. Во-вторых, был отменен принцип немедленной уплаты (вместо него – выплата по 4,5% в течение 25 лет); владелец получал за отобранное имущество не деньги, а «именные билеты» Крестьянского банка, реализовать которые не имелось возможности [31]. Такой порядок расчета с бывшим владельцем проясняет, какими воззрениями руководствовалось в 1906 г. правительство, заменяя в формуле о собственности из французской революционной «Декларации» 1789 г. «справедливое и предварительное возмещение» на отечественное «справедливое и приличное вознаграждение».

Совет министров, стараясь придавать подобным операциям видимость чуть ли не коммерческой сделки, плодил юридические фикции. Возникшее в 1915 г. в Совете министров разногласие по вопросу об оформлении мер против нежелательных землевладельцев (меньшинство министров предлагало откровенно проводить «возмездную конфискацию») показывает, что правительство стремилось не создать поводов для истолкования своих действий как «простого отобрания земель... по принудительной оценке», т.е. «принудительного отчуждения в чистом его виде». Чтобы не создавалось почвы для жалоб, процедуру было решено обставить как всего лишь «присвоение Крестьянскому банку права преимущественной покупки». Банк будет «приобретать» отбираемые земли «по предложенной за них вольным покупщиком цене или по [цене,] определившейся на торгах». Торговая сделка, и ничего больше: собственник продает по цене, принятой покупателем, просто вместо одного покупателя ему уплатит ту же цену другой (на что тут жаловаться?) – Крестьянский банк. Однако если банк усмотрит, по его понятиям, «явно недобросовестное поднятие цены имуществ при добровольной сделке либо на торгах» – он воспользуется издаваемым законом и возьмет эти земли «по их действительной стоимости», а определять ее будет местное отделение самого же Крестьянского банка. Чтобы эта процедура не выглядела как конфискация, ей был придан, таким образом, вид

[28] СУ. 1915. 20 декабря. № 366. Ст. 2749.

[29] ОЖСМ 1915. С. 517-519.

[30] См. Правилова Е.А. Административная юстиция в пореформенной России // Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Ежегодник. Спб., 1997. С. 190-192.

[31] Давыдов А.С. Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения // Право. № 14. 1916, 8 апреля. С. 851-856. Лишь «некрупным» (до 50 дес.) землевладельцам разрешалось выдавать билеты, «имеющие свободное обращение», но на сумму, не превышавшую 20% общего размера выкупа (ОЖСМ 1915. С. 521, 532).

«добровольной сделки или покупки на торгах». Вообще вся операция вполне по-шишковски именовалась «добровольным отчуждением недвижимого имущества» (примерно как в 1861 г. помещики «добровольно» поступились частью своих земель), а принуждение рассматривалось как ее вторая фаза; она начиналось по истечении отпущенного собственнику на размышление срока (6-10 месяцев) [32].

Новые нормы нарушают «самые священные основы права», как оно отражено в Основных законах, писал современник-эксперт, причиняют владельцам собственности «вред и убытки», да еще и «закрывают путь законного удовлетворения и восстановления попранных прав». Введен «совершенно новый вид отчуждения, не соответствующий установленному в Основных законах и нарушающий их». В целом это – мера репрессивная «не только в отношении к „немецким“ землевладельцам, но и в отношении массы не „немцев“, единственная вина которых состоит в том, что они верили в русскую законность и в незыблемость нашего гражданского правоотношения» [33].

Правительство уделяло внимание и нежелательным собственникам торгово-промышленных предприятий. В ряду мер против «германцев» на протяжении войны применялся секвестр, первоначально понимаемый как временное изъятие предприятия (имения) из рук частных собственников и передача его в управление чиновников. За месяц с 7 октября по 14 ноября 1914 г. на шести заседаниях [34] Совет министров рассматривал предложения военных властей о репрессиях против «неприятельских подданных», владевших предприятиями: одни из этих предприятий закрыть до конца войны, другие же, «кои могут быть использованы в военных целях», секвестровать. Совет министров высказался против «насильственных» «огульных» мер в отношении собственности «пребывающих в России мирных подданных» Германии и Австро-Венгрии. Такие меры, «не согласные с общепринятыми международными обычаями», грозили бы «нежелательными последствиями» из-за «неблагоприятного для России впечатления» в нейтральных государствах. Да и невозможно, полагал Совет министров, избежать тяжелых хозяйственных потрясений, если разом остановить деятельность принадлежащих немцам предприятий. Невозможно и практически взять их «в казенное ведение» или передать «в русскую эксплуатацию». Так что приходилось держаться «общего принципа» неприкосновенности «частной и коллективной собственности неприятельских подданных» и «по возможности»

[32] ОЖСМ 1915. С. 517-518, 527, 523, 529; ОЖСМ 1917. М., 2009. С. 99: «Русским подданным из германских, австрийских или венгерских выходцев предоставляется в установленный настоящими правилами срок отчудить по добровольным соглашениям свои недвижимые имущества... Не отчужденные в предоставленный для сего срок по добровольным соглашениям... продаются с публичного торга» (ОЖСМ 10 и 20 января 1917 г.), причем, возможно, «и ниже оценки» (ОЖСМ 1915. С. 524). Совет министров и при ликвидации «немецких» предприятий считал правильным не придавать «преобладающего значения» тому, «сколько получат за отчуждаемое предприятие акционеры». Важно, чтобы были обеспечены «государственные и общественные интересы» (ОЖСМ 1916. С. 98).

[33] Давыдов А.С. Указ. соч. С. 851-856.

[34] ОЖСМ 1914. М., 2006. С. 427-430, 504-512.

не прибегать к секвестру или конфискации.

Но, отказываясь от «огульных» решений, правительство согласилось «пересмотреть... ранее принятый им взгляд на положение неприятельских подданных в России» и наметить «путь дальнейших действий». Министерству торговли и промышленности Совет министров предписал «произвести теперь же всестороннее обследование» германских и австрийских предприятий. На создаваемую специальную междуведомственную комиссию возлагалось также «обсуждение общего вопроса о взятии во временное распоряжение правительства для надобностей военного ведомства заводов, фабрик и иных заведений».

Тут же Совет министров подвел под эту задачу правовые аргументы, позволявшие изобразить намечаемую экспроприацию «немцев» как рядовую меру контроля, применяемую и по отношению ко всем вообще предприятиям: вводилась ссылка на уже действующие правила о взятии во временное распоряжение правительства предприятий, которые обслуживают нужды военных ведомств. В этих правилах, появившихся 4 сентября 1914 г., говорилось о заведениях, уклоняющихся от первоочередного исполнения военных и морских заказов, причем иностранные предприятия в этом отношении никак не отделялись от русских. Этот на всех вообще заводчиков распространенный контроль был представлен теперь как основание для того, чтобы в каждом отдельном случае (не «огульно») выяснять, «какие именно предприятия неприятельских подданных, признанные подлежащими закрытию», могли бы быть у них изъяты «в порядке правил о взятии во временное распоряжение правительства».

Министры с завистью отметили то «большое впечатление», какое произвело откровенное издание в Англии и Франции «особого закона» о запрете в этих странах «германской и австрийской торгово-промышленной деятельности», чего не могло себе позволить российское правительство. Совет министров решился на постепенную ликвидацию лишь торговых, но не промышленных фирм. Приходилось считаться с тем, что предлагаемое ущемление «ограждаемых общими законами гражданских прав германцев и австрийцев» затронет слишком «существенные стороны нашего государственного и экономического быта» и грозит слишком «глубокими потрясениями в хозяйственной жизни страны». Главное же опасение вызывала даже не неустойчивость «хозяйственной жизни», а то, что «огульное колебание принципа неприкосновенности частной собственности... при наличии известных настроений в некоторой части населения», повлечет за собой «неисчислимые последствия в общем ходе государственной жизни» [35]. Это напоминание о пугачевщине, высказанное точно в такой же связи еще Мордвиновым, объясняет, почему любые свои посягательства на «священную и неприкосновенную» частную собственность власть трусливо старалась запрятать в оболочку, сотканную из обрывков привычных норм.

[35] Там же. С. 513-518, 620-622; Дякин В.С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // Первая мировая война. 1914-1918. М., 1968. С. 230-231.

Не укладывавшаяся в рамки «буржуазного» права кампания против «германской» собственности внешне до последней возможности оформлялась, прикрывалась использованием технических процедур продажных сделок. Как и при «отобрании» земельной собственности, при экспроприации промышленных заведений правительство лицемерно изображало удаление законных владельцев (под угрозой ликвидации) по-шишковски «добровольным» выходом – настолько добровольным, что если они уйдут, то «самые условия, вызвавшие необходимость закрытия сих предприятий, должны почитаться устраненными» [36]. В конце 1916 г. Министерство торговли и промышленности предложило придавать ликвидации «германскх» акционерных обществ видимость самореорганизации. Для этого «наличная группа» русских акционеров наделялась правом получить предприятие в свои руки путем устранения из состава акционеров «неприятельских» подданных. Предполагалось, что «наличные» акционеры («неприятельские», естественно, никак не могли оказаться в наличии) проведут «общее собрание», которое примет решение закрыть компанию и передать ее имущество специально создаваемому новому обществу, без участия прежних компаньонов из числа «вражеских» подданных. Такой способ перераспределения собственности и был утвержден Советом министров 10 января и Николаем II 28 января 1917 г. [37]

Если сравнить эту процедуру с тем, как было оформлено отчуждение Балтийского завода, то сходство очевидно: решение о ликвидации компании принимают сами владельцы, акционеры, так что почвы для последующей тяжбы с казной вовсе не возникает. Но видна и разница. Если при ликвидации компании Балтийского завода преобладание чиновников в составе акционеров было достигнуто коммерческим путем, приобретением акций, то теперь нужное решение общего собрания акционеров достигалось на основе, по сути, террористического «регулирования» его состава репрессиями против «германцев» и в условиях, когда «нежелательным» владельцам было отказано в судебной защите. Еще 9 февраля 1915 г. Сенат принял «беспримерное в юридической летописи современных культурных государств» решение. Вопреки собственным законам и практике (времен русско-турецкой и русско-японской войн), вопреки Гаагской конвенции с ее Положением о законах сухопутной войны (1907 г.) Россия официально лишила «неприятельских» собственников права судебной защиты [38].

Когда же правительство предпочитало взять предприятие себе, ему теперь уже не обязательно требовалось предварительно захватить большинство голо-

---

[36] ОЖСМ 1915. С. 192.

[37] См. Соболев И.Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы первой мировой войны. Спб., 2004. С. 103, 114-115.

[38] Указ общего собрания Правительствующего Сената о правах на судебную защиту враждебных иностранцев от 9 февраля 1915 г. // Вестник права. 1915. № 17. С. 522-526; Особое мнение сенатора А.И. Маттеля и др. // Там же. № 18. С. 557-561; ВОРМС А. Решения общего собрания Сената 9 февраля 1915 г. // Там же. № 8. С. 234; Яблочков Т. Патриотизм в правосудии // Там же. С. 236; Астров П. Война и право // Там же. № 10. С. 313.

сов акционеров. Этот акт часто оформлялся как «учреждение особого управления» предприятием, и, чтобы перетряхнуть по своему усмотрению состав его администрации, власть не испытывала нужды доказывать, что объектом воздействия является «неприятельское» заведение. Если хозяева из числа союзнических дельцов возмущались вторжением в свое право распоряжаться собственностью, власть это мало смущало. Совет министров 2 октября 1915 г. разъяснил, что, например, протестуя против якобы намечаемого секвестра «Русского а.о. электрических районных станций», французское посольство, оказывается, плохо разобралось в российских правовых тонкостях. Ни «отобрания» предприятия в казенное управление, ни «полного устранения собственника от заведования» им, как это бывает при секвестре, правительство не намечало. Предполагалось «сохранить наличных членов ныне существующего правления» с «включением в его состав правительственных чинов от заинтересованных ведомств». А значит, французам, бельгийцам, швейцарцам нечего волноваться: нет сомнений, что «имущественные интересы акционеров – подданных дружественных или нейтральных держав – найдут себе надлежащую оценку и достаточно внимательную охрану». Не стоит так уж держаться за именно тот состав правления, который сформирован самими собственниками. Правительственные члены правления вводятся только для того, чтобы ведомствам быть в курсе дел общества. Их полномочий хватит лишь на то, чтобы приостановить те действия правления, какие они сочтут вредными [39].

В российском законодательстве до 1915-1916 гг. отсутствовало разработанное понятие секвестра. Когда с началом войны потребовалось обратить это оружие против «германских» фирм, начались недоразумения, поскольку не были определены ни порядок наложения секвестра, ни его «гражданские последствия» – не было «никаких указаний о силе договоров, имеющихся у предприятий, об отношениях секвестраторов к правлению и другим органам управления предприятием, о вознаграждении и пр.» Междуведомственное совещание, занимавшееся выработкой мер против германских и австрийских фирм, нашло, что имеющиеся старые нормы о секвестре (в Положении о местностях, объявленных состоящими на военном положении) страдают «крайней недостаточностью и неопределенностью». Они изданы были «в то время, когда, собственно, не имелось в виду... применение таковых (норм о секвестре. – *В.П.*) к предприятиям торгово-промышленного характера». К маю 1915 г. Министерство земледелия, на которое возлагалось заведование отобранной собственностью, подготовило «проект общих положений» о заведовании «секвестрованными имуществами, принадлежащими подданным воюющих с Россией государств», и он прошел шлифовку в совещании при Министерстве юстиции с учетом пожеланий торгово-промышленных организаций [40]. Но практика опережала

[39] ОЖСМ 1915. С. 418-419.

[40] Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 19. Д. 1102. Л. 10об., 22об. Доклад Министерства торговли и промышленности в Совет министров, 30 апреля 1915 г.

законодателей и заставляла пересматривать заготовленные проекты.

Ширившийся произвол затрагивал интересы не только «неприятельских» предпринимателей, но и «своих», и это особенно проявилось с созданием Особого совещания при военном министре («майское Особое совещание по обороне»; положение утв. Николаем II 7 июня 1915 г.). Особое совещание пользовалось правом секвестровать предприятия, если их хозяева, кто бы они ни были, «по каким бы то ни было причинам» отказывались «от принятия или исполнения» военных заказов или вообще проявляли «неподчинение требованиям» военного министра. На эти предприятия Особое совещание должно было ставить своих управляющих.

4 июля 1915 г. Особое совещание по обороне обсудило вопрос, что делать с секвестрованными предприятиями, и пришло к заключению, что их можно передавать «в распоряжение» тех общественных организаций и частных лиц, которые будут об этом просить. Возникала, однако, опасность того, что отобранное имущество попадет в руки «не заслуживающих доверия лиц и организаций». Признав, что нужен специальный закон, определяющий порядок таких действий, совещание решило просить главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина по соглашению с министром торговли и промышленности подготовить законопроект о порядке управления секвестрованными предприятиями [41].

На заседаниях Совета министров Кривошеин не раз указывал на предоставленное военным властям право секвестра как мощное средство воздействия на предпринимателей, но рассматривал невнятность существующих формулировок как некое преимущество и тормозил окончание подготовки детализированных норм. Получив от Особого совещания по обороне просьбу-задание о выработке законопроекта, он 18 июля 1915 г. ответил военному министру А.А. Поливанову, что, по его мнению, в новом законе «не представляется надобности», достаточно и того, что уже сказано в Правилах о военном положении. А сказано в них было, что, во-первых, секвестрованные имущества «передаются в заведование учреждений государственных имуществ» (т.е. в ведомство Кривошеина) и, во-вторых, при управлении отнятыми у владельцев предприятиями «отнюдь не может быть» целью «извлечение наибольшего дохода», чего, естественно, добивались бы от предприятий их владельцы. Казенное управление должно было обеспечить «лишь правильное и целесообразное использование их в интересах государственных» [42].

Не ожидая при такой позиции Кривошеина скорого появления законопроекта, Военное министерство при переработке положения об Особом совещании по обороне (утв. 17 августа 1915 г.) внесло изменения в статью о секвестре, затем еще уточнив ряд ее пунктов. Прежде всего отпало ограничение, связан-

[41] Журналы Особого совещания по обороне государства. 1915 год (далее – ЖОСО 1915). М., 1975. С. 106, 107.

[42] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 369. Оп. 5. Д. 1. Л. 36 и об.

ное с поводом для наложения секвестра. Исчезло прямое указание на злоумышленное поведение владельца, уклоняющегося от исполнения военных заказов. В новом тексте положения об Особом совещании по обороне (утв. царем 3 февраля 1916 г.) в качестве повода были названы «действия или упущения, грозящие интересам государственной обороны». Объясняя смысл произведенного усовершенствования, комиссия, готовившая пересмотр положения, указывала, что прибегать к секвестру придется более широко, и «чаще всего» «в случаях быть может и не преступных и не направленных против общественного порядка», но так или иначе «нарушающих интересы государственной обороны» [43].

Впрочем, председатель Особого совещания по обороне имел и помимо секвестра доступ к распоряжению собственностью промышленников. Он мог по своему усмотрению «устранять от службы» директоров, членов правлений, управляющих и заменять их другими лицами. Когда же обнаружилась «неполнота» этого пункта (п. 4 ст. 10) положения об Особом совещании, то военный министр потребовал добавить себе права: (а) и на вакантные должности ставить своих людей и вводить сверхкомплектно, даже если нет вакансий; (б) создавать вакантные места, устраняя целиком (или частично) «правления, советы, наблюдательные комитеты и другие органы администрации». И учреждать новые должности, «специально, сверх установленного их числа». Ожидаемый характер их деятельности был виден из того, что (в) назначенные военным министром лица «за действия свои не отвечают перед собственником предприятия, в которое они назначены», а если навредят ему, то (г) отвечать будут не в суде, а «в должностном порядке». Улучшенное таким образом положение об Особом совещании по обороне 22 декабря 1915 г. одобрил Совет министров, и оно было утверждено царем 16 января 1916 г. [44]

Все это развитие правовой мысли сказалось и при подготовке закона о секвестре, проходившей одновременно. Под влиянием «поступающих с мест сведений» Кривошеину тоже пришлось признать, перед самой отставкой, что старые Правила о военном положении создают «на практике немаловажные затруднения», потому что в этих правилах не разработаны «определения о правах и обязанностях заведующих секвестрованными имуществами учреждений» [45]. Своеобразную сводку тех пробелов, которые до издания закона 12 января 1916 г. имелись в законодательстве и сковывали действия назначаемых в предприятия правительством чиновников-секвестраторов, сделал А.Н. Крылов, сам активно проявивший себя в этой роли в 1916 г. Составляя 3 ноября 1915 г. перечень уязвимых мест в положении «секвестраторов» в тот момент, Крылов исходил из признания основополагающего факта: секвестрованное предприятие, переведенное под управление чиновников, тем не менее оставалось частной

[43] Там же. Оп. 1. Д. 155. Л. 43об.; д. 157. Л. 38.

[44] ОЖСМ 1915. С. 592-593.

[45] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 156. Л. 126. ОЖСМ «О порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами», 3 ноября, 8 и 29 декабря 1915 г., утв. царем 12 января 1916 г.

собственностью его владельцев. Из этого следовало, что чиновники должны были нести бремя ответственности за возможное ущемление имущественных интересов этих частных лиц. Крылов предупреждал в этой связи, что изъять предприятие в казенное управление нельзя без составления передаточного баланса, а этот, в его глазах «совершенно напрасный, несвоевременный, огромный», труд отвлечет силы «наиболее опытного персонала» и вызовет задержку в деятельности предприятия. По окончании же секвестра, с возвращением владельцев, казенная администрация должна быть готова к тому, что выявится какая-либо «нехватка против инвентарей и книг», и тогда в судебном споре чиновникам трудно будет оправдаться. Казенное управление в своей деятельности за время секвестра обязано будет блюсти имущественные интересы собственников предприятия. В противоречии с этим закон (правила о военном положении) предписывает ему подчинять всю деятельность предприятия не извлечению доходов, соразмеряя издержки с прибылью, а исполнению заданий военных ведомств. Отсюда неизбежность убытков от «нехозяйственных действий» казенного управления. Собственники же будут добиваться возмещения им не только прямых убытков, но и потерь «в виде недополучения возможных и законных прибылей» [46].

Закон «О порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами», внесенный Кривошеиным и утвержденный царем 12 января 1916 г., не просто отвечал на поставленные Крыловым, практикой вопросы; он открывал новую эпоху во взаимоотношениях власти и предпринимателей. Удалось преодолеть теоретический барьер, установленный догмами римского права: одна и та же вещь якобы не может быть предметом двух прав собственности (duorum in solidum dominium esse non potest) [47].

В новом законе ничего не говорилось о лишении владельцев предприятия права собственности. Но теперь и чиновники, поставленные во главе секвеструемого предприятия, получили «все права собственника», за исключением (частично) третьего из классической триады – права распоряжения. Речь идет об «одной из самых существенных частей понятия о собственности» по ст. 420 Зак. гражд., указывал министр финансов П.Л. Барк [48]; о «настоль[ко] существенном правомочии права собственности, – пояснял цивилист, – что если собственник вполне лишен права распоряжения, то тем самым его право собственности устраняется» [49]. Согласно новому закону, чиновники-секвестраторы не могли в полной мере распоряжаться имуществом (исключались отчуждение и залог недвижимости), но такой возможности лишались и прежние владельцы: на их имущество налагалось запрещение. Зато секвестраторы могли позволить себе многое другое. Они могли, «если сие вызывается государственными ин-

[46] Крылов А.Н. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 730-735; РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 69об. Подлинник.

[47] Тютрюмов И.М. Гражданское право. Юрьев, 1922. С. 135.

[48] РГВИА. Ф. 369. Оп. 5. Д. 44. Л. 14. Барк – помощнику военного министра П.А. Фролову, 21 мая 1916 г.

[49] Беляцкин С.А. Указ. соч. С. 131.

тересами», – без согласования с отстраненными хозяевами – заключать и расторгать договоры, даже (здесь, правда, вводилось ограничение: «в военное время») изменять «и самое назначение» предприятия. Они становились «не ответственны» перед (прежними) собственниками «за свои распоряжения по хозяйственному заведованию и управлению». Никакого убытка, вызванного этой деятельностью «секвестраторов», казна на себя не принимала; вообще отпала их обязанность оберегать имущественные интересы собственника. Так что и возиться с передаточным балансом уже не требовалось. Предстояло учитывать не имущество, переходящее из частного в казенное управление, а лишь расходы самой казны за время секвестра.

Более того, законом был предусмотрен случай, когда казенная администрация будет вести предприятие явно убыточно. На долю действительного собственника теперь выпадало подсчитывать – после снятия секвестра, получив доступ к делопроизводству, – уже понесенные и еще предстоящие убытки (по силе невыгодных для предприятия договоров, которые поназаключали секвестраторы). Даже осведомляться о ходе дел на предприятии во время казенного управления собственники могли лишь по усмотрению, по доброй воле новых фактических хозяев.

Секвестр создавал дополнительные удобства по сравнению с возможностями казенной администрации, просто назначаемой председателем Особого совещания по обороне. Для секвестраторов отпадала мучительная необходимость «действовать в строгом соответствии с уставом Общества и считаться с обязательствами и договорами, заключенными прежним правлением» [50]. Вместе с тем ответственность самих собственников перед третьими лицами не отменялась. По сделанным до наложения секвестра долгам чиновники теперь могли не платить, но как только владелец получал свое предприятие назад, он получал его со всеми обязательствами, включая еще и те, которые возникли за время секвестра и которые собственник сам, возможно, никогда бы на себя не принял.

Как обобщал эту перспективу юрисконсульт Военного министерства, анализировавший новый закон [51], при секвестре личность собственника «совершенно игнорируется». Лицо, поставленное ведомством, распоряжается собственностью «не только игнорируя» интересы хозяина, но «сплошь да рядом как раз обратно его желаниям и воле», считаясь только с указаниями ведомства. И если высшие интересы требуют «чего-либо, что находилось бы в явном и резком противоречии с интересами собственника, то эти представители, не колеблясь, должны принять меру, как бы убыточна и вредна она для собственника ни была».

С наложением секвестра, по новому закону, «устраняются от управления предприятием» правление, ревизионная комиссия и другие избранные акционе-

[50] РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 32. Л. 127об. Журнал Наблюдательной комиссии Особого совещания по обороне № 12, 27 октября 1915 г.

[51] Там же. Оп. 5. Д. 44. Л. 8–11; д. 223. Л. 10–26.

рами органы. Но они не упраздняются: «Полномочия их сохраняют силу для представительства интересов акционеров, а также для принятия предприятия по окончании секвестра» (ст. 8). Могло оказаться, что этими своими полномочиями им доведется воспользоваться лишь для того, чтобы по всем правилам оформить теперь уже несостоятельность их предприятия.

Именно такой исход дела имела в виду Наблюдательная комиссия Особого совещания по обороне, а затем и само Особое совещание (заседание 28 октября 1915 г.), предлагая использовать секвестр для предстоящего «приобретения заводов в казну, путем предварительного доведения Общества до несостоятельности» (речь шла об Обществе Путиловских заводов). Особое совещание видело здесь, в принципе, и другую возможность – «признание заводов государственной собственностью в законодательном порядке», то есть по процедуре, описанной в Законах гражданских. Но в случае «объявления Общества несостоятельным» – «уже после наложения секвестра» – казна могла приобрести завод, как то уже было проделано с Балтийским и Александровским заводами, с минимальными затратами – «за сумму, вероятно, лишь незначительно превышающую его задолженность казне» и не отягощенным прочими долгами. Это оградило бы казну как будущего владельца завода «от предъявления необоснованных требований» со стороны его частных кредиторов [52]. В 1915 г., когда созрел этот замысел, исполнить его сразу же оказалось невозможно ввиду несовершенства существовавших правовых норм; такая возможность, однако, появилась с изданием упомянутого закона 12 января 1916 г.

В воюющей Франции власть не старалась столь же осмотрительно и пунктуально оформить себе какие-то новые права в отношении «неприкосновенной» частной собственности. По воспоминаниям военного министра А. Мессими, он в августе 1914 г., пригласив представителей фирм, потребовал подчиняться его указаниям, открыто и прямо пригрозив взять их заводы в казенное управление. В таком случае предприниматели могли, конечно, во имя интересов нации лишиться святого – своих прибылей [53], но и только. Подобная буржуазная ограниченность не шла в сравнение с «глубиной русской государственной мысли» (А.И. Солженицын), неторопливо и тщательно готовившей правовую базу для «отобрания» предприятия за бесценок.

Как положение об Особом совещании по обороне, так и специальный общий закон о секвестре, внесенный Кривошеиным и утвержденный царем 12 января 1916 г., уже не замыкались в сфере борьбы с «неприятельскими» интересами, а закон 12 января, по сути, порывал связь секвестра с условиями войны (и военного положения), определяя на перспективу формальные полномочия властей произвольно пользоваться частной собственностью (второй классический принцип) или вовсе ликвидировать ее (третий).

Новый закон, умалчивая о заложенном в нем предвкушении экспроприа-

[52] Там же. Оп. 16. Д. 32. Л. 126об., 128-130; ЖОСО 1915. С. 376-377.
[53] Messimy, général. Mes souvenirs. Paris, 1937. P. 326.

ции, по существу, наращивал именно на этом направлении полномочия правительственных органов. Специалист по гражданскому праву отмечал ранее существовавший «большой недостаток наших законов»: они трактовали только «способ прекращения права собственности *на недвижимость*». Но в чрезвычайных обстоятельствах, да и вообще «в современной жизни... нередко возникает необходимость в экспроприации *предприятий*... Между тем наши гражданские законы не знают экспроприации предприятий». И вот теперь российское гражданское право шагнуло вперед. Начало процедуры отъёма было без зазора прилажено к догме о неприкосновенности частной собственности. Формально при секвестре дело сводилось к временному отстранению владельцев от управления (как, может быть, готов был действовать и Мессими), причем предприятие оставалось в их собственности. На деле же с помощью усовершенствованного закона о секвестре решалась более радикальная задача – ликвидация частного предприятия, не объявляемая открыто: «Широко практикуется ныне и принудительное управление предприятиями (*секвестр*)... с целью *прекратить, ликвидировать* предприятие (*ликвидация не в чистом ее виде*)». Но это – по существу. Формально же «понятно, что секвестр нельзя смешивать с принудительной ликвидацией как способом прекращения права собственности» [54].

В спорах при выработке правил об управлении секвестрованными предприятиями догматически настроенный тайный советник обосновывал право государственной власти на вторжение в имущественные права частных лиц достойными подражания примерами из византийской традиции, ссылался «на кодекс Юстиниана, Гуго Гроция и пр.». Циничный оппонент низвел эти его теоретические усилия на уровень анекдота, рассказав притчу о маляре, который обидел проститутку, походя мазнув ее кистью. У мирового судьи возникло затруднение, по какой статье назначить наказание, и ушлый письмоводитель подсказал ему сформулировать состав преступления как «загрязнение мест общественного удовольствия». Мораль заключалась в том, что «если так законы толковать», то и грабительский секвестр «можно подвести под кодекс Юстиниана» [55].

Ведомство торговли и промышленности вначале не предвидело, как далеко шагнет законодательство о секвестре и какие практические удобства сулит его применение. Приступая в середине 1915 г. к созданию своих отраслевых регулирующих комитетов, наделенных репрессивными полномочиями в отношении промышленников (реквизиции, тюремные наказания), оно не сочло в тот момент нужным вооружить их правом секвестра [56]. Но еще до того, как проект закона о секвестре получил пригодный для согласований вид, министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской настолько оценил широту новых возможно-

[54] Синайский В.И. Русское гражданское право. Киев, 1917. Вып. 1. С. 182, 185.

[55] Крылов А.Н. Указ. соч. С. 232-233.

[56] ОЖСМ 1915. С. 332-334. ОЖСМ «О некоторых мерах к упорядочению снабжения сырьем хлопчатобумажных и суконных фабрик», 26 июня 1915 г.

стей, испробованных на «германцах», что поспешил переработать изданные 7 июля правила об отраслевом промышленном комитете. В новом варианте в них центральное место заняли указания на использование секвестра – в дополнение к иным «карательным» методам навязывания ведомством своей воли частным фирмам. 27 ноября Совет министров, а 17 декабря 1915 г. и царь утвердили эти дополнения к правилам. Отраслевой комитет получил право накладывать секвестр на фабрики «в случае отказа или уклонения» хозяев от исполнения навязываемых им военных заказов и «устанавливать порядок эксплоатации секвестрованных предприятий» [57] – все те «права», которыми обзавелся и военный министр как председатель Особого совещания по обороне.

По существу, изданный 12 января 1916 г. закон заключал в себе целую программу ломки отношений собственности – такую, что она встревожила даже Шаховского, вовсе не склонного потакать заводчикам. По его словам, секвестр превратился «в чрезвычайно сильное и крайне острое орудие промышленной политики государства». «В той форме, в какой применяется ныне секвестр, – предостерегал Шаховской правительство, – он серьезнейшим образом затрагивает интересы не только лиц, поместивших свои капиталы в секвестрованные предприятия, но и кредиторов этих предприятий» и вреден «для грядущего развития русской промышленности», подрывая ее кредит. Шаховской предлагал «немедленно же приступить к пересмотру закона 12 января 1916 г… в целях большего ограждения [интересов] владельцев и кредиторов предприятий» [58].

На первый взгляд, стремление Шаховского добиться пересмотра закона 12 января встретило отклик, и 27 сентября 1916 г. Совет министров принял постановление «Об изменении действующих правил о порядке заведования и управления секвестрованными предприятиями и имуществами». Журнал Совета министров (утв. царем 22 октября) [59] открывался признанием того, что опыт применения январского закона показал «некоторые его несовершенства, сводившиеся главным образом к недостаточной обеспеченности прав и интересов владельцев и кредиторов». Заканчивался журнал выражением уверенности, что, «конечно», «наложение секвестра не может клониться к разорению предприятия путем возложения на него обязательств, явно для него убыточных».

Но все эти благодушные декларации перечеркивала постановляющая часть. Никакие изменения закона, направленные на смягчение произвола, не прошли. В частности, Совет министров отклонил пункт, обязывавший чиновников составлять передаточную опись имущества: эта мера была сочтена «практически трудно выполнимою, а потому и излишнею». Представитель ведомства юстиции потом об этом сожалел, потому что в большом предприятии, если растащат части оборудования и материалы, то нечем будет доказать, при возврате предприятия владельцам, что исчезнувшие предметы и материалы пропали до

[57] Там же. С. 558-560. Те же формулировки – в положении об учреждении Комитета по льняной и джутовой промышленности, утв. царем 27 ноября 1915 г. (СУ. 1915, 12 декабря. № 358. Ст. 2702).

[58] Известия Московского военно-промышленного комитета. 1916. № 19–20. С. 142-143.

[59] ОЖСМ 1916. С. 455-459.

наложения секвестра, а не «в то время, когда собственник был устранен от всякого участия в деле». В ведомстве же финансов считали, что опись собственнику была вовсе ни к чему, «так как он должен доверять правительственному правлению, являющемуся его [собственника] правопреемником» [60].

Не удалось устранить ст. 11 Положения – о порядке расплаты по долгам. Министерство торговли и промышленности думало лишить «секвестраторов» права не платить по долгам, сделанным до секвестра, но против этого восстали представители министерств морского, военного и юстиции, опасавшиеся, что «никаких правительственных субсидий не хватит», чтобы выплатить такие долги. В результате Совет министров нашел, что нельзя допустить «возложение на казну значительных расходов по оплате срочных долговых требований», а потому можно «не платить никаких долгов, образовавшихся до наложения секвестра». Было сведено на нет предложение запретить передачу секвестрованного имущества в аренду третьим лицам. Вообще, что касается «объема прав секвестраторов», то соответствующую статью «Совет министров признал предпочтительным сохранить в действующей ее редакции, в коей указывается, что секвестраторы пользуются по сему управлению всеми правами собственника, за исключением права отчуждения недвижимости или обременения ее залогом или иными вотчинными правами». Фактически, Совет министров отклонил выраженные Шаховским протесты деловых кругов против нового закона.

Добиваясь юридической определенности отношений, Шаховской между тем сам вел дело к колоссальному расширению применения секвестра. Он уже учредил в своем ведомстве наделенные правом секвестра отраслевые комитеты – по делам хлопчатобумажной, суконной, льняной и джутовой, кожевенной промышленности. Подготовлен был и общий законопроект, согласно которому отрасли промышленности «и торговли», в отношении которых может потребоваться «применение изъясненных мер», «весьма многочисленны и разнообразны», и речь шла не только о предприятиях, снабжавших вооруженные силы, но и об удовлетворявших «существенные нужды населения империи». Законопроект Шаховского «Об упорядочении отдельных отраслей промышленности и торговли» Совет министров утвердил 23 февраля 1916 г. [61]

Перекраивая принципиально, в основе, законодательство о собственности, правительство не удовлетворилось учреждением «особых управлений» и наложением секвестров. Не было упущено из виду, что много еще остается «нежелательных» владельцев акций в капитале тех предприятий, которые невозможно подвести под категорию «неприятельских» и которые нельзя ликвидировать и нецелесообразно секвестровать. Выход из положения вскоре отыскался.

31 января 1917 г. Совет министров принял решение (утв. царем 8 февраля) о принудительной продаже «неприятельских» акций «без закрытия подлежа-

[60] РГВИА. Ф. 504. Оп. 2. Д. 1259. Л. 9 об. -16; ф. 505. Оп. 3. Д. 22. Л. 11-11 об., 10.
[61] Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 156. Л. 107-108, 112-113, 122; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 244. Л. 45.

щих обществ», для чего создавался при Министерстве торговли и промышленности специальный комитет. При продаже акций преимущественное право на их приобретение получала казна, а в случае ее отказа – акционеры предприятия из числа русских, союзных или нейтральных подданных; на оставшуюся часть – с разрешения Комитета – могли рассчитывать «посторонние лица». Вырученные от продажи акций деньги не доставались экспроприируемым «неприятельским» подданным, а поступали до момента заключения мира в особый фонд Государственного банка [62].

Самим же чиновникам Министерства торговли и промышленности было ясно (и с этим в дальнейшем пришлось считаться Временному правительству), что подобное «преимущественное право», присвоенное «наличным русским, союзным и нейтральным акционерам», означает не что иное, как «совершенно неосновательное обогащение одних акционеров за счет других», необъявленную «конфискацию части имущества неприятельских подданных в пользу других участников общества». После Февраля выяснилось также, что Совет министров в промежуток между 1 июля 1915 г. и 23 октября 1916 г. успел самовольно закрыть ряд иностранных по уставу предприятий, тогда как закон требовал, чтобы прежде было проведено по каждому делу судебное решение; да и при судебном порядке допускалась ликвидация только «неприятельских» по уставу обществ. В результате следовало ожидать немало исков к правительству со стороны иностранных подданных [63].

Действия власти, направленные на перераспределение «священной и неприкосновенной частной собственности», разжигали и без того неуемные хищнические инстинкты отечественных предпринимателей и вносили дополнительные элементы разложения в их среду. С одной стороны, к правительству обращались с официальными протестами против нарушения прав собственников крупнейшие банки и предпринимательские организации. С другой стороны, те же предприниматели старались сами ничего не упустить в «борьбе за германское наследство». Учредители общества «Электро-Кооператив» Н.И. Гучков, И.Н. Прохоров и Ю.П. Гужон 15 декабря 1916 г. обратились к правительству с прошением, в котором сообщали, что готовы приобрести акции общества «Электропередача» и что с хозяевами его «по этому поводу также состоялось предварительное соглашение». В таком случае москвичи получили бы преобла-

[62] Соболев И.Г. Указ. соч. С. 109; ОЖСМ 1917. С. 183-185. К этой мере было приговорено 86 предприятий (см. Дякин В.С. Первая мировая война. С. 234). За оставшиеся дни существования царского режима такого рода принудительные продажи на практике не состоялись «ни в одном случае». См. I.S. Имущественные обязательства, возлагаемые Брестским мирным договором на РФСР // Бюллетень Ликвидационного отдела Наркомторга. 1918. № 3. Сентябрь. С. 6.

[63] ГАРФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1149. Л. 1-2. Доклад Временному правительству Особого делопроизводства по надзору за торгово-промышленными предприятиями, 11 апреля 1917 г.; д. 1153. Л. 1-2. 9/10 июня Министерство торговли и промышленности предложило Временному правительству решить эту проблему, распространив на ликвидации, проведенные в течение тех 16 месяцев, узаконение от 23 октября 1916 г. Предложение не прошло: министр иностранных дел и председатель Совета министров возразили: «Обратная сила нежелательна. Тут позиция будет слаба»; «Покрывать законополож[ением] – не очень красиво». Проект был возвращен министерству «для дополнительного соображения».

дающий пакет акций на 5,2 млн руб., швейцарцы – пакет на 2,4 млн, «и на такую же сумму осталось бы акций у немецких акционеров». В.С. Дякин рассматривал этот и аналогичные другие проекты как попытки сохранить в замаскированном виде прежнее, немецкое фактическое руководство предприятием [64]. В прошении далее говорилось: но «если бы правительство решило изъять акции из немецких рук, мы также готовы приобрести их». Просители рассчитывали, что тогда «вопрос... был бы решен немедленно, без ажиотажа, который, с назначением торгов, кругом него неминуемо разгорится» [65].

Если допустить, что и это – сомнительное с точки зрения добросовестного делового партнерства – предложение московской группы предпринимателей было сделано правительству по договоренности с немецкими собственниками, то придется все же признать, что экспроприаторские меры правительства вынуждали дельцов становиться на путь махинаций, измысливать мошеннические приемы отстаивания своих интересов.

При обсуждении в конце 1915 г. вопроса о ликвидации «немецкого» землевладения, решая возникшее между министрами разногласие, царь не согласился с теми, кто указывал на «рискованность» предпринятой операции. Земель, говорили ему, ни у немцев, ни у казны не хватит «для удовлетворения всех земельных нужд участников войны», а тем более «вообще нуждающихся в земле крестьян». Но ступив на этот путь, потом уже будет «трудно найти достаточно обоснованные доводы, чтобы не выйти со временем в этом вопросе за первоначальные его пределы» [66], т.е. не удастся, отобрав землю у немцев, оставить в неприкосновенности помещичью собственность. Раньше, в 1905 г., когда решался вопрос, «допустима ли вообще насильственная экспроприация собственности более обеспеченных граждан государства в пользу малоимущих», т.е. об отчуждении помещичьих земель, Николай II твердо встал на защиту «римского права» и Законов гражданских: «Частная собственность *должна* оставаться неприкосновенной». Десять лет спустя, когда явился соблазн под орудийный гул прибрать к рукам собственность иностранцев-иноверцев, царь уже не увидел этому препятствий и, видимо, мог бы повторить то, что вырвалось у Витте в 1906 г.: «Какие-то римляне когда-то сказали, что право собственности неприкосновенно, а мы это целых две тысячи лет повторяем, как попугаи...» [67].

Распространенное в литературе представление (телеологическая «жесткая схема» [68]) о том, что в развитии института частной собственности проявился процесс экономической и социальной модернизации России, сопровождавшийся восприятием «духа римского права» [69], нуждается в исправлении. На сложив-

[64] Дякин В.С. Германские капиталы в России. С. 229-230.
[65] РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 289. Л. 165-166. Подлинник.
[66] ОЖСМ 1915. С. 514, 516.
[67] Совет министров Российской империи 1905-1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 148, 156; Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. М., 1997. С. 169-170.
[68] Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века. М., 2008. С. 8, 134-135.
[69] Летяев В.А. Рецепция римского права в России XIX – начала XX в. Волгоград, 2001. С. 209.

шуюся в пореформенной России, и без того неполноценную, систему частной собственности обрушивались удары, направленные против всех ее основных устоев – права владения, пользования, распоряжения. Как показывает история выработки и применения экспроприационных законов, правительство ясно видело, что они расшатывают систему имущественных отношений и не согласуются с устоявшимися в буржуазных обществах порядками. Сознавалась и политическая опасность, порождаемая примерами вторжения власти в отношения собственности – в свою пользу или в интересах особо опекаемых слоев. Сознание опасности побуждало законодательный аппарат всемерно маскировать сущность своей деятельности, придавая нарушению «отвлеченных понятий» о собственности вид последовательного развития привычных, общепринятых правил, хотя существенного значения для успокоения общественных настроений эти усилия не могли иметь.

Научное сообщество

НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

Г.А. Комарова
Институт этнологии и антропологии РАН

Современная российская социально-культурная антропология все чаще обращает внимание на изучение самых различных социальных и культурных групп, что становится возможным благодаря расширению методологической базы исследований и распространению этнографического метода. Наука все дальше идет в направлении анализа методологических основ исследования профессиональных субкультур, демонстрируя преимущества интерпретативного подхода перед позитивистской парадигмой. В этой связи, кажется, было бы естественно, чтобы отечественная социально-культурная антропология обратила бы внимание, прежде всего, на исследование себя самой – на изучение сообщества ученых, академического сообщества своими собственными методами. А уж тем более именно для этнографов, этнологов, антропологов антропологическое академическое сообщество, в первую очередь, и должно представлять научный интерес, т.к. генезис данного жанра в антропологии, безусловно, связан с антропологическим знанием.

Однако, несмотря на всю актуальность такой постановки вопроса, до сих пор возможность и необходимость антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину, как социально и культурно обусловленную практику в российском этнолого/антропологическом сообществе еще не осознана, не взирая на всю ее важность и практическую значимость. Между тем, существует огромный опыт международного антропологического сообщества, в котором «исследование того, как происходит исследование, довольно давно превратилось не просто в популярное научное направление, но и в очень влиятельное, во многом определяющее моды на концепции, структуру научной работы, ее язык и даже стиль» (Абашин 2010:166).

Основная задача данного текста состоит в том, чтобы привлечь внимание читателя к ознакомлению с интересным научным подходом, который разраба-

тывается в мировой антропологии с конца 1960-х гг., а также осознанию этого исследовательского опыта наших зарубежных коллег. Программа изучения антропологии антропологическими методами была сформулирована западными учеными в 1970-х годах. Происхождение и развитие обсуждаемого подхода связано с рядом разных, хотя и близких друг к другу генеалогических цепочек. Одна из них выражалась в том, что историографическая рефлексия и попытки взглянуть на сообщество антропологов как на своего рода сообщество «дикарей» присутствовали в дисциплине с давних времен. Эти попытки, однако, были разрозненными вплоть до последней четверти XX в., когда новые течения в антропологии, такие как «интерпретативная антропология», вызвали интерес к связке между научным творчеством антрополога и тем полевым контекстом, который остается скрытым за рамками его научного труда. Подробный обзор разработок антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину, проделанных нашими зарубежными коллегами в эти годы, можно обнаружить в статьях (Peirano 1998) и в диссертации М. Пейрано «Антропология антропологии: бразильский случай» (Peirano 1981). Этот подход анализируется также в исследованиях 1970-х гг. по истории антропологии, в частности, в работе А. Хэллоуэлл «История антропологии как антропологическая проблема». Но и в наши дни остается по-прежнему актуальной задача, говоря словами Р. Онгера, сделать «антропологическую мысль предметом этнографического описания и этнологического понимания» (Aunger 1995).

Следует также отметить особый взгляд П.С. Сангрена, который он сформулировал в комментариях к статье Онгера при ее обсуждении в «Current Anthropology». П.С. Сангрен предложил: перейти от анализа метода как части индивидуальной исследовательской практики к видению его в контексте существования «воображаемого сообщества» социальных исследователей; рассматривать исследовательскую практику как коллективный процесс, протекающий среди этнографов и их информантов, – т.е. как особого рода социальное взаимодействие. В таком случае, по мнению исследователя, нельзя обойти вопрос о культурной обусловленности этого взаимодействия, которую можно рассматривать с точки зрения влияния, как национальных традиций, так и традиций воображаемого профессионального (транснационального) сообщества социальных исследователей (в рамках которого, конечно, можно увидеть и специфику национальных академических традиций и школ). Само академическое сообщество при этом рассматривается как folk – «народ» или культурная среда, объединяемая не только общим знанием, дискурсом, но и разделяемыми повседневными практиками, передающимися как традиция, в значительной мере на неформальном уровне, в ходе повседневных взаимодействий (Aunger 1995; Sangren 2007).

М. Пейрано подчеркивает, что западные антропологи уже в 1970-е гг. начали рассматривать академические институты или дисциплины (включая их собственную) как экзотические племена, с ритуалами, традициями и собствен-

ными верованиями. В частности, и практика «поля» все чаще воспринималась ими как исторически, социально и культурно обусловленный феномен, пространственная практика антропологии, базирующаяся на различении между «домом» исследователя и «внеположенным местом открытий», центром и периферией, метрополией и колониальными (или колонизируемыми) территориями (Peirano 1981).

Российская исследовательница Т.Б. Щепанская добавляет в этот ряд оппозиций противопоставление академического дискурса, который представлен исследователем, и «фольклорного» (мифологического, наивного и т.п.) дискурса изучаемой среды. Эта последняя оппозиция так же, как и предыдущие, по её мнению, включает в себя компонент иерархических отношений, асимметрию власти – поскольку знание, имеющее статус фольклорного (мифологического и т.д.), чтобы быть включенным в рамки академических обсуждений, т.е. приобрести, собственно, статус знания в мире, к которому принадлежит исследователь, должно пройти еще этап теоретической обработки – перевода в академический дискурс. По мнению Т.Б. Щепанской, «эту процедуру осуществляет тот, кто владеет последним – т.е. исследователь, член академического сообщества, который тем самым получает право интерпретации полученного в поле местного знания – власть интерпретатора. До прохождения этой процедуры местное («фольклорное») знание имеет в академическом контексте ограниченный статус «полевого (или даже «сырого») материала», т.е. неполного знания» (Щепанская 2008:102)

Одним из первых, кто сделал предметом антропологического изучения процесс производства научного знания в повседневной деятельности своих предшественников – классиков антропологии, был выдающийся американский этнограф Клиффорд Гирц (Geertz 1973; 1983; 1988). Он известен как создатель "интерпретативной антропологии", сосредоточенной на интерпретации символов, придающих смысл и упорядоченность человеческой жизни. Гирц отверг позицию, господствующую в науке ещё с эпохи Просвещения, утверждающую, что многообразие различий в человеческом мире – лишь затемняет то универсальное и подлинное, что есть во всех людях. Огромная практика полевых исследований культур народов Явы, Марокко, Бали позволила ему оттолкнуться от идей Т. Парсонса, рассматривавшего культуру как производное от социального действия. Именно Клиффорд Гирц обратил особое внимание на тот факт, что субъект и его деятельность в обществе в разных культурах приобретает различные вариативные черты. В результате оригинальность научной позиции Гирца выразилась в том, что «многообразие обычаев во времени и пространстве – не просто вопрос костюма и сценических декораций, но свидетельство того, что человечество столь же разнообразно в своей сущности, как и в своих внешних проявлениях».

Кроме социологии Парсонса на Гирца оказали влияние такие научные школы и направления, как аналитическая философия языка Витгенштейна и

Райла, идеи герменевтики (в частности, Вильгельма Дильтея и Поля Рикера), а также символическая философия в интерпретации Сьюзен Лангер (последовательницы Кассирера) и влиятельного в Америке литературоведа Кеннета Берка. Опираясь на историю, психологию, философию и литературную критику, Клиффорд Гирц анализировал и декодировал значение ритуалов, произведений искусства, религиозных систем, институций и других 'символов'. Основные теоретические выводы Клиффорда Гирца опубликованы в его двух книгах: "Интерпретация культуры" (1973) и "Локальное знание" (1983). В первую из них вошли две самые знаменитые работы Гирца: "Насыщенное описание" и "Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев». Книга "Локальное знание» содержит еще несколько статей по интерпретативной антропологии.

Клиффорда Гирца и его единомышленников интересовали процедуры интерпретаций, скрытые нерефлексированные механизмы социальной коммуникации между учеными. Им было важно отрефлексировать этот многоэтапный процесс селекции материала, чтобы приблизиться к пониманию логики его участников. Отправной точкой этого подхода стало понятие смысла культурных репрезентаций. Ученый утверждал, что все антропологические работы были и остаются интерпретациями интерпретаций. Он исходил из того, что исследователь-этнограф в процессе работы сначала преобразует сложный опыт полевого наблюдения в своих записях, а затем вновь интерпретирует их, пропуская через сито аналитических методов и теории. Интерпретативная наука делает понятным то, что кроется под "непонятными" в силу своей необычности для человека, не принадлежащего данной культуре, явлениями. Когда же установлено понимание между представителями разных культур, то становится возможным общение между ними. Согласно приверженцам интерпретационизма, цель этнографии – интерпретация, "насыщенное" описание культуры как системы смыслов, цель антропологии – диалогическое расширение человеческого дискурса.

Вопрос о том, как повседневность, окружающая антрополога, формирует его научный багаж, с подачи сторонников «интерпретативной антропологии» в конце XX века прочно вошел в западные антропологические дискуссии, со временем развившись в более объемный вопрос о том, что формирует академическую жизнь как самостоятельную структуру. В результате именно интерпретативная антропология Клиффорда Гирца стала важной генеалогической составляющей рассматриваемого нами научного подхода.

Весьма существенную роль в этот период сыграл тот факт, что возникновение подобного подхода в социально-культурной антропологии в значительной степени совпало с «антропологическим поворотом» в целом в социальных науках 1970-х гг. В частности, в рамках научно-исследовательской программы по социологии науки изучался процесс производства научного знания в повседневной деятельности ученых. Наиболее известным методологом, изучавшим процесс производства научного знания в повседневной деятельности уче-

ных, считается Гарольд Гарфинкель – основатель этнометодологии, превративший методы этнографии в общую методологию социальных наук. Его труд "Исследования по этнометодологии", опубликованный в 1967 году, создал предпосылки для возникновения нового направления в общей социологии и социологии науки. В своих исследованиях Г. Гарфинкель пытался универсализировать методы этнографии, применяемые ею для исследования примитивных культур, и на этой основе вести социологический анализ когнитивных и коммуникативных форм современной социальной жизни. При всей "экзотичности" как в определении своего предмета, так и в методах исследования, резко противопоставляемых предмету и методам традиционной социологии, этнометодология, безусловно, имеет свои идейные и методологические истоки, главными из которых являются феноменологическая социология и методы этнографии.

Предмет этнометодологии – процедуры интерпретации, скрытые, несознаваемые, нерефлексивные механизмы коммуникации между людьми, которая при этом редуцируется к повседневной речи. Такой подход основывается на определенных допущениях, среди которых следует отметить, во-первых, отождествление социального взаимодействия с речевой коммуникацией, во-вторых, отождествление социологического исследования с истолкованием и интерпретацией действий и речи другого человека (собеседника), в-третьих, выделение двух слоев в интерпретации – понимания и разговора, в-четвертых – отождествление структурной организации разговора с синтаксисом повседневной речи. Иными словами, в основе этнометодологии лежит стремление понять процесс коммуникации как процесс обмена значениями, что очевидным образом представляет собой попытку универсализировать процедуры антропологического изучения иных культур.

Развитие обсуждаемого подхода параллельно шло и по другим генеалогиям. Так, в активно развивавшемся в последнее десятилетие XX в. направлении “STS” («Science & Technology Studies») наиболее серьезное внимание привлек вопрос о том, как структуры жизни ученого, опосредованные лабораторией, влияют на сам научный продукт, выходящий из лаборатории. Известные исследователи – Б. Латур, С. Вулгар, К. Кнорр-Цетина, Ш. Трэвик, Х. Гастерсон и другие наиболее яркие представители направления “STS” – обратили свое внимание на субкультуру современных научных сообществ, рассматривая их как культурно изолированное сообщество людей и изучая не результаты их деятельности, а сам процесс их повседневной работы в лаборатории. Само академическое сообщество воспринималось в этом случае как «народ» или культурная среда, объединяемая не только общим знанием, дискурсом, но и разделяемыми повседневными практиками, передающимися как традиция, в значительной мере на неформальном уровне, в ходе повседневных взаимодействий. При этом исследователь, не являясь специалистом в той области науки, которую он (или она) изучает, тем не менее, оставлял за собой право на конечные репрезен-

тации деятельности ученых на основе «особого» метода понимания того, что они делают.

Главным предметом подобных исследований служат процедуры интерпретаций, скрытые нерефлексированные механизмы социальной коммуникации между учеными. Известно, что одной из первых целую серию эмпирических исследований в этом направлении провела Карин Кнорр-Цетина, обобщив их в своем труде «Производство знания: эссе о конструктивистской и контекстуальной природе науки» (Knorr-Cetina 1981). Она рассмотрела социальные механизмы производства знания на примере естественных наук по аналогии с естественным отбором биологической эволюции. Однако наибольший резонанс в научной среде получила книга французского антрополога Бруно Латура и английского социолога Стива Вулгара «Жизнь лаборатории» (1979), написанная по результатам исследования деятельности биохимической лаборатории в Калифорнии, в которой они с позиций социального конструктивизма показали, как упорядочивается несистематизированное знание. Главная задача этих авторов состояла в том, чтобы понять действия ученого, когда он пытается создать «порядок из хаоса» и перейти от формулирования гипотезы относительно смысла своих экспериментальных данных к ее обсуждению внутри лаборатории, в результате чего эта гипотеза претерпевает последовательные трансформации, и, наконец, – к всеобщему признанию данного утверждения в качестве «объективного» факта (Latour, Woolgar 1979). В результате исследования представителей направления “STS” стали второй важной составляющей в разработке обсуждаемого подхода.

И, наконец, третья генеалогическая цепочка: в разработке антропологии академических сообществ важную роль сыграли лингвисты, литературные критики, литературоведы и, прежде всего, Стэнли Фиш (Fish 1980). Особо пристальное внимание они уделяли тексту, полагая, что его интерпретация во многом зависит от личного субъективного опыта читателя. Причем, это – не абстрактный опыт, поскольку каждый человек является членом определенного сообщества, сам язык которого уже создает своеобразные рамки понимания действительности. Подобный подход в значительной степени формировался в контексте литературного критицизма. Именно в литературной критике этих лет была развита впечатляющая по остроте мысли программа анализа связки «текст/контекст», т.е. связи между продуктом писателя (парадигмами его мышления) и условиями его работы (парадигмами его ежедневной жизни).

Постмодернистская парадигма, захватившая поначалу господствующие позиции в современном литературоведении, постепенно распространила свое влияние на все сферы гуманитарного знания. Тем самым, она поставила под сомнение «три кита» научной историографии: само понятие исторической реальности, а с ним и собственную идентичность, профессиональный суверенитет исследователя; критерии достоверности источника; наконец, веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине. Было получе-

но необходимое противоядие от редукционизма социологического и психологического, зато заявила о себе его новая форма – сведение опыта к тексту, реальности – к языку, истории – к литературе. Для сторонников «литкрита» академический дискурс представлял интерес и в качестве культурных текстов, и как репрезентация социального знания, и как контекст культурного производства, социального взаимодействия и индивидуального опыта. В результате подобный поворот к двойной рефлексии привел к идее радикального обновления литературного стиля их текстов и способствовал появлению нового уровня развития социогуманитарного знания.

К началу 1990-х гг. все три генеалогии, все вышеназванные исследовательские поля во многом совпали, направления их исследований переплелись. Научное сообщество получило новые возможности соблюдения важнейшего для науки нормативного требования – осуществлять внешнее наблюдение на каждом из этапов порождения знания. Наблюдение при этом понимается двояко: как историческая и как социальная функции, подразумевающие внимательное отношение не только к структуре научного исследования, но и к его социальной истории. В этом случае ученый-наблюдатель, наряду с узкодисциплинарной специализацией, одновременно выступает и социологом, и историком по отношению к тому корпусу знаний, который он исследует. В наши дни уже стало нормой, что многие западные ученые делают, как ранее уже упоминалось, «антропологическую мысль предметом этнографического описания и этнологического понимания» (Aunger 1995; Sangren 2007). Основу их исследовательского подхода составляет конструктивистская идеология, которая последовательно реализуется в наблюдении за тем, как ученые конструируют мир природы, и за тем, как сами исследователи конструируют мир научного сообщества. Такой поворот к двойной рефлексии, по мнению наших зарубежных коллег, способен постепенно подготовить переход мировой антропологии на новый уровень развития.

В российском этнологическом сообществе, как я уже ранее отмечала, возможность и необходимость антропологического взгляда на антропологию как научную дисциплину еще крайне мало осознана. И как следствие подобного состояния умов – антропология академической жизни (далее – ААЖ) в отечественной науке до сих пор не институционализирована. Но, тем не менее, это новаторское для российской науки исследовательское направление в последние годы не только заявило о своем существовании, но и развивается на постсоветском научном пространстве, даже не будучи четко институционально обозначенным (Комарова 2008).

Свое, отличное от принятой в западной (британской, французской) или американской научной традиции, название – «антропология академической жизни», а не «этнография этнографии», «автоантропология», «рефлексивная этнография», «автоэтнография» или «антропология дома» и др. – это новое для России научное направление получило неслучайно (Комарова 2008:5-25). В

отечественной научной литературе уже стало традицией, что этнография профессий в узком смысле воспринимается как метод сбора эмпирических данных и жанр описания культур, а в широком смысле – это синоним антропологии, когда исследователь выходит на уровень обобщений и построения теории. Использование термина «антропология», предложенное в ААЖ, обозначает конкретный методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни ученых и научных сообществ и предполагает не только и не столько изучение человека вообще, но изучение конкретного способа существования «академического» человека, человека академического образа жизни, а также соционормативной культуры, совокупности ритуалов и повседневных практик, сформированных сообществом «академических» людей, т.е. академическим сообществом, и используемых ими в сфере академической жизни.

Известный российский исследователь Т.Б. Щепанская, развивая традиции символической антропологии профессий, полагает, что культура профессиональной группы – это система разделяемых членами группы общих смыслов, основанных на сходной или совместно осуществляемой деятельности, позволяющая им справляться с испытаниями внешней среды, соблюдая внутреннее единство. Чтобы отличить культуру профессиональной группы от более широкой ценностной системы, исследовательница использует понятие субкультуры, относя к ней «как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций – т.е. социальных отношения и их культурные коды» (Щепанская 2003: 141).

Отсюда следует, что любому профессиональному сообществу присуща не только своя соционормативная культура, но более того, собственная профессиональная субкультура, особая субкультура профессии – совокупность стереотипов и норм поведения, форм дискурса, сложившихся в профессиональной среде, пронизывающих все аспекты жизни членов профессионального сообщества, функционирующих, в том числе, на уровне повседневности и транслируемых посредством механизмов традиции в рамках повседневных практик, специальных ритуализированных действий, профессионального фольклора.

Носителем профессиональной субкультуры является профессиональная среда, профессиональное сообщество (в нашем случае, это – академическое научное сообщество), «включающее (по умолчанию) обладателей данной профессии, имеющих соответствующее образование, работающих по специальности, а также разделяющих большую часть символико-нормативного комплекса, в первую очередь, – совокупность культурных кодов, опосредствующих его понимание» (Щепанская 2005:51).

Специфика научного (академического) сообщества состоит в том, что в отличие от многих других профессиональных сообществ, оно представляет собою совокупность индивидов или коллективов, связанных обменом результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию науч-

ного знания. При этом поддержание устойчивых межличностных или межгрупповых отношений внутри научного сообщества обеспечивается использованием единого профессионального языка и научного аппарата (понятий, инструментов, процедур наблюдения или вывода) и каналов получения или передачи информации (научных изданий, записей на носители, научных симпозиумов, конференций и т.д.), а также достаточно развитыми формами оценки научного труда.

«В исследованиях профессий антропологи обращаются к такому приему, как интерпретация символического, включая объекты, поведение, фольклор. Так, рассказывание историй рассматривается как символическое поведение, поскольку рассказы представляют не только события сами по себе, но и репрезентации (представления) этих событий, создаваемые рассказчиками и аудиторией в процессе коммуникации (передачи информации и обратной связи) (*Owen* 1996). Кроме того, что представители профессиональной группы, члены организации рассказывают истории, они участвуют во многих других традиционных экспрессивных видах деятельности. Они используют жаргон, принятый в данной организации, метафоры, шутят, празднуют чей-нибудь день рождения или недавние достижения (*Alvesson, Berg* 1992). Они персонализируют свое рабочее пространство, расставляя и развешивая открытки, фотографии, репродукции, грамоты, вымпелы, объявления и надписи. Среди функций символического поведения – обучение новых членов группы, фрэйминг (обрамление, оформление) опыта и придание ему смысла, утверждение норм поведения, придание смысла сообществу, изменение сообщества или поддержание сплоченности, смягчение организационных противоречий, выражение эмоций и предоставление возможности сублимации, ухода в фантазию (Owen 1996: 13). Социальный антрополог, этот «профессиональный чужак», по выражению Майкла Эгара, должен обладать способностью заглянуть за эту очевидность. Он должен осознавать, что любая деятельность, технологический процесс, событие, факт следует рассматривать как результат и процесс социального конструирования. Индивиды в своей повседневной жизни создают специфическую социальную реальность, в процессе ее осмысления присваивая ей некоторые значения. Важным элементом профессиональной культуры выступает способность вырабатывать знания и умения, с помощью которых людям удается совладать как с монотонностью, так и с неопределенностью трудовых операций. Именно это становится предметом внимания антропологов на современном этапе» (Романов, Ярская-Смирнова 2008:3-17).

Так считают известные российские социологи П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова, активно и плодотворно исследующие мир профессий различными, в том числе и этнографическими методами. И далее, сообщая о том, что «отечественные этнографы и социальные антропологи, социологи, обнаруживают неявные правила, фоновые знания, повседневные ритуальные практики, способы рефлексии и самоидентификации различных профессиональных групп: жур-

налистов, медиков и учителей, художников, геологов, актеров, магов и целителей, программистов, социальных педагогов и социальных работников, военных», наши коллеги выражают надежду на то, что «хотя среди социологов-«качественников» интерес к обсуждаемой проблеме сегодня намного выше, чем среди представителей отечественной этнографии и фольклористики, мы полагаем, что в среде этнографов внимание к изучению современного общества растет, расширяется и сообщество социальных антропологов, переходящих от описательных этнографий к концептуальному анализу тех социальных сдвигов, которые происходят в России в наши дни» (Романов, Ярская-Смирнова 2008:3-17).

Между тем, любой внимательный и эрудированный отечественный читатель не может не отметить, что большинство так называемых «новых» идей современной российской историографии заимствовано с Запада (постмодернизм, гендерный подход, культурология и др.). Должны ли российские этнографы, этнологи, антропологи, представители других наук социогуманитарного цикла перенимать опыт международного антропологического сообщества в изучении академической жизни антропологическими методами? Нужно ли современному отечественному исследователю изучать собственное профессиональное сообщество, ведь подобное исследование напрямую связано с практикой критической рефлексии, которая входит (по крайней мере, должна обязательно входить) в число характеристик профессионального научного сообщества? Необходима ли критическая рефлексия в науках социогуманитарного цикла, особенно в современной антропологии? И насколько необходим любому профессиональному ученому, в частности, российскому исследователю, опыт саморефлексии?

Современный процесс глобализации научного мира многосложен и противоречив. И не секрет, что животрепещущая проблема интеграции отечественной науки в мировую науку решается неоднозначно. В частности, в российской академической среде весьма распространенно мнение о том, что «чем меньше мы интегрированы в западную науку, чем меньше похожи на нее, тем больше у нас шансов создать нечто, что будет замечено ею». В самом процессе глобализации научного мира уже заложен определенный конфликтный потенциал, что ведет к ответной реакции на неё и его поляризации. Ответная реакция здравомыслящих людей на любые изменения – это стремление к самосовершенствованию и самоутверждению. Ответная реакция других – категорическое неприятие глобальных изменений. Перемен не боятся, на мой взгляд, профессионалы. Ведь они, как правило, не являются пассивными наблюдателями. Они – творцы, а не зрители и понимают, что, внося свои коррективы, можно выиграть и занять равноправное положение в ряду других. А вот человеку, утратившему опору, психологически дезориентированному, трудно найти адекватные ответы на вызовы современности.

Понятно, что исследование современного мира, в котором существует бесчисленное множество культур, сфер деятельности, социальных практик и т.д., подразумевает разнообразие позиций, подходов, взглядов, дискурсов. Я прекрасно осознаю, что мечта о едином коммуникационном пространстве, где царствует всеобщее взаимопонимание, несбыточна, но считаю, что любые попытки его создания полезны и важны для отечественного научного сообщества. Они важны по ряду причин. В частности, даже исходя из того, что каждый научный подход и дискурс являются автономными, что никаких «метанарративов» не существует, нельзя не заметить, что современные отечественные научные коммуникации устроены слишком своеобразно и порой даже экзотично. Они настолько локальны и ограничены «своим» кругом и подходом, позицией отдельных конкретных личностей, что не желают, не нуждаются, и даже избегают каких-либо нововведений: новых теорий, проектов, подходов; их обсуждений, полемики, дискуссий; поляризации своего коллектива; ярких, «непослушных» учеников и т.д.

Между тем расширение информационного пространства необходимо для любого научного сообщества, прежде всего для того, чтобы суметь профессионально оценить результаты своего труда. Не секрет, что сегодня отдельные индивиды, слои, группы, представляющие даже одно научное направление, порой, не знают и не «пересекаются» друг с другом, не слышат и не слушают друг друга, тем самым, утрачивая основное, что характеризует научное сообщество – во-первых, обмен результатами научной деятельности по производству, накоплению или использованию научного знания, т.е. обратную связь, столь необходимую в научном творчестве и, во-вторых, объективную оценку результатов своего научного труда. Нельзя не отметить также, что в современном научном мире складывается следующая парадоксальная ситуация: чем теснее и интенсивнее связи ученых, тем более многообразным, более мозаичным и интересным становится научное сообщество, т.е. происходит одновременно и глобализация, и локализация, своего рода «глокализация» (Дж. Комарофф). С одной стороны, наблюдается органическое единство мирового научного сообщества, а с другой – плюрастическое сосуществование разных «национальных» академических традиций, защита их своеобразия. Думаю что, глобализация научного мира таит в себе и новые возможности, и новые риски, но на современном этапе развития российской социогуманитарной науки она необходима.

Постсоветская этнография/этнология/антропология, как и все гуманитарное знание в целом, с конца 1980-х годов и по сей день переживает глубокие внутренние трансформации, которые в полной мере проявляются не только внутри профессионального сообщества, но и на поверхности академической жизни: в смене поколений, интеллектуальных ориентаций, исследовательских парадигм, языка науки и т.д. К тому же наша дисциплина в последние 15-20 лет испытывает большие трудности в конструировании собственного дисциплинарного поля и не без труда отвоевывает свое место в постоянно меняющемся

научном мире, где с ней конкурируют смежные науки. Ведь в последние два десятилетия определенная либерализация общества затронула и этнографию, породив острые дебаты не только о ее назначении, статусе и объектах, но даже по поводу самого названия научной дисциплины.

Все это еще в начале 1990-х гг. потребовало глубокого переосмысления дисциплинарных основ, оформления новой четкой дисциплинарной программы, выработки стратегии и т.д. с целью упрочения идентичности дисциплины в современном российском научном мире. Это – с одной стороны. С другой стороны, наше общество в те годы, как отметил И.С.Кон, «вообще не переносило никаких перемен, любые новые идеи < …> встречались в штыки как отход от традиций и т. п. В этих условиях создать и утвердить новую парадигму было куда как трудно» (Кон 1993:3-4). Одной из причин такой ситуации было то, что подавляющее большинство наших сограждан, не приученных в советские времена к саморефлексии как в общественной, так и в интеллектуальной жизни, боялись любых новшеств и хотели только порядка и спокойствия, хотя бы в сфере собственных занятий. Попытки самостоятельного переосмысления, рождающие творческие ростки, были крайне редкими в советском обществе и всегда вызывали резкий отпор системы и встречали агрессивное сопротивление среды. К сожалению, и академическая среда не была и не стала исключением из этого правила: серьезная методологическая рефлексия, как правило, пугала и пугает многих ученых. Неслучайно, наряду с появлением в отечественной науке разнообразных исследовательских подходов и по сей день значительная часть российских этнографов/этнологов/антропологов по-прежнему придерживаются эссенциалистских воззрений.

И, тем не менее, одним из новых аспектов дискуссии в постсоветские 1990-е гг., в сравнении с ситуацией 60-70-х годов минувшего века, на мой взгляд, стало, во-первых, понимание частью ее участников принципиально нового характера отношений исследователя с источником; предмета и способов исторического познания; содержания и природы полученного знания, а также формы его изложения и последующих интерпретаций исследовательского текста. В контексте нашей научной дисциплины основной пафос ее лидера В.А. Тишкова, как и его единомышленников, был направлен против устоявшегося представления об объекте научного познания, который выступает в новом толковании не как нечто внешнее по отношению к познающему субъекту, а как то, что конструируется языковой и дискурсивной практикой. Как считает В.А. Тишков, беда нашего обществоведения заключается в том, что мы постоянно онтологизируем собственные категории, приписывая им самостоятельное существование, тогда как в действительности все они – более или менее условные конструкты, имеющие прежде всего эвристическую ценность, помогающие нам осмыслить и организовать наш жизненный опыт и научный материал. Поэтому они, как и связывающие их научные парадигмы, постоянно изменяются, создавая в науке элемент неопределенности, но одновременно рождая новые интуи-

ции и подходы. В гуманитарном исследовании главное – нюансы и полутона, жесткие схемы "работают" только в элементарных учебниках, да и те каждые несколько лет переписываются (Тишков 1992).

Второе, что стало принципиально новым аспектом в дискуссииях 1990-х гг., это то, что впервые в истории отечественной этногра- фии/этнологии/антропологии были затронуты вопросы не только о возможной глубине исследовательского понимания, но и о критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью. Однако подобные взгляды и научные подходы, с которыми выступили В.А. Тишков и его единомышленники еще на рубеже 1980/1990-х гг., по – прежнему далеки от значительного числа наших коллег. К сожалению, дискуссии 1990-х остались позади. А жаль. Только сильные и уверенные в себе профессионалы могут позволить себе открытость, переоценку своих общеизвестных достижений, предоставив своим критикам возможность свободно (без купюр) изложить весь свой аргументационный арсенал и свободно (без помех) соблюсти логические правила изложения и выводов. Известно, что именно свободный характер ведения дискуссии своей публичностью и аргументированностью выгодно отличает её от таких разновидностей обсуждения научных проблем, как спор ради спора; схватка с целью победить любым путем (используя логические уловки, манипулируя понятиями, вводя собеседника в заблуждение и т. д.); псевдодискуссий со взаимными ритуальными комплиментами и др., которые не стоят даже упоминаний о них. Неслучайно, при попытках вспомнить пример духоподъёмной аподиктической дискуссии, состоявшейся в последние годы в нашем научном этнолого-антропологическом сообществе, мои коллеги сделали вывод: «Дискуссии закончились, когда ученые стали переходить на личности». Лишь некоторые из старейшин нашего цеха помнят, что определенные дискуссионные традиции существовали в нашем сообществе даже в те годы, когда (по воспоминаниям известного этнографа Ю.И. Семенова) представитель Черемушкинского райкома партии, критикуя научную деятельность Института этнографии, искренне возмущался: «Я все понимаю, кроме одного: зачем ученому «отсебятина»!

Современное российское этнолого-антропологическое сообщество, невзирая на все традиции и изменения, произошедшие за последние двадцать лет, попрежнему занимает достаточно периферийное положение не только в международных, но и в российских научных дискуссиях. Причин сложившейся ситуации немало. Это – и бесконечное реформирование российского общества, в целом, и реформа науки, в частности, которые не способствует, а, напротив, мешают проведению научных дискуссий. На мой взгляд, для наук о человеке, например, оптимально и просто необходимо спокойное, устойчивое развитие общества, когда внешний социальный контекст не мешает, а способствует, помогает тому, чтобы человек обратился к познанию самого себя. Бесконечные перестройки, реорганизации, забюрократизированность науки, постоянная

угроза сокращений, наконец, мало способствуют проведению дискуссий, как внутрицеховых, так и с реформаторами по поводу государственной научной политики. И все же даже в столь непростых обстоятельствах в российской этнографии/этнологии идет не только критическое переосмысление накопленного опыта, но и появляется определенный опыт рефлексии и саморефлексии, которая позволяет ученым лучше понять проблемы и состояние отечественной науки, приносит взаимную пользу представителям различных научных сообществ.

В последние полтора-два десятилетия стало очевидным, что основной потенциал развития современного гуманитарного знания содержится в тесном контакте с общественной реальностью, которую необходимо осмыслять, также как и каждый собственный мотив самого исследователя, каждый свой шаг на пути к получению знания. Чтобы лучше понять общественное явление ученый-обществовед должен учитывать на своем исследовательском пути весь комплекс собственного индивидуального опыта, который формирует многие изначальные установки, исследовательский интерес к определенным темам, предметным и объектным сферам, предпочтения в методах, возможные «слабые» места, а иногда и заранее заготовленные результаты еще не проведенной работы. Для современной антропологии это наблюдение особенно актуально, т.к. именно саморефлексия, осмысление себя самой позволяет ей интегрировать разрозненные части, по-настоящему осознать себя как науку, со своими задачами, принципами и методами, которые обеспечат достижение поставленных исследовательских целей, чтобы инновация стала эффективной, необходимо внутреннее развитие, зрелость для восприятия нового.

Это прекрасно осознает и формулирует в своих исследованиях Т.Б. Щепанская: «Любая критика частных интерпретаций тех или иных этнографических фактов повседневной жизни научного сообщества сделает их (эти нерефлексируемые элементы метода) видимыми и, соответственно, вынесет в поле аналитического обсуждения. Поэтому как бы ни был опасен проект для индивидуальной репутации исследователя, он представляется перспективным с точки зрения развития дисциплины (прежде всего, открывая перспективы рационального уточнения ее метода). <…> Таким образом, обращаясь к исследованию своего собственного сообщества, мы получаем возможность смоделировать и выявить некоторые стороны этнографического метода, которые обычно остаются за рамками критической рефлексии и рационального конструирования. По отношению к отечественной этнографической работе подобная задача представляется особенно актуальной и имеет специфику, связанную с большой ролью неформальной традиции в трансляции исследовательских практик» (Щепанская 2005:126-127).

Безусловно, саморефлексия – сложный и болезненный процесс, заставляющий переоценивать самые основы, опровергать старые аксиомы и создавать вновь, и не из обломков старого, а из совершенно новой материи, которая мо-

жет созидать только в данном конкретном историческом срезе. И все же саморефлексия необходима как отдельному ученому, так и научному сообществу, можно даже сказать, науке в целом. Осознание этого существует давно: не зря такое значение всегда придавалось у нас изучению истории науки. Однако долгое время эта история была чрезмерно идеологизирована и создавалась, исходя из текущих политических задач, поэтому многие факты попросту замалчивались, для отечественных исследователей закрытыми оставались целые пласты, несметные богатства научного знания. Между тем «социальные антропологи, всегда занимавшиеся изучением человеческой культуры, пронизанной различными формами ложного сознания (религии, доктрины, философские системы и проч.), как никто другой должны уметь распознавать иллюзию в научном мышлении и в своей собственной жизни <…> Но чтобы наше представление об исследуемом было наиболее исчерпывающим, а налет индивидуальности исследователя был минимальным, необходима саморефлексия, такое же критическое осмысление собственного опыта исследователя, его методологии, какому нас учит познание истории науки» (Корякин 2009).

Обсуждаемый в этой статье научный подход, на мой взгляд, позволит приблизить отечественное академическое сообщество к решению ключевых проблем – обеспечения самосохранения, обновления круга исследовательских тем, возможность успешного развития в дальнейшем. Речь идет не столько о поиске некоего идеального начала, абсолютной идеи культуры (ААЖ 2008), сколько о понимании – как это идеальное начало и идеальная идея зарождается, конструируется, накапливается, становится достоянием научного сообщества, им осмысливается, формулируется и в дальнейшем продуцируется. Ставится вопрос о критериях объективности и способах контроля со стороны исследователя над собственной творческой деятельностью, т.е. решается проблема безусловной необходимости саморефлексии в рамках собственной дисциплины. Ведь именно ученые сами для себя являются главными и самыми жесткими критиками. Это особенно важно сегодня в условиях глубоких внутренних трансформаций гуманитарных знаний, «изменений интеллектуального ландшафта», которые проявляют себя на фоне смены поколений ученых, интеллектуальных ориентаций в профессиональном сообществе, исследовательских парадигм, языка науки. Для членов же нашего профессионального сообщества по-прежнему актуальной и приоритетной остается задача разработки стратегии упрочения идентичности антропологии/этнологии как науки. Важной составляющей этой программы должно стать осмысление в контексте постсоветского академического пространства прошлого, настоящего и будущего этнологического сообщества, саморефлексия в рамках собственной дисциплины. Абсолютно прав патриарх нашего научного цеха Игорь Семенович Кон, который считает, что «очарование и трудность современной науки состоят в том, что философская рефлексия, которой раньше можно было избежать, хотя по-настоящему большие ученые

этого никогда не делали, сегодня необходима постоянно, она не только сопутствует эмпирическому исследованию, но часто опережает его. И от этого мы никуда не денемся, хотим мы того или нет» (Кон 1993:5).

ЛИТЕРАТУРА

1. ААЖ 2008 – Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии. Отв. ред.- Г.А.Комарова. М., 2008, 300 с.
2. АФ 2005 – Антропологический форум. Специальный выпуск к VI КЭАР. СПб., С. 225.
3. АФ 2008 – Престиж в науке. Антропологический форум. СПб., № 9:7-120.
4. АФ 2009 – Форум о форуме (или о состоянии дискуссионного поля науки)// Антропологический форум. СПб., № 10:9-178.
5. Абашин 2010 – Абашин С.Н. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии/ Отв. ред. Г.А.Комарова. М.:ИЭА РАН, 2008// Этнографическое обозрение, № 2: 163-166.
6. Боряк 2009 – Боряк Е..Рец.на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / Отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с. //Антропологический форум, 2009. № 11:453-459.
7. Комарова 2008 – Комарова Г.А. Антропология академической жизни на постсоветском пространстве//Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии/ Отв. ред. Г.А.Комарова. М.:ИЭА РАН, 2008 :5-25.
8. Комарова 2008а – Комарова Г.А. Рец. На: В.А.Тишков. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008.//Этнографическое обозрение, № 6:181-187.
9. Комарова 2009 – Комарова Г.А. Антропология академической жизни как исследовательская практика этнографического описания и этнологического понимания//Этнофото. ИЭА РАН. 2009. <ethno-photo/livejournal/com/tag>
10. Кон 1993 – Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы. ЭО, № 1:3-8.
11. Корякин 2009 – Корякин К.В. Рец. на: Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии/ Отв. ред. Г.А. Комарова. М., ИЭА РАН, 2008// НЗ 2009 №6(68).
12. Романов, Ярская-Смирнова 2009 – Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная антропология: образование, наука, профессия// Этнографическое обозрение, 2009, № 5:27-41.
13. Романов, Ярская-Смирнова 2008 – Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий как поле антропологических исследований// Этнографическое обозрение 2008 № 5:3-17.

14. Тишков 1992 – Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса. Этнографическое обозрение. №.1:5-20.
15. Тишков 2001а – Интервью с профессором В.А. Тишковым // Этнопанорама 4: 68-75.
16. Тишков 2008 – Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.:Алетейя,176с.
17. Щепанская 2003 – Щепанская Т. Б. Антропология профессий// Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т.VI. №1. С
18. Щепанская 2005 – Щепанская Т.Б. Заметки об автоэтнографии //АФ 2005:121-134.
19. Щепанская 2005а – Щепанская Т.Б. Конструкции гендера в неформальном дискурсе профессий/ Антропология профессий. Под ред. П.В.Романова и Е.Р.Ярской – Смирновой. Саратов: Центр социальной политики и гендерных исследований. Научная книга.2005.
20. Щепанская 2008 – Щепанская Т.Б. Символические репрезентации знания в неформальном дискурсе «поля»// Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии/ Отв. ред. Г.А.Комарова. М.:ИЭА РАН, 2008:100-140.
21. Aunger 1995 – Aunger R. On Ethnography. Storytelling or Science? //Current Anthropology. Vol.36. No.1. 1995:97-130.
22. Clifford, Marcus 1986 – Clifford J., Marcus G.G., ed's. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley; Los Angels; L, 1986.
23. Clifford 1988 – Clifford James. The Predicament of Culture. Twentieth-Century Ethnography, Literature and Art. Cambridge, MA: Harvard University Press.
24. Comaroff 1992 – ,Comaroff, John and Comaroff, Jean. Ethnography and the Historical Imagination//Ethnography and the Historical Imagination. Boulder. P.3-48.
25. Fish 1980 – Fish Stanley. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA: Harvard University Press.
26. Geertz 1973 – Geertz Clifford. The Interpretation of Cultures: Selected Essays. New York: Basic Books. Рус. издание: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры// Антология исследований культуры. Т. 1. СПб., 1997. С. 171—200.
27. Geertz 1983 – Geertz Clifford. Local Knowledge. : Further Essays in Interpretive anthropology. New York: Basic Books.
28. Geertz 1988 – Geertz Clifford. Works and Lives: The Anthropologist as Author. Stanford, CA: Stanford University Press.
29. Gusterson 1996 – Gusterson Hugh. Nuclear Rites: A Weapons Laboratory at the End of the Cold War. Berkeley: University of California Press.
30. Hallowell 1974 – Hallowell Al. The history of anthropology as an anthropological problem//Darnell R. (Ed.). Readings in the History of Anthropology. New York: Harper & Row, 1974:304 -321.

31. Knorr-Cetina 1981 – Knorr-Cetina Karin. The Manufacture of knowledge: An essay on the constructivist and contextual nature of science. Oxford: Pergamon Press.
32. Latour and Woolgar 1979 – Latour Bruno and Woolgar Steve. Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. Beverly Hills, California: Sage.
33. Peirano 1981 – Peirano M.G.S. The anthropology of anthropology: The Brazilian case. Ph.D. thesis. Harvard University, Cambridge, MA.
34. Peirano 1998 – Peirano M.G.S. When Anthropology is at Home: The Different Contexts of a Single Discipline //Annual Review of Anthropology. Vol.27. P.105 – 128.
35. Sangren 1988 – Sangren P.S. Rhetoric and the Autority of Ethnografy: "Post-Modernism" and the Social Reproduction of Texts// Current Anthropology. Vol. 29. P. 405-435.
36. Sangren 1995 – Sangren P.S. Comments to (Aunger 1995)//Current Anthropology. Vol.36. No.1. February.
37. Sangren 2007 – Sangren P.S. Anthropology of anthropology: Further reflections on reflexivity // Anthropology Today, v.23, № 4.

ФИЛОСОФИЯ ОТ ХАРБИНА ДО БЕРЛИНА

В.Е. Семенков
ж. «Credo new»
В.В. Савчук
Санкт-Петербургский государственный университет

Беседа сотрудника журнала «Credo new» Семенкова В.Е. с доктором философских наук, профессором философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, членом жюри «Вторая навигация» Валерием Владимировичем Савчуком.

Вадим Семенков: Каково состояние нынешней философии?

Валерий Савчук: Разговор о состоянии философии не может быть кратким. Он предполагает, как минимум, учет внешних и внутренних факторов. Внешний фактор – модус присутствия философии в жизни общества. Нужно признать, что в обществе философия не присутствует, т.к. на события политической, художественной, экономической и пр. жизни она не реагирует и не влияет, поэтому в публичных дебатах мы видим всех кого угодно кроме философов. Философ в нынешней ситуации пребывает в такой нише, в которой он малозаметен. Мы знаем, что художника обидеть может каждый, а вот философа – никто, поскольку нельзя обидеть того, кого нет. А те, кто есть, например, именующий себя философом писатель Михаил Веллер, – *выше* критики. Внутренний – состояние институтов, факультетов, кафедр философии, которые выпускают философов. Меня не покидает удивление не количество их, а нарушение закона перехода в качество. Возникает подозрение, как будто эти структуры работают вхолостую. Где яркие и вызывающие споры книги, статьи, публичные лекции и выступления?

Вадим Семенков: Выселение Института философии РАН из центра Москвы куда-то на окраину, это – зло или благо для отечественной философии?

Валерий Савчук: Во-первых, не на окраину, а чуть дальше от Кремля. Во-вторых, выселение Институт философии, на мой взгляд, это вопрос о весе и значимости отечественной философии в обществе. Если прежде она исполняла идеологическую функцию, и в этом смысле как-то ценилась властью, то в нынешней ситуации, эта функция отпала. Но так как для общества философы ничего не делают, а живут согласно прямолинейно понятым словам Ортеги-и-Гассета пребывая в самоощущении бесполезности, непрактичности и чистой созер-

цательности, то стоит ли удивляться, что в глазах чиновников-юристов, философия стала не по чину занимать лакомые куски недвижимости, и еще более ценной земли. С одной стороны, мне все это печально, поскольку я много раз бывал в Институте философии. И, как мне искренне казалось в аспирантские годы, это было место подлинной философии. С другой – я думаю, что само расположение института философии, вид из окон, те книги, которые выставлены на стендах в коридорах, – все это вызывало сложный комплекс ощущений: уважение, зависть (вот ведь можно занимать себя философскими исследованиями и только ими и не преподавать по 10-14 пар в неделю), приобщение, участвуя в конференциях. Когда сегодня В.А. Подорога, показывая рукой на помещение своего сектора аналитической антропологии, говорил, что здесь был цвет мировой философии от Хабермаса до Нанси, и что на новом месте это уже не создать. И он прав. События встречи, происходившие на волне интереса к России, нельзя создавать искусственно. Мы все, в том числе и власть имущие, так любим цитировать анекдот про английский газон, а у себя каждый год разбиваем его на новом месте, а старый превращаем в стоянку автомобилей или стройплощадку.

Вадим Семенков: Я считаю, что институт философии РАН, в том виде, в каком он был, больше для философского дела не нужен.

Валерий Савчук: Ну как сказать. Одно знаю точно, если бы такой институт был в Петербурге, то ситуация здесь, уверен, была бы иной. Ведь ряд ныне известных во всем мире французских философов работали не в университете, а в исследовательских центрах.

Вадим Семенков: Сейчас говорят о нулевых годах политики, имея в виду двойное значение самого понятия «нулевые», а в философии эти годы тоже нулевые?

Валерий Савчук: Нет, не бесполезные. На самом деле эти «нулевые годы» проделали свою незримую, но далеко идущую работу: во-первых, в это время произошла инвентаризация лакун – важнейших, но неизвестных у нас текстов. Во-вторых, эти книги худо-бедно прочтены и усвоены. В-третьих, философы, обучившись иностранным языкам, стали ездить, слушать лекции и лично общаться с западными философами. Сейчас мы можем констатировать, что уже какой-то массив западной философии в нашем распоряжении есть. Те, кто вызывал интерес к себе, пересказывая неизвестных, потеряли кредиты. Возникает вопрос, ну и что дальше? Любой сам может прочитать и понять эти тексты. Важно, какой делать следующий шаг. Если не делать его, тогда мы обречены быть учениками и популяризаторами западной (а подымись Китай и предложи «философию своего успеха» или «философию, которая способствовала такому успеху»), то и восточной мысли в наш контекст? Мы по сей день не знаем ответ на вопрос Чаадаева: «Кто когда-либо мыслил за нас, кто теперь за нас мыслит?» Я часто замечаю казус человека, который с пренебрежением говорит, что «ни русской философии, ни современной русской философии у нас нет». Если этот

человек не философ, то это нормально – *сопротивление философии* в любом обществе было всегда. Но если он профессиональный философ, то я не могу не видеть в этом утверждении гордыню. Поскольку говорящий это имеет в виду следующее: в России философии нет, но я, в отличие от не знающих, знаю это, посему я и есть настоящий философ. В этом есть изрядная доля лукавства и высокомерия. Поскольку на вопрос «А ты кто?» ответ часто звучит следующий: я не русский философ, а историк философии, эстетик, феноменолог или культуролог. Слыша это, понимаю, что он философ *во вторую очередь*. Но обидная для самоидентификации такого мыслителя метаморфоза происходит всегда, когда он – выходец из России – оказывается на Западе, Востоке ли, тогда помимо его воли и желания он зачисляется в русские философы, несмотря на все указания на национальность, убеждения, политические воззрения и жажду раствориться в чужом контексте и получить доходное место.

Вадим Семенков: Я как то спросил Константина Семеновича Пигрова: «В каких местах сейчас производится отечественная философия?». И он сказал мне, что та группа, которая сформировалась вокруг журнала «Логос» и производит философию. А Ваше мнение, в каких местах сейчас производится философия в России?

Валерий Савчук: Это – чувствительный вопрос, и странно, что Константин Семенович с присущим ему чувством юмора, не указал на курируемое им общество «Самодеятельных философов». Но, если серьезно, то согласно результатам любых рейтингов (сколь бы они не были несовершенны, но других критериев еще никто не придумали), то в общем 90 % *видных* философов России – в Москве (полагаю больший процент, чем капиталов). Это не значит, что философ там, где деньги, просто философ там, где центр, поэтому мы должны честно сказать философия сосредоточена в Москве, небольшая часть в Петербурге, а в остальных регионах она рассеяна по крупицам. Хотя контакты в последнее время худо-бедно налаживаются. По крайней мере, я вижу это на примере работы нашего Центра медиафилософии. Такова реальная ситуация. Моё мнение – это плохо, не только потому, что нет конкуренции университетов, а еще потому, что обесценивается топос (не воспринимайте это за философское самомнение). Земля, не находя выражения своих интересов в местной литературе, изобразительном искусстве, философии, поэзии, медиа становится территорией, клондайком, сырьевой базой, стартовой площадкой чиновника для переезда в Москву, а в конечном счете безмолвной, безыдейной, безлюдной – ну просто мечта китайцев. К сожалению, и видимо к стыду, я мало знаю о философии в регионах, помимо медиафилософских коллег.

Вадим Семенков: Я могу предположить, что философии там просто нет. Но у профессора К.С. Пигрова мысль была иная. Он не говорил, что в Москве есть философия, он сказал, что вот те 5-6 человек, что собрались вокруг «Логоса», они-то и делают современную философию. В развитие этой мысли, могу

сказать, что в Самаре есть тоже группа, объединенная фигурой профессора Владимира Александрович Конева, в Екатеринбурге это те философы, которые, так или иначе, являются единомышленниками декана философского факультета УрГУ, академика РАЕН, профессора Александра Владимировича Перцева.

Валерий Савчук: В той же Самаре я назвал бы группу С.Л. Лишаева, в Ростове-на-Дону – В.П. Макаренко, в Курске – А.В. Дьякова, в Калининграде — Брюшинкина В.Н. и т.д. И я не вижу здесь противоречия. Если мы посмотрим на историю философии, то увидим, что философы обучались не в *безликих* университетах, но слушали лекции или посещали семинар конкретного преподавателя, и у всех был учитель. К слову, я неоднократно спрашивал у студентов философов старших курсов, кого они считают своими учителями? И неизменно слышал ответы: мой учитель – Платон, Кант, Гегель, Гуссерль. Они не понимают, что ученик это не только тот, кто себя сам так называет, но его еще должен назвать учитель. Это – обоюдное признание. Если этого нет, то мы имеем исследователя творчества, поклонника, популяризатора, дитя «лейтенанта Шмидта». Да, традиции школы у нас еще нет. Но если у тебя нет учителя, значит ты – сам по себе, значит ты – самородок, который пусть и ценен от природы, но без «обработки» – самодум.

Вадим Семенков: Если посмотреть словарь Петра Васильевича Алексеева по русским философам[1], то и там мы этого не увидим. В этом словаре представлены самопрезентации, в которых философы указывают свое философское кредо, но они не указывают, кого они считают своим учителем.

Валерий Савчук: Вот именно! Между тем вся история философии есть история взаимоотношений «учитель – ученик». Почти каждый состоявшийся философ у кого-то учился. Самоучек мало.

Вадим Семенков: А был ли учитель у вас?

Валерий Савчук: Я считаю своим учителем мудрого Ярослава Анатольевича Слинина (надо сказать, что я спрашивал его об этом и он признал меня своим учеником). Ярослав Анатольевич не был моим официальным научным руководителем, но со студенческих лет мы общались, обменивались «диссидентскими» книгами, взглядами (вернее я задавал вопросы и слушал внимательно ответы), он меня поддерживал в моих научных интересах, чтении, «хождении в актуальное искусство», был на моих выставках. Важный тезис моей книги «Кровь и культура» – «Культура кровожадна» предложил именно он.

Вадим Семенков: Когда я беседовал с Татьяной Михайловной Горичевой и Борисом Васильевичем Марковым[2] они тоже указывали на Ярослава Анато-

[1] Алексеев П.В. Философы России XIX –XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. М. Академический проект. 2002.

[2] *Марков Борис Васильевич* – доктор философских наук, профессор, зав.кафедрой философской антропологии философского факультета СпбГУ.

Горичева Татьяна Михайловна – выпускница философского факультета Ленинградского государственного университета. Организатор религиозно-философского семинара в 1974 году, соиздатель самиздатовского журнала «37», составитель альманаха «Женщина в России». В 1980 году под давление КГБ выехала из СССР. Издавала в Париже религиозно-философский журнал «Беседа». Лауреат премии Философского общества Петербур-

льевича Слинина как на своего учителя. Многие преподаватели нашего университета имели учеников, но не у всех эти ученики добивались в философии чего-то существенного. Поэтому награждение Слинина в 2002 году премией «Вторая навигация» за лучшую книгу года я считаю весьма справедливым.

Какие сейчас институциональные формы для философии сейчас оптимальны?

Валерий Савчук: Валерий Савчук: Для того, чтобы состоялась философская мысль требуется зрелый контекст, взаимокритика, понимание важности и ценности философского труда. Совсем недавно, открываю книгу «Насилие и священное» Рене Жирара и обращаю внимание на его благодарность такому то фонду и своему университету. Первому, за то, что дал деньги, а второму за то, что предоставил время, для того, чтобы закончить этот труд. Книга – это собрание концентрированных усилий и времени, она есть событие продуманной глубоко и основательно мысли, которое не происходит вне или поверх учебного процесса, между делом, когда философ нагружается большим количеством занятиями в различных университетах, суетой организационных дел. Полагаю, что исследовательские группы конкретной области, проблемы, где происходит совместная работа, крайне нужны, как нужен опыт не только учебных, но и исследовательских семинаров. Я прекрасно понимаю, что для этого всего нужны и деньги, и время, и работа, но только тогда будет производиться что то более-менее заметное и значительное. Добавлю, не избыв в себе привычку посещать зал новых поступлений библиотеки Академии наук, я вижу какие абсолютно необязательные, существующие только потому, что их никто не читает, абсолютно вторичные регулярно выходят книги, книги, в которых нет, не только мысли, но и труда в нее вложенного, а к тому же никого полиграфического и оформительского качества.

Вадим Семенков: У редактора нашего журнала Сергея Петровича Иваненкова другая теория, относительно того, почему мы друг друга не читаем. Он считает, что в нашем сообществе сложилось убеждение, что ругать можно Канта и Гегеля, но не дай Бог, если раскритикуешь профессора соседнего вуза или даже из другого городе – станешь врагом на всю жизнь. Даже если корректно раскритикуешь – все равно обидятся.

Валерий Савчук: Не знаю. Мой опыт говорит об обратном. Даже известные московские авторы жалуются: вот пишешь книгу – итог всей жизни, вкладываешь всего себя – публикуешь и ничего, как в болото, пустоту, никуда. Василий Розанов через 27 лет после выхода трактата «О понимании», с болью восклицал: «Что же это за мертвая пустыня? При восьми университетах и четырех духовных академиях не появилось никакого отзыва, никакого мнения». И каково философу быть невостребованным, поскольку он, в конечном счете, говорит о проблемах своей страны, о контексте, тем поднимая символическую значимость свого топоса. При этом французские мыслители уважительно цити-

---

га «Вторая навигация» 2003 года.

руют соотечественников же, немцы тоже пользуют своих авторов, англосаксы самонадеянно полагают, что кроме них вообще нет настоящей философии и крайне скупо цитируют авторов иной земли, говорящих на ином языке. Практика существования научных групп, со взаимными цитированием, отсылками, спорами и диалогом себя оправдывает. Работать в группе всегда интереснее, продуктивнее и успешнее.

Вадим Семенков: Во французской философии такая групповая поддержка состоялась. А в отечественной философии такая групповщина, в хорошем смысле этого слова, состоялась?

Валерий Савчук: В Москве в 80-90-е г. был семинар Валерия Александровича Подороги в Институте философии РАН конца 80-начала-90-х. Из него вышли многие из известных ныне философов. Наш семинар по «Новой архаике» с 1989 по 1992 дал свои результаты появилось общество танатологов во главе с Андреем Демичевым, группа «Контртекст», трансформировавшийся в Центр медиафилософии, Арт-группа «Деньги», «До-театр», «Один художник», писатели, выходили книги: Сборник «Символы в культуре» (1992.), «Кровь и культура» (1995), Демичев А.В. Дискурсы смерти (1997). Но наше неумение работать в команде не позволили развиваться дальше. Так, по сей день не вышла, давно уже подготовленная книга об обществе философии и искусства «Новая архаика».

Вадим Семенков: Конгресс по философии, в том виде, в каком он сейчас, нужен?

Валерий Савчук: В том виде – сомнительно. Может быть, он нужен, в качестве переписи преподавателей философии на территории от Харбина до Берлина.

Вадим Семенков: Ситуация с Конгрессом излечима или даже не стоит стараться?

Валерий Савчук: Конгресс это не место для интеллектуальных прорывов, это скорее демонстрация корпоративного рейтинга. Это такие философские игры, которые для самой философии мало что дают. Там не происходит серьёзной работы, скорее ярмарка философского урожая. На последнем конгрессе, например, узнал о росте аналитиков на просторах все еще безбрежной страны.

Вадим Семенков: На философском факультете в октябре 2010 грядут выборы декана. Чего факультету не хватает?

Валерий Савчук: Вопрос по адресу, поскольку на факультете в 2010 году была создана комиссия по инновациям в области преподавания и научных исследований факультета, и я был руководителем этой группы, к нам стекались заявки. Идея, замечу, мало оставила равнодушных. Мы получили целый ряд разных предложений. Я укажу на некоторые из них: в частности, от необходимости практики визит-профессоров, т.к. нам нужно обмениваться и приглашать со стороны людей, развивать новые направления и своих ведущих ученых отправлять в командировки в другие города, выделении помещения для приема

отечественных и иностранных ученых (поскольку скромные возможности наших кафедр, не позволяют это делать), до создания центра «Медиафилософии» и организации художественных выставок на факультете. Ну и, конечно же, о том, чтобы университет давал время для написания книг. Очевидно, что преподаватель, написав вызвавшую резонанс в философском сообществе книгу, которая цитируется и обсуждается, делает честь факультету, подымает рейтинг и популярность его. У нас же этого вообще нет. Книги воспринимаются как частное дело преподавателя. Я думаю, что та ситуация, что уже сложилась на Западе, рано или поздно «докатиться» до нас, когда философов с именами будут переманивать как футболистов. Они ведь делают университету имя. Так университет города Билефельд многие узнали лишь потому, что там работал Никлас Луман[3].

Вадим Семенков: Вы регулярно бывает в Германии. На Ваш взгляд, кого из немецких философов стоило бы позвать в качестве визит-професора?

Валерий Савчук: Я бы назвал медиа-философов Франка Хартманна, Норберта Больца, Стефана Мюнкера, Александра Рёслера, Георга Толена, Фридриха Киттлера, потому что ныне именно они мне интересны. Хотя, допускаю, что есть культовые имена типа Слотердайка и его визит, конечно же, оставил бы след в целом поколении студентов. Я кстати, спрашивал у немецких философов: есть новые звезды среди более молодой генерации? И получал ответ: не знаем.

Вообще, в Германии в университетах – невероятная для нас конкуренция, чтобы получить место профессора: подают до 100 претендентов. Там сложился жесткий механизм по отбору специалистов и маргиналы там не задерживаются.

Вадим Семенков: Маргиналы, находящиеся вне стен университета, в философии полезны?

Валерий Савчук: Это тема нашего многолетнего спора с профессором Сергеем Леонидовичем Фокиным[4] о том, что движет живую философскую мысль. Я считаю, что это инвестиции приходят извне университета, а он считает, что изнутри.

Вадим Семенков: Кто, на Ваш взгляд, из зарубежных философов-маргиналов недооценён у нас в России?

Валерий Савчук: У нас совершенно не известен Дитмар Кампер, Берн Теренс, Вольфганг Гигерич. Последнего в свое время переводил Аркадий Драгомощенко, Александр Секацкий. Гигерич автор книги «Психоанализ атомной бомбы», которую знаю, переводят у нас. Мы сейчас заняты подготовкой к изда-

[3] *Никлас Луман* (1927-1998) – немецкий социолог. С 1968 года – профессор в Билефельдском университете, где и работал до выхода на пенсию в 1993 году. Разделял научные взгляды нейробиологов Франциско Варелы и Умберто Матураны на природу живых и социальных систем, в своих работах применял биологическую концепцию «аутопойезиса». Всего Луман написал 77 книг и около 250 статей по темам теории социального познания и системной теории общества.

[4] *Фокин Сергей Леонидович* – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и перевода в Санкт-Петербургском финансово-экономическом институте.

нию книги важных статей Дитмара Кампера. Он хоть и был профессором, но академичным сообществом Германии воспринимался как маргинальный философ. Вообще укажу на феномен XX века превращения маргиналов и аутсайдеров в классиков. Это и Жорж Батай, Эрнст Юнгер, Вальтер Беньямин, Вилем Флюссер. Такого феномена раньше не было. А если спрошу себя сам, кто из маргиналов у нас стал классиком? Только Бахтин. Иных фигур не знаю.

Вадим Семенков: Я бы назвал Якова Друскина[5]. Хотя, он – скорее богослов в стиле Кьеркегора чем философ.

Валерий Савчук: Я его не знаю.

Вадим Семенков: Сергей Петрович Иваненков считает, что как философ совершенно недооценен Пришвин. В нашем журнале он опубликовал статью о нем[6] .

Валерий Савчук: Пришвин – замечательный писатель. Быть может он. Но мне как мыслитель он действительно не известен.

Вадим Семенков: Получается, что в этом споре прав Сергей Леонидович?

Валерий Савчук: Этот спор с переменным успехом. Мне доводилось слышать на круглом столе от немецкого коллеги из грайфсвальдского университета докт. Хартвига Франка о конце немецкой философии: «Ныне в Германии философия концентрируется в университетах. Так было не всегда. Философы в современном смысле стали профессионалами в XIX веке, когда они стали профессорами университетов. Сейчас философы стали искать другие области применения философии. Поэтому вопрос, является ли философия наукой, для немецких мыслителей является экзистенциальным. Мне кажется, что сегодня философия из Германии уже ушла во Францию, Америку». Я привел эту цитату, поскольку она весьма важна для понимания тех внутренних напряженных споров, которые ведут различные школы современной немецкой философии. При этом все знают, что делает другой: темы, направление, ориентация. Кстати, истории философии как отдельной дисциплины в германских университетах нет. Каждый профессор имеет свою собственную историю, историю своей проблемы. Есть специалисты по Канту, по Гуго Гроцию, Гартману и даже Дюрингу, по кому угодно, но историков *всей* западной философии как таковых нет. Зато эти специалисты – не просто трансляторы или интерпретаторы, они настоящие историки, прекрасно знающие исторический контекст, протагонистов и оппонентов их мысли, жизненные обстоятельства, источники. Итак, философия не родилась в стенах университета, она в него пришла и далеко не факт что современный университет лучшее место для свободной философии.

Вадим Семенков: В какие места уходит философия?

---

[5] *Яков Семёнович Дру́скин* (1902—1980) – литератор, теолог, искусствовед; в 1920 – 1930 годах участник эзотерических содружеств поэтов, писателей и философов «Чинари» и ОБЭРИУ, автор знаменитых «Дневников». Жил и умер в Ленинграде.

[6] См. С.П. Иваненков «М.М. Пришвин: Бремя мира и личности.» // «Credo new. Теоретический журнал». № 4, 1997

Валерий Савчук: В свободные профессии. Свободные мыслители пишут тексты, ведут дискуссии, выступают в публичном пространстве, живя за счёт гонораров. В Москве такие траектории существования возможны, особенно это касается теоретиков актуального искусства, кино и политики. Там больше мест для работы философа в качества мыслителя, а не преподавателя. В Петербурге таких мест крайне мало.

Вадим Семенков: В 1990-ые гг. было очевидно, что в городе есть философский факультет СПбГУ и все, кто занимаются должны, так или иначе, присутствовать на этом факультете. Философский факультет Большого университета ангажировал философскую элиту города. А сейчас?

Валерий Савчук: Мы видим, что в Санкт-Петербурге формируются альтернативные площадки, которых прежде не было. На «Пушкинской-10» под руководством искусствоведа и медиафилософа Аллы Митрофановой проходит философский семинар, семинар по Бадью, который вел безвременно ушедший Алексей Григорьевич Черняков, есть конференции исследовательского центра в Герценовском педагогическом университете, в РХГА есть городской вполне «резонансный» семинар проф. Ермичева А.А. и т.д.

Вадим Семенков: Рост площадок для философии – это следствие того что «просел» философский факультет СПбГУ или это – результат иных факторов?

Валерий Савчук: Нет, не думаю, просто это объективные тенденции. В философии стало больше конкуренции. Ситуация свободы в целом дала возможность произвольной самоидентификации. Сегодня уже нет нужды для того, чтобы быть философом предъявлять диплом об окончании философского факультета. Для овладения философской позицией нужно предъявить свои идеи, теории, мысли, книги. Но для этого, опять же, нет нужды обращаться к государственным академическим журналам или издательствам, как было прежде, достаточно разместить тексты в интернете, можно издавать книги в любом издательстве, организовывать конференции, открывать философские факультеты или кафедры. Это и есть те основания возможности философствования в разных местах. Отмечу еще отечественный феномен свободных интеллектуалов.

Под свободными интеллектуалом я имею в виду не институализированную фигуру. В Петербурге ярким представителем такого феномена является Виктор Лапицкий[7]. У него есть квалифицированные переводы и тексты (послесловия, комментарии) по поводу переводимых им Лиотара, Делеза, Деррида, Бадью. Он – и переводчик, и писатель, и математик, работающий в математическом институте им. Стеклова. В этот ряд свободных интеллектуалов, можно отнести и Ар-

[7] *Лапицкий Виктор Евгеньевич*. Окончил матмех ЛГУ (1973). Кандидат физико-математических наук. В 1981-89 писал прозу, печатался в журналах «Часы», «Митин журнал», «Выбор» (иногда – под псевдонимом Арнаут Скард-Лапидус). Сделал первые русские переводы таких авторов, как Р. Барт, М. Бланшо, Р. Руссель, Ж. Лакан, Ф. Лаку-Лабарт и др. В 2000 выпустил 10 книг переводов, включая антологию современного западного рассказа «Locus Solus», и сборник собственных рассказов «Борхес умер». Лауреат литературной премии Андрея Белого в номинации «За особые заслуги перед русской литературой» (2000).

кадия Драгомощенко[8], Анатолия Барзаха, Бориса Останина и Александра Скидана.[9] Если одни: Драгомощенко, Останин, Барзах возрождают некую внутреннюю обособленную империю вкуса, то другие претендуют на статус публичных интеллектуалов, поэтому в отношении университетской философии присутствует высокомерный тон маргиналов.

Семенков Вадим: Этот тон оправдан?

Валерий Савчук: В 90-е годы – да. Уровень качества переводов, освоения и комментариев к текстам французских авторов у Виктора Лапицкого, С.Л. Фокина был высокий, а тексты Аллы Митрофановой и Анатолия Барзаха – всегда нетривиальны, интересны, искренни.

Вадим Евгеньевич Семенков: Ещё в 1992 году в книге «Из жизни доцентов» Вы написали: «*Наша философия ещё не написана, история её ещё не состоялась политкорректность не разоблачена, гуманизм не преодолен. Философия нашего дня – это философия латиноамериканская, древнекитайская старо- и новоиндийская и даже древнегреческая.*

Она будет всякой: кровавой и кричащей, без стеснения местной, без агрессии мужской и жеманства дамской, новоархаичной и поэтической. Быть может она шизоаналитической. Русской. Кто-то по-прежнему будет говорить от имени всеобщего». Чем вызвана ирония по поводу разговора от «имени всеобщего»?

Валерий Савчук: Спасибо, что вспомнили «Доцентов». Философ, который говорит от имени всеобщего в ситуации, когда всеобщее – глобализация – *необратимая, повсеместная* и докучливая *реальность*, значит ломится в открытые двери, говорить ни о чем, ни откуда и ни от кого. Вернее когда он думает, что говорит от имени философии, на самом деле неявным образом поддерживает миф тотальности ценностей одного региона, одних интересов и сил. Всеобщее есть инверсия европоцентризма. Актуальный философ существует не вне времени и вне ситуации, а существует в реальном времени и отвечает на существенные вопросы его.

---

[8] *Драгомощенко Аркадий Трофимович*. В 1990 выпустил первую книгу стихов «Небо соответствий»; в том же году книга «Description» (на английском языке) вышла в США. К настоящему времени – автор девяти книг стихов и прозы. Составитель и редактор антологии «Современная американская поэзия в русских переводах» (1996; вместе с В. Месяцом); перевел для нее стихи М. Палмера, Ч. Олсона, Л. Хеджинян. Лауреат премии электронного журнала «Post Modern Culture» (1995). Член Союза писателей России (с 1991). Автор проекта и участник разработки компьютерной программы Ars Petropoli— Директория современного ленинградского искусства (с 1991). В 1992—95 руководил семинаром «Другие логики письма» в С.-Петербургском университете, в 1993 и 1995 читал лекции в Калифорнийском университете в Сан-Диего, в 2000 – в Нью-Йоркском университете. Соавтор сценария американо-русского фильма «Письма не о любви» (премия Green Apple – The Education Net и 1-я премия Остинского фестиваля документальных фильмов, 1998).

[9] *Александр Скидан* – поэт, критик, переводчик. Автор поэтических книг «Delirium» (1993), «В повторном чтении» (1998), «Красное смещение» (2005), сборники эссе «Критическая масса» (1995) и «Сопротивление поэзии» (2001). Переводы Пола Боулза «Под покровом небес», Поля де Мана, Жана-Люка Нанси, Славоя Жижека, Антонио Негри. Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (1998), Премии «Мост» за лучшую статью о поэзии (2006), Премии Андрея Белого в номинации «Поэзия» (2006). Член рабочей группы «Что делать?» (Санкт-Петербург).

Тема моих размышлений последних лет отсутствие конкретного уровня философии, предметно обращенной рефлексии. Но мыслитель не может не реагировать на события окружающей жизни *как философ*, а если он не реагирует, то он и не интересен. Иное дело, что говоря об этих событиях, он должен говорить как философ, то есть брать мир как целое. Когда Хайдеггер говорит о поэзии Гёльдерлина, или Делез о живописи Фрэнсиса Бекона они остаются философами. Философ инвестирует смыслы и находит в поэзии, живописи, искусстве то, что с позиций узко-научного знания не обнаруживается. Если философ не участвует в этом, то он избавляет себя от риска быть глуповатым. Многие это осознают и для них это осознанная стратегия, но остаться философом и говорить о вещах, которые действительно волнуют всех – это и есть сверхзадача актуальной мысли.

Вадим Семенков: Спасибо за беседу!

Переводы и комментарии

ПЕРЕВОД КАК НЕЗАДАЧА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ: К КРИТИКЕ КОНЦЕПЦИИ МИМЕСИСА В.А. ПОДОРОГИ

С.Л. Фокин
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов

Я не могу начать думать, без того, чтобы кто-то уже не думал за меня… как мыслить спонтанно, без метода – вот вопрос?
В.А. Подорога

Пролегомены к воображаемой онтологии перевода

Одна из главных проблем русской философии XIX-XX вв. заключается в невнимании к языку, исходя из которого работает мысль. Как это ни парадоксально, но русская философия двух последних веков, изначально тяготевшая к союзу со словесностью, за редкими исключениями оставалась невосприимчивой к стихии *поэзии,* в предельном воплощении последней в форме чисто языкового начинания (греч. ποίησις, от ποιέω – делаю, создаю, творю). Обостренное внимание к языку в русской культуре первых десятилетий XX в. («ОПОЯЗ», формалисты, Бахтин) не вылилось в России в полноценную философию языка, хотя книга «Марксизм и философия языка» оказалась безусловно новаторским сочинением, плодотворные связи с которым стали ощущаться и даже культивироваться в конце прошлого столетия [2, с. 380-392; 6, с. 23-41].

Вместе с тем, в пренебрежении к речевым основаниям мышления, отличающем классическую русскую философию, можно видеть не столько ущербность или недостаточность национального образа мысли, сколько родовую – жанровую и институциональную – характеристику философии как формы творческого освоения действительности. В невнимании к языку сказывается та устремленность философии, в русле которой она практически бессознательно отождествляет себя со своего рода универсальным языком, стоящим над единичными национальными языками. Эту универсалистскую тенденцию со всей определенностью выразил М.М. Бахтин в поздних заметках, получивших

известность под названием «К методологии гуманитарных наук». Определяя ситуацию философии в поле гуманитарных наук, мыслитель писал: «Место философии. Она начинается там, где кончается точная научность и начинается инонаучность. Ее можно определить как метаязык всех наук (и всех видов познания и сознания)» [3, с. 424]. Здесь перед нами в свернутом виде основная проблема философии, остающейся в бессознательном состоянии в отношении языковой (поэтической) стихии мышления. Иначе говоря, иным философам до того свойственна убежденность, что они изъясняются на некоем сверхязыке, что коренное условие мысли – национальный язык – просто-напросто выпадает из топоса отправления, или осуществления, мысли, превращая такого рода философию, независимо от субъективных наклонностей отдельных мыслителей, в сплошной «апофеоз беспочвенности».

С другой стороны, признавая, что в классической русской философии нет своей философии языка, невозможно не заметить, что именно это пустое место обуславливает дурную возможность вековечного топтания вокруг проблематики «русской идеи», «русского пути», «русского духа», в ходе которого до последнего времени не было сделано ни одного сколько-нибудь заметного прорыва в сторону «русской буквы», то есть полноценной и самостоятельной философии языка. Точнее говоря, если такие прорывы и случались, то обязана ими русская мысль не философам, а лингвистам, литературоведам и писателям.

Вместе с тем, нерефлексивное, почти бессознательное отношение к философии языка оставляет собственно философию невосприимчивой к еще одной проблеме, которая со второй половины XX века выдвигается на передовой край гуманитарных наук, обратившихся, вслед за определениями разного рода универсалий («структур»), к более зыбким элементам индивидуальной, социальной, культурной, национальной и сверхнациональной (европейской, например) идентичностостей. Именно в этом сложносоставном плане «своего» (самости), «другого» (инаковости), и «чужого» (абсолютно неотчуждаемого в его самости) вырисовывается в поразительном многообразии триединая проблема перевода/переводимости/непереводимости дискурсов, культур и языков.

С одной стороны, с возникновением теории перевода как науки в середине XX века (это событие можно с уверенностью связать с трудами А.В. Федорова [12], истоки которых находятся в недолгом веке русской теории 20-30-х годов XX века), равно как с развитием разного рода региональных (постколониальных) штудий, проблемы перевода оказываются камнем преткновения для классических лингвистических учений. В 50-60-е годы появляется целый ряд работ, в которых прослеживается тенденция если и не свести всю лингвистику к проблемам перевода, то, по меньшей мере, показать, что деятельная наука о языке невозможна без последовательной рефлексии о переводе, что любая лингвистическая теория в самой сокровенной своей сущности сводится к рассуждению о переводе и переводимости (из чего иные записные университетские переводоведы поспешили заключить, что любая теория перевода сводится к

лингвистике, и эта редукция поэтических и философских оснований перевода имела весьма плачевные последствия для теории перевода в Америке, Европе и России).

Новое положение науки о переводе одним из первых в языкознании того времени сформулировал Р. Якобсон: «Эквивалентность при существовании различия – это кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики. Как и любой получатель вербального сообщения, лингвист является его интерпретатором. Наука о языке не может интерпретировать ни одного лингвистического явления без перевода его знаков в другие знаки той же системы или в знаки другой системы. Любое сравнение двух языков предполагает рассмотрение их взаимной переводимости» [13, с.17]. К сожалению, эта фундаментальная эпистемологическая формула не была тогда продумана в ее фундаментальных гносеологических и онтологических импликациях, хотя из нее прямо следовала необходимость представить сам акт мышления (рефлексию) в понятиях перевода, то есть исходить из того, что мышление есть не что иное, как переход от еще немыслимого (неизреченного) в мыслимое (изреченное) через уже установленные или заново определяемые формы субъективности и речи.

Как это ни парадоксально, но именно философы в большинстве своем не желали признать или просто понять, что философия, по меньшей мере, западная, немыслима без феномена перевода; что последний составляет элементарную схему самого акта мысли как взаимодействия неизрекаемого, неизреченного и изреченного; что воображаемая онтология перевода составляет первое и последнее условие преобразования невербального содержания сознания в артикулированные, грамматические и дискурсивные формы. В сущности, эта онтология перевода предваряет любой из трех его основных эмпирических видов, установленных в классической статье Р. Якобсона [13, с.18-19]. – внутриязыковой (перифраз), межъязыковой (перевод как таковой), интерсемиотический (трансформация знаков одной семиотической системы в знаки другой или других семиотических систем: например, балет по роману «Анна Каренина»). Онтологический характер перевода становится еще более очевидным, если эту типологию дополнить, включив в нее перевод бессознательного, структурированного как язык (Ж. Лакан) в критические или превращенные формы сознания.

Итак, перевод оборачивается камнем преткновения также и в отношении философии, хотя большинство философов по-прежнему хранит стойкое убеждение, что в своих построениях они имеют дело скорее с истиной, чем с языком, скорее с бытием, чем со знаком. По всей видимости, мало кто из именитых философов середины XX века обратил внимание на статью Э. Бенвениста «Категории мышления и категории языка» (1958), в которой французский языковед убедительно показывал, что вся философия Аристотеля была продиктована исключительно структурой греческого языка, что вся проблематика так называемого бытия восходит к соответствующему греческому глаголу, что вся грече-

ская метафизика обусловлена конкретной «лингвистической ситуацией», отнюдь не исчерпывающей все возможности обозначения, или соотношения, слов и вещей: «Он (Аристотель – С.Ф.) думал, что определяет свойства объектов; а полагал исключительно языковые сущности; именно язык, в силу собственных категорий, позволяет их распознавать и характеризовать» [14, с. 70]. Иными словами, язык не только хранит, не только питает, но и активно формирует мысль. Такое разоблачение лингвистической природы истины было не ко двору философии, которая по большей части продолжала искать бытия там, где следовало искать начал философского языка. Разумеется, что в этом философическом забвении языковой природы бытия («всякое бытие есть бытие-о-котором-говорят») встречались яркие исключения: Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, Ж. Деррида, если вспомнить здесь самых крупных мыслителей, неустанно поверявших философию стихией языка.

Таким образом, вопрос, который перевод ставит исподволь перед современной мыслью, затрагивает условия возможности отправления разума: может ли мышление двинуться вперед или вообще сдвинуться с места, не сознавая при этом своего переводящего характера? Не оборачивается ли философия топтанием на одном месте, пережевыванием того же самого, перепевами старых и чужих песен, если ее движущие силы лишены того рефлексивного момента, посредством которого она способна самостоятельно определять свои пути, при условии ясного сознания, что перевод, то есть повтор того же самого в иных исторических, национальных и языковых обстоятельствах, есть не что иное, как исток и основная движущая сила Различия в противовес диктату Тождества?

Нельзя сказать, что вся философия осталась глуха к проблеме перевода. Однако в силу определенных институциональных, исторических, культурных, литературных, политических и прочих обстоятельств, случилось так, что такого рода глухота поразила сильнее всего русскую философию, не желавшую признавать перевод в виде собственной проблема. В отличие, например, от немецкой или французской философских культур, где, начиная с рубежа XVIII-XIX вв., складывается полноценная философия перевода, то есть сознающая себя идея в отношении того, *что такое перевод* в его соотношении с философией, историей философии и философией истории [15, с. 187-203], в русской культуре, за редчайшими исключениями, перевод, вплоть до самого последнего времени, оставался вне внимания философов. Словом, если во французской и немецкой культурах перевод осознается как философская задача, то для русской культуры приходится говорить о переводе скорее как о незадаче русской философии.

Что такое мимесис, если это не перевод?

В последние годы вышли сразу две работы крупных российских философов, прямо или исподволь обращенные к проблематике философии перевода. В

первую очередь, имеется в виду, конечно же, книга Н.С. Автономовой «Познание и перевод» (2008), появление которой, на мой взгляд, знаменует начало вхождения современной русской философии в «век перевода», в пространство европейской философии перевода. Автору уже случалось вкратце обсуждать эту книгу[9, с.167-168], поэтому заметим здесь, что без активного освоения этого громадного и местами весьма неровного труда продвижение русской философии к созданию своей философии языка и своей философии перевода просто невозможно.

Вторая книга, которая не прямо, а именно косо касается проблем философии перевода, это «Мимесис» (2006) В.А. Подороги. Разумеется, трудно было бы свести проблематику этой великой книги к проблеме перевода; тем не менее, аналитическая антропология русской литературы в лицах и фигурах – Гоголя и Достоевского – настолько глубоко погружена в самые существенные проблемы философии перевода, что при чтении временами создается такое впечатление, будто автор «Мимесиса» намеренно избегает даже тени рефлексии в отношении проблем перевода, пытаясь развертывать свои размышления исключительно в области самобытия мысли. Очевидно, что следствием самозабвения мыслителя в стихии самопорождающего – не переводного и не переводящего – разума, является та парадоксальная ситуация, при которой воображаемая онтология перевода неотступно сопровождает основные дискурсивные операции, посредством которых В.А. Подорога творит свою аналитическую антропологию русской классической литературы, не замечая, что тень перевода, то есть повтора, маячит за каждым его мыслительным ходом и каждой философской находкой. В самом деле, какую бы стратегию мыслительных построений ни избрал бы философ, на нее сразу же падает тень перевода, хотя сам он не замечает этой тени, словно бы хочет быть *без тени*: коль скоро мыслитель перелагает литературный текст Гоголя или Достоевского на философский язык аналитической антропологии, оснащенный целым рядом определенных категорий, его мысль уже, хочет он того или нет, действует в режиме перифраза; когда В.А. Подорога включает в свой аналитический инструментарий понятие З. Фрейда Unheimlich, предлагая при этом отказаться от его однозначной интерпретации как *жуткого* и понимать его как *чудное*, его сознание, сталкиваясь в лоб с проблемой эквивалентности при существования различия, просто уходит от решения «задачи переводчика», как понимал ее В. Беньямин [3], предпочитая ничтоже сумняся «освоить» «чужое», грубо редуцировав инстанцию «другого»; наконец, когда философ начинает интерпретировать визуальные образы, идет ли речь об описании картины А. Иванова «Явление Христа народу», портретах Гоголя или картины Гольбейна мл. «Toter Christus», его умозрение, осуществляя воображаемый перевод знаков одной семиотической системы в знаки другой семиотической системы, выстраивается как последовательно субъективное откровение, не запятнанное *онтологической вторичностью* любого перевода. Казус философии в том и заключается – эта умозрительная дисциплина все-

гда хочет быть первой, не желая признавать, что быть вторым значительно труднее; что сказать что-то в ответ с сознанием того, что ты отвечаешь другому, гораздо более сложная задача, нежели вторить самому себе; что мыслить в соответствии с методом, пусть даже последний не сопутствует тебе, гораздо более ответственная задача, чем поиск возможностей мыслить самопроизвольно, спонтанно, «без метода».

Если перевести казус философии в область литературных сравнений, то философа можно представить в виде дурного двойника борхесовского Пьера Менара: если персонаж писателя воплощает драму абсолютного Повторения («Не второго «Дон Кихота» хотел он сочинить – это было бы нетрудно – но именно «Дон Кихота» [5 , с. 64]), то персонаж философа мучается трагедией абсолютного Различия. Совпадают они в своей страсти к абсолюту: русский философ хочет создать заново не уже написанный классический роман, а русский философский язык, который был бы способен описывать классические русские романы таким образом, чтобы перед этими описаниями померкли языки Барта, Батая, Бланшо, Деррида, Фрейда, Фуко или Якобсона. При этом задача В.А. Подороги бесконечно усложняется тем, что посвятил он себя не тому, чтобы «повторить на чужом языке уже существующую книгу», но перевести на русский язык целые полки чужих книг, целые кучи чужих философских понятий, создавая при этом не просто «русский метафизический язык», об отсутствии которого горевал еще Пушкин, а современную метафизику русской классической литературы, которая по своим притязаниям была бы сродни трудам М. Хайдеггера о Гельдерлине или М. Бланшо о Бодлере.

При этом казус русского философа усугубляется тем, что прямо переводить он не хочет: он старается во что бы то ни стало мыслить, и это у него получается, но буквально за каждой сложившейся мыслью маячит призрак перевода, а значит – гамлетовские отношения Сына-Отца, от которых В. А. Подорога не устает открещиваться. Другими словами, интерес, или казус, «Мимесиса» заключается не только в захватывающих картинах в лицах и фигурах, которые представлены на страницах этого монументального труда и в которых великие русские классики выведены так, будто и теперь живее всех живых («…более живыми, или более мертвыми, чем мы сами…» [8, с.16]), но и в том, как бежит русский философ рассуждений о переводе всякий раз, когда они настигают его в тот самый момент, когда он думает, будто думает. В сущности, онтологическая проблема перевода в этом и заключается: всякий раз, когда мы думаем, что мы, наконец, думаем, мы просто забываем, что только и делаем, что переводим, забываем, кого переводим и с какого языка.

Если из области литературных сравнений вернуться на почву собственной проблематики В.А. Подороги, то нельзя не заметить, что *общая* концепция мимесиса, предложенная мыслителем страдает расплывчатостью и внутренней противоречивостью. Строго говоря, сам философ отказывается мыслить в *терминах мимесиса*, предпочитая работать в *режиме саморепрезентации.*

Выстраивая свою типологию трех мимесисов [8, с. 9-16] – мимесиса внешнего, или подражательного, в рамках которого писатель как будто воспроизводит как будто реальность; мимесиса внутреннего, когда произведение мыслится в виде лейбницевской монады, в которой воспроизводится словно бы весь мир; наконец, мимесиса межпроизведенческого, в стихии которого уже сами по себе произведения как будто подражают друг другу, по воле творца или непроизвольно переводя «чужие слова» в различные регистры самосотворения – В.А. Подорога исходит из абсолютно субъективного допущения о существовании в русской литературе двух традиций, для которых значения каждого из трех мимесисов варьируются: «Для литературы образца на первом месте остается критерий реалистичности, т.е. поддержание у читателя «сильной» референциальной иллюзии. Для литературы *другой, экспериментирующей*, определяющую роль начинает играть внутрипроизведенческий мимесис: нет иной реальности, кроме той, доступ к которой предоставляет повседневный миметизм языка. Утопия произведения расширяется вплоть до поглощения любой конкурентной ей реальности» [8, с. 11]. Уже в этом исходном методологическом постулате, который развертывается в последующем изложении в концепции «великой» и «малой» литератур, бросается в глаза искусственность, если не вымученность, подобного раздела поля русской классической литературы, карта которого, если таковую попытаться вообразить, будет расчерчиваться линиями краев, местностей, пространств и сил, куда более разнообразных и разнонаправленных, нежели позволяет увидеть ригидная схема онтологического билингвизма русской литературы: «Малые языки всегда составляли части имперского, были включены в него, но на правах языков запрещенных или исключенных, своего рода пред-языков, языков гетто, языков-резерваций […] Малая литература не знает, что делает, она не подражает высшему образцу, хотя и объявляет это главной задачей (но, скорее, отменяет его в поэтическом эксперименте). Напротив, великая имперская литература старается все понять, представить в виде литературно цельного произведения любой фрагмент реального опыта. За неясным и бессмысленным, маргинальным великая литература предполагает наличие тайного смысла, утраченного или намеренно искаженного, до которого обещает добраться. Гоголь же невольно (как потом в разное время и с разным успехом Ф. Достоевский, А. Белый, А. Платонов, А. Введенский и Д. Хармс и многие литературы, принадлежащие к ветви малых, *других*) пытается оказать сопротивление имперской литературе выдумыванием особого языка…»[8, с. 68-69]. При всей эвристической и эстетической соблазнительности подобной схемы сомнения в ее применимости в отношении русского литературного поля порождаются обстоятельствами сразу нескольких планов – исторического, культурного, политического, психологического. Все они, в сущности, сводятся к исходной апории воображаемой онтологии перевода: сколько бы языков я ни знал, я мыслю не иначе, как на своем языке; язык, на котором я мыслю, может

быть мне своим не иначе, нежели как в виде языка другого, который я перевожу в себе, для себя и для других.

Эта апория онтологии перевода была выражена в свое время Ж. Деррида в виде следующего парадокса: « Я владею только одним языком, он не мой» [14, с. 13]. Неизбывная антиномичность онтологии перевода со всей определенностью сказывается в следующем пассаже «Монолингизма другого»: «Ибо в этом двойном постулате

- *Мы никогда не говорим более чем на одном языке… (да, но)*

- *Мы никогда не говорим на одном языке*

говорит не только собственно закон того, что называют переводом. Здесь говорит сам закон как перевод» [14, с.25].

Билингвизм не может быть сущностной характеристикой национальной литературы, поскольку сам акт творческой мысли в индивидуальной сущности двуязычен, в силу чего литература всегда и неизбывно многоязычна. Представить литературу (как индивидуальную, так и национальную) через абстрактный билингвизм – значит свести все силы многоязычия к двум искусственным, если не вымученным, тенденциям, которые не передают действительного характера литературы, каковой определяется исключительно через столкновение *сил*, то есть совокупных способностей жизни, мысли и чувствования, и *форм*, то есть совокупных традиций личного, светского и религиозного письма, включающих в себя и типы писательского поведения. Разумеется, вывести Гоголя и Достоевского, а вслед за ними Белого, Платонова, Введенского и Хармса представителями так называемой малой литературы, противопоставив ее имперской литературе Пушкина и иже с ним, крайне соблазнительно, но нет ли в этом соблазне некоей доли того же самого имперского монологизма, позволяющего не принимать во внимание аффективного билингвизма индивидуального письма и реального многоязычия всякой литературы?

Нет никакого сомнения в том, что Пушкин был и хотел быть, по меньшей мере, в последние годы, одним из основоположников великой русской литературы, но разве существование этого имперского притязания исключает в субъективности поэта воли к сопротивлению фигуре величия как такового, разбросавшейся именно по маргинальным жанрам и опытам? В этой связи достаточно будет указать на крайне сложный психологическо-философский комплекс дендизма/либертинажа, коего одним из первых *переводчиков*, носителей и проповедников в русской культуре следует считать именно Пушкина. С другой стороны, невозможно не согласиться с тем, что литература Гоголя исходно заряжена энергичной схваткой малороссийских наречий с великорусским языком, при этом, правда, до самого конца настоящей «истории одной борьбы» не ясно, на чьей же стороне выступает сам автор «Мертвых душ». Не сказываются ли в этом образе русского языка, который создает на страницах своей поэмы Гоголь, элементы той же самой воли к власти языка и языку власти, которую В.А. Подорога хочет приписать исключительно пушкинской традиции русской ли-

тературы? Более того, не было ли в Гоголе, как раз в силу его исходной экзистенциально-этнической окраинности, неизмеримо больше лингвистической имперскости, нежели в салонно-петербургском Пушкине? Во всяком случае, в воззрениях Гоголя на перевод явственно проглядывает некий комплекс великорусского этноцентризма, в стихии которого писателю неоднократно случалось ставить русский язык выше не только малороссийских наречий, но и языков просвещенной Европы. В этой связи достаточно вспомнить его статью об «Одиссее», переводимой В.А. Жуковским», где русский язык чествуется как «полнейший и богатейший всех европейских языков», или его сомнения в способности немцев достойно перевести «Мертвые души» [12, с.188-193].

Дабы настоящие вопросы не выглядели филологическими частностями или колкостями, необходимо еще раз подчеркнуть: общая концепция «Мимесиса» отличается внутренней противоречивостью, каковая проистекает из нежелания философа мыслить сам творческий акт, *поэзис*, в понятиях перевода, из его стремления мыслить словно бы в отсутствие другого, из его последовательной установки на забвение сокровенного билингвизма самости и монолингвизма другого. В этом отношении важно попытаться представить смысл и значение самого жеста современного русского философа, обращающегося к стихии русской классической литературы.

Философия русской литературы и литература русской философии

Мне хочется думать, что размышления В. А. Подороги волнуют современную русскую мысль. Действительно, в традиции русской философии, всегда тяготевшей к русской литературе, объявился вдруг мыслитель, который не просто не побоялся признать, что русская литература остается основным источником и составной частью русской философии, но со всей ответственностью решил, что других источников у последней и быть не должно.

Книга «Мимесис» не может не поразить воображения неравнодушного читателя. Русский мыслитель, чей поиск связывался, прежде всего, с такими мощными интеллектуальными конструкциями, как «метафизика ландшафта», «феноменология тела», «аналитическая антропология», каждое из которых обещало дать начало целому направлению современной философии, обратил свой изощренный аналитический инструментарий, разработанный в основном в опытах аналитического чтения философских текстов западных авторов, на святая святых всей русской культуры, на «идолов» или даже «дойных коров» неиссякаемой русской духовности, при одном упоминании имен которых – сам Гоголь! сам Достоевский! – иные блюстители «русского духа» всегда готовы призвать скинуть шапки.

А тут вдруг – деконструкция! Нет, сам философ нигде не называет свой метод «деконструкцией», хотя приемы обращения с текстом в «Мимесисе» гораздо ближе к тому, как Ж. Деррида читал М. Фуко или Ф. Лаку-Лабарт – Ш.

Бодлера, нежели к «Опавшим листьям», где В.В. Розанов устраивал аффективно-эффектные сцены всей русской литературе, вменяя ей в вину, что та погубила Россию.

Судя по всему, В.А. Подорога прекрасно понимает, на что он замахнулся, поэтому предельно дистанцируется в методологическом введении от тех, кого совершенно бездоказательно объявляет главными неприятелями «произведения» – Р. Барта, Ж. Деррида, У. Эко. Один из парадоксов, который бросается в глаза при чтении введения: определяя свои методологические ориентиры, русский философ с прозападной репутацией на удивление патриотичен – среди своих предшественников в постижении Гоголя и Достоевского он числит почти сплошь соотечественников (И. Анненский, М. Бахтин, А. Белый, В. Виноградов, Я. Голосовкер, Вяч. Иванов, Ю. Лотман, В. Набоков В. В. Розанов и др.), тогда как среди «западных ученых» в заявленный методологический пантеон В.А. Подороги угодили разве что М. Бланшо, А. Жид и З. Фрейд, хотя по ходу книгу активно привлекаются концепции целого ряда западных мыслителей – от Адорно и Беньямина до Башляра и Сартра.

Хочется думать, что В.А. Подорога знает, что делает, когда ставит свою методологию под знак почти исключительно русской критической традиции; представляется, что в этом риторическом жесте сказывается почти естественное стремление к *своему* читателю, характерное для любого писателя, каковым, как мне представляется, мыслит себя В.А. Подорога. В самом деле, говоря о том, что в проникновении в идею произведения, как она формировалась у Гоголя и Достоевского, ему помогали, прежде всего, русские критики, философ в действительности словно бы заигрывает со своим читателем, точнее, проверяет, свой он или не свой. Другими словами, замалчивание в методологическом «Предисловии» других авторов тех мыслительных опор, что явно и неявно помогали В.А. Подороге выстраивать вполне определенное видение русской классической литературы, объясняется, по всей видимости, сознательной установкой на прозорливого читателя, который либо отлично знает предыдущие труды мыслителя, либо и сам может додумать, что когда автор «Мимесиса» говорит о литературе как архиве, он продолжает археологические искания М. Фуко; когда полагает, что нам следует забыть, что тот или иной роман написан Толстым или Достоевским, развивает пресловутую идею смерти автора; когда представляет свое видение классической русской литературы через концепцию малой и великой литератур, разворачивает в сторону русской словесности схему, предложенную в свое время Ф. Гваттари и Ж. Делезом в книге о месте Ф.Кафки в австрийской литературе; когда, наконец, набрасывает феноменологическую поэтику взгляда у Гоголя, перенастраивает феноменологию М. Мерло-Понти на восприятие украинской ночи.

Мне бы не хотелось произвести такое впечатление, будто я уличаю В.А. Подорогу в чем-то предосудительном: например, будто я пытаюсь восстановить какие-то частные литературоведческие или философские контексты, реши-

тельно вытесненные автором «Мимезиса». Нет, мне представляется, что в самом этом жесте вытеснения сказывается едва ли не самый существенный жест философского языка В.А. Подороги, который в этом отношении воспроизводит классический ход собственно философа, которому необходимо начать с белого листа, начать мыслить так, будто до тебя вообще никто не мыслил, выйти из пространства авторов и авторитета в пространство опыта, отправления свободы мысли.

Действительно, в самом начале рассуждения о методе «аналитической антропологии», которым открывается 1 том «Мимесиса», В.А. Подорога непроизвольно повторят один сугубо философский, чисто институциональный жест – речь идет о своеобразной попытке философского самоотречения, об опыте самоотрицания, каком-то то ли безотчетном, то ли миметическом стремлении начать с белого листа, а для того перечеркнуть такой жирной чертой все, что было прежде, развеять все прежние заблуждения, в том числе и собственные.

Словом, подобно тому, как Декарт начинает «Рассуждение о методе» с наброска автобиографического романа («Я с детства был вскормлен науками…» [7, с. 252]), посредством которого переводит «философию философов» в стихию субъективного опыта («Я мыслю…»), так и В. А. Подорога начинает первый том своих картезианских размышлений о русской литературе с трогательного рассказа о неудовлетворенности своей прежней работой:

«…Результатами я был не удовлетворен. В таком состоянии проект находился лет десять. Потребовалось более углубленное изучение материала, но завершение проекта все откладывалось. Только к концу 90-х годов сформировался исследовательский горизонт и определилась задача: на материале одной из ведущих традиций русской литературы XIX-XX веков (Н. Гоголь, Ф. Достоевский, А. Платонов, А. Белый, Д. Хармс и А. Введенский), которую я определяю как *другую* или экспериментальную, отделяя от так называемой «придворно-дворянской» или «классицистской» литературы, литературы *образца*, проследить становление идеи *произведения* (литературного)» [8, с. 9].

Думается, что этот пассаж крайне симптоматичен, он прямо указывает на конфликт, или на борьбу, двух языков, которая, с моей точки зрения, составляют скрытую движущую силу монументального труда русского философа. В самом деле, начиная свой труд с эмоционального рассказа о своих предшествующих неудачах, философ вовлекает нас в пространство опыта субъективности: говоря «я», он говорит с нами на «ты», он приглашает нас к путешествию в историю его философского пути, в ходе которого, как он *рассказывает*, ему пришлось столкнуться с этой необходимостью, препятствием, преградой, каковой в определенный период его философского становления стала для него русская литература.

Языки эти трудно различить, они почти не говорят по очереди, напротив, они друг друга перебивают, злятся, чуть ли не бесятся, во всяком случае стараются друг друга перекричать, создавая особый мощный гул этой книги, можно

было бы сказать ее пафос или, во всяком случае, ее настрой, тональность, по которой безошибочно угадывается слово философа, не мальчика, но вечного мужа самой философии.

Если сказать, что речь идет о языке философии и языке литературы, это будет слишком просто, слишком очевидно и слишком поверхностно; речь идет, как мне представляется, о более глубокой стихии, которая лишь частично схватывается институциональными или жанровыми различиями между литературой и философией, при том что последние, по словам М. Хайдеггера, «стоят на противоположных вершинах, но говорят одно и то же»[12, с.154]. Нет, дело идет, не о литературе и философии, не о языке философии и языке литературы, но об одном общем для этих творческих практик механизме, который, собственно и исследует В.А. Подорога предлагая *назвать* его «мимесисом». Строго говоря, этот механизм характерен не только для литературы и философии; это гораздо более универсальная категория творческого представления или предъявления реальности, точнее, двух видов реальности, один из которых формируется внутри человеческого бытия, тогда как другой находится тем или иным образом вне человека. В этом отношении дело идет о мимесисе как основном приеме представления соотношения между двумя видами реальности – внутренней, человеческой, психической или ментальной, и внешней, нечеловеческой, каковая может принимать различные формы, в зависимости от точки зрения и технического инструментария вовне смотрящего. Такова исходная концепция В.А. Подороги, которую он и предполагает утвердить в своих картезианских размышлениях о русской литературе.

Заметим по ходу дела, что это очень важное признание для современной русской философии, каковая, как полагает В.А. Подорога, не может обойти этого краеугольного камня преткновения в виде русской литературы. Это признание, в частности, в том, что вместо Маркса, Хайдеггера или Деррида в русских изводах, переводах или пересказах, русская философия призывается мыслить самое себя в стихии собственного языка, в частности, исходя из тех его форм, что сложились или отложились в русской литературе. Это – призыв мыслить, исходя из самого языка, а не кучи «идолов», наработанной и отработанной веком безъязычной русской философии, которая перебивалась либо пережевыванием вековых марксоподобных догм (русских призраков Маркса), либо перевариванием более изысканных, но все равно переводных философских яств. Можно даже сказать, что «Мимесис», будучи обращенным к русской литературе, притязает на утверждение возможности исключительно русской, непереводной и не переводящей философии. В этом язвящая сила бесподобной книги В.А. Подороги, в этом же мне видится доля уязвимости интеллектуальной позиции мыслителя, поскольку в глухом призыве мыслить исходя лишь из своего языка, из родной речи, доносится глухая угроза забвения «чужого слова», угроза глухого монологизма.

Cogito без первого лица

Аналогия с Декартом не исчерпывается элементом саморефлексии, включения мыслителя в аналитику бытия, каковая таким образом дополняется языком автобиографии, языком эгоцентричного слова, требующего той или иной фигуры «я» (понятно, что более академичная форма «мы» есть не что иное, как особая конфигурация «я»). В этом отношении важно понимать, что язык Подороги не обходится без языка cogito, хотя, точнее будет сказано, язык Подороги обходится с языком cogito весьма специфическим образом, дозволяемым нормами русского языка. Строго говоря, там, где можно обойтись без «я», мысль Подороги утверждается себя в стихии асубъективности, дозволяя мыслить самому языку, словно бы в отсутствие философа. Характерный пример:

Чуден мир Гоголя. Но это не чудесный мир, а именно *чудный.* Чудо – это такое явление, которое, несмотря на, что оно происходит в реальности, отменяет ее законы. Чудо – явление невозможного, в отличие от чудн*о*го, явления странного, поразительного, о-чужденного и все же реального. Чудн*о*е словно неудавшееся чудо, но не чудесное. Посмотрим, как у Гоголя…»[8, с. 154]

И далее идет прекрасный отрывок из «Страшной мести» с тремя повторами глагола *чудиться*:

И чудится пану Даниле, что в светлице блестит месяц…[8, с. 154]

Что же здесь происходит, что случается в таких пассажах с cogito? Очевидно, что в этих избранных местах, образующих своеобразную поэтическую стихию философского рассуждения, мысль Подороги словно бы мимикрирует, чуть ли не замирает в монументальности стиля, так или иначе имитирует почерк Гоголя, хотя бы на уровне словечек и их хитросплетений, и обращается если и не чистой воды литературой, то, по меньшей мере, особой манерой письма, модальность которого соответствует не столько «я мыслю», сколько «мне мыслится». Еще один пример: захватывающее описание картины «Явление Христа народу» в пандан к немой сцене из «Ревизора»:

На картине Иванова Иисус Христос дан в поступи, тем не менее, он скорее кажется идущим, чем действительно находится в движении. Более того, Он – событие, которое останавливает всякое движение, все застыло в ожидании, и все изменилось, раз Он уже здесь. Разрыв между передним планом картины – собрание выразительных персонажей-скульптур – и дальним очевиден. Фигура Христа как будто движется, на самом деле шествует, или только начинает, как тут же общее движение замедляется, и персонажи готовятся застыть в последних позах…Близость новой жизни, Спасение. Полная остановка движения. Времени. Занавес [8, с. 108].

Сталкиваясь с подобными пассажами, невозможно не порадоваться за великолепный русский язык современной русской философии, но невозможно также уклониться от того же самого вопроса: а как же тут обстоит дело с cogito? Ведь перед нами почти полстраницы текста без всякого я, без первого

лица. Не замирает ли в этом философском экфрасисе сама стихия мыслящего эго, передавая эстафету утверждения внесубъективному могуществу чистой и плавно льющейся речи, течению которой не препятствует ни один рефлексивный упор? Подчеркну, что в этих вопросах необходимо слышать не столько указание на чрезмерную «литературность» «Мимесиса», сколько напоминание того, что известного рода словесность является неотъемлемой, хотя и часто отвергаемой, проклинаемой долей философского опыта. Иначе говоря, если Декарт вплетает в свое «Рассуждение о методе» канву автобиографического романа, рассказывает свою историю опыта, краткой формулой которого стало пресловутое «я мыслю, следовательно, я существую», то Подорога, обращая свои картезианские размышления на опыт русской литературы, также не может не отдать дани самой словесности, что и сказывается замечательным образом в повествовательной ткани «Мимесиса».

Необходимо сознавать, что особая модальность философского письма в манере «мне мыслится» или даже «мне чудится» переводит начинание мыслителя в пространство крайне проблематичного утверждения: мне чудится, мог бы сказать Подорога, подобно пану Даниле из «Страшной мести», что в истории русской литературы было две ветви – одна великая и могучая, имперская с Пушкиным во главе, другая малая и окраинная, чуть ли не иноязычная в отношении первой, во всяком случае, абсолютно косноязычная, и полагающая свое косноязычие за силу и правду. Повторяю, делая упор на этой манере письма в стихии «мне мыслится» или «мне чудится», я ни в коей мере не ставлю под сомнение *правдоподобие* такой панорамы русской литературы. Тем не менее, необходимо понимать, за счет чего утверждается подобное видение: когда Подорога говорит, мне мыслится или мне чудится, что Гоголь был таким, каким я его рисую, он не столько пренебрегает какой-то филологической эмпирией, сколько утверждает свой способ мысли, в котором сознательно отдает должное незнанию или, что то же самое, предается сознательному забвению: для того, чтобы событие мысли имело место, необходимо отринуть «филологические контексты», которые, как неоднократно давал понять философ, убийственны для мысли. Но необходимо также сознавать, что в таким образом выстраиваемом событии мысли непременно остается некое «слепое пятно» незнания, образуются пустоты неведения, каковые, отнюдь не являясь результатом недосмотра, образуют само условие философии. Словом, когда Декарт говорит, «я мыслю, следовательно, я существую», его следует понимать и в том, среди прочих, смысле, что он вполне сознает, что ему случается не мыслить; с другой стороны, случается, что само существование чудится Декарту весьма сомнительным. То есть, мало того, что существование философа временами оказывается под знаком не ясной мысли, а темной грёзы – сама власть тьмы в существовании Декарта оказывается временами столь необоримой, что ему начинает чудиться, что он уже и не существует вовсе, отчего он и начинает твердить как заклинание: «Я мыслю, следовательно, я существую». Иначе гово-

ря, подобно Декарту, Подорога мог бы сказать: «я так мыслю русскую литературу, следовательно я существую», что, разумеется, не означает, что именно так существует русская литература.

Но и на этом аналогия с Декартом не завершается: подобно Декарту, который, утверждая свою мысль, намеренно пишет «Рассуждение о методе» на французском языке, а не на латыни, языке «философов», В.А. Подорога хочет мыслить строго по-русски, в стихии русского языка, без осмысления всего того, что в современном его состоянии навеяно иными языками, «чужим словом» вообще. Как это ни парадоксально, именно в этом интеллектуальном жесте он наследует традиции «классицистской» линии русской литературы, с которой думает, что борется. Другими словами, утверждая свою мысль через линию так называемой *малой* русской литературы, он воспроизводит в структуре желания мыслить-без-перевода имперскую интенцию великой и могучей русской литературы, которая всегда была столь всеотзывчива, столь всевосприимчива, что ей было заведомо по плечу любое чужое слово, вмиг становившееся «своим». В этом пункте мысль В.А. Подороги замечательно соответствует известной склонности русской культуры мысли принимать «чужое» за «свое», которую Достоевский в знаменитой речи о Пушкине определял как всевосприимчивость, но которая в отношении собственно «чужого слова» выражала тенденцию к экспроприации чуждости как таковой, безоглядному превращению чужого в свое (типологический пример – переводы того же Пушкина из Андре Шенье, который стал в русской культуре «своим в доску», потеряв французскую самобытность и величие). Замечу: это лишь одно из крайних преломлений самого философского жеста, схваченное на пределе его возможности; этой поверхностной имперскости философ В.А. Подорога счастливо избегает.

Тем не менее, угроза философского монолингвизма сопровождает мыслительное начинание В.А. Подороги в виде фигур многозначительного умолчания в отношении целого ряда концептов, которые он ничтоже сумняся *переводит* в арсенал своих рабочих понятий, орудуя ими как своими и не обращая внимания на их неискоренимую чужеродность, каковая в приложении к столь специфическому материалу, как родная речь становится если и не кричащей, то, по меньшей мере, необыкновенно наглядной. В сущности, не утруждая себя рассуждением о мере переводимости тех или иных философских понятий или даже ходов, разработанных в лоне иных языковых культур, в пространство своего мыслительного опыта, русский мыслитель все время рискует попасть в ловушку имперского монологизма. Другими словами, в мыслительном начинании В.А. Подороги определяющим оказывается некое архе-логическое допущение об переводимости всего во все, которое, с моей точки, зрения отличает как русскую литературу, по меньшей мере, в главенствующих ее традициях, так и русскую философию. Иначе говоря, русская мысль, за редчайшими исключениями, не воспринимала перевод в виде особой философской задачи, как это было, например, в романтической

Германии или новейшей Франции, где философия мыслила себя не иначе, как *философией перевода*, или такой диалектикой Своего и Чужого, где первый, по избежание угрозы пустопорожнего пережевывания Того же самого, старался выйти навстречу второму, заведомо настраивая себя на такое Гостеприимство в отношения Различия, в котором Чужой принимался в его Инаковости, избавлялся от свойского, фамильярного, запанибратского отношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.
2. Алпатов В.М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянских культур, 2005.
3. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-70-х годов// Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 6.: Языки славянских культур, 2002.
4. Беньямин В. Задача переводчика / Пер. с нем Евгения Павлова // Деррида Ж. Вокруг Вавилонских башен / Пер. с франц. и ком. В. Лапицкого. СПб: Академический проект, 2002.
5. Борхес Х.Л. Пьер Менар, автор «Дон Кихота» // Борхес Х.Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1984.
6. Гаспаров Б. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996.
7. Декарт Р. Рассуждение о методе /Пер. с франц. Г.Г. Слюсарева // Декарт Р. Сочинения в 2 т./Сост., ред., вступ. ст., В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
8. Подорога В.А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. М.: Культурная революция, 2006.
9. Русские писатели о переводе / Под ред. Ю.Д. Левина и А.В. Федорова. Ленинград: Советский писатель, 1960.
10. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1953.
11. Фокин С.Л. [Рецензия на книгу Н.С. Автономовой. Перевод и познание. Опыты философии языка. М, 2008.] // Романский коллегиум. Сборник междисциплинарных научных трудов. Выпуск 2. – СПб.: СПбГУЭФ, 2009.
12. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге/ Под. ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991.
13. Якобсон Р.. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978.
14. Benveniste E. Problèmes de linguistique générale, I. Paris : Gallimard,1966.
15. Derrida J. Monolinguisme de l’autre. Paris : Galilé, 1996.
16. Lacoue-Labarthe Ph. Traduction et histoire//La traduction-poésie à Antoine Berman. Paris : PUS, 1999.

НЕПОБИТЫЙ РЕКОРД И ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ К ЧЕМПИОНАМ

(реферат книги Stanislaw Andreski. Maxa Webera olsnienia i pomylki. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Имя Станислава Андрески почти ничего не говорит современному читателю русскоязычной литературы по философии и социальным наукам. Упоминания о нем можно встретить только в отдельных статьях при обсуждении частных проблем[1]. Такая ситуация противоречит реальному вкладу этого британского социолога польского происхождения в современное социальное знание и идейные дискуссии второй половины XX века. Цель данной публикации – частично устранить данный пробел.

О пользе книжного запоя, оккупации Германии и курения

Начну с обычной информации. Станислав Леонард Андрески (Анджеевски) родился 8 мая 1919 г. в Ченстохове. В 1937 г. закончил гимназию в Познани. В 1938 г. поступил на факультет права и экономики Познаньского университета. Участвовал в германско-польской войне 1939 г. Затем попал в советский плен. В 1940 г. через Венгрию перебрался на Запад. Воевал в 1 танковой дивизии Польских вооруженных сил на Западе. После второй мировой войны осел в Великобритании. Продолжил учебу в Лондонской школе экономики. В 1953 г. защитил диссертацию. С 1980 г. был профессором сравнительной социологии Польского университета в Лондоне. Преподавал также в ЮАР, Чили, Нигере, США и Канаде. Автор многих статей и книг, в том числе Military Organization and Society (1954), Parasitism and Subversion: The Case of Latin America (1966), The African Predicament: A Study in Pathology of Modernization (1968), Social Sciences as Sorsery (1972), Syphilis, Puritanism and Witch-Hunts: Historical Explanations in the Light of Medicine and Psychoanalysis with a Forecast about AIDS (1989) и др. Издатель сочинений Спенсера, Конта и Вебера. Книга

[1] Приведу здесь первые попавшиеся публикации, которые извлек из Интернета: Донде А. (Кустарев) Комментарий Макса Вебера к русской революции // *«Русский исторический журнал»(РГГУ) , 1998, № 1;* Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Перев. с англ. Анны Костиковой и Дмитрия Кралечкина. Предисловие СП. Капицы – М.: "Дом интеллектуальной книги", 2002; Воронков В. Этот безумный, безумный, безумный количественный мир // Неприкосновенный запас. 2004, № 3 (35) и др.

Max Weber's Insights and Errors впервые издана в 1984 г., копирайт принадлежит Станиславу Андрески.

Теперь личные воспоминания и мотивы, без которых данная публикация просто бы не появилась. Еще на школьной скамье я освоил польский язык в объеме чтения в оригинале романов Генрика Сенкевича и других польских писателей – классиков и современников. Книги, журналы и газеты на польском языке в советское время (правда, только те, которые издавались в Польской народной республике) свободно продавались в магазинах «Глобус». Кроме того, во время учебы в аспирантуре я подружился с польским аспирантом. На фоне интеллектуальных бесед мы лихо квасили в ростовских пивных. Спустя некоторое время приятель признался, что его выперли из Варшавского университета после известных мартовских событий 1968 г. Чтобы завершить образование, он вынужден был писать открытое покаянное письмо в официальную газету Польской объединенной рабочей партии. Видимо, для окончательного исправления его послали в аспирантуру провинциального университета СССР.

Но он относился к сократическому типу философа – на фоне блестящей эрудиции писать не мог. Даже диссертацию не состряпал… Так что покаяние не состоялось! Правда, во время работы в вузах Польши и, как говорится, изучения вопроса «изнутри» я убедился, что в советские вузы обычно стремились самые бездарные студенты. По пьяному делу я даже в лоб сказал это одному из них. Чуть было не состоялась драка. Зато na kacu (т.е. при утреннем похмелье) он признал мою правоту. Короче говоря, проблема уровня бездарности студентов и аспирантов из бывших социалистических стран, получивших ученые степени в СССР, требует дополнительного изучения. В том числе сопоставления меры бездарности советских слушателей высших партийных школ и академий общественных наук со своими братьями по классу из стран советского блока.

Так или иначе, польский друг регулярно снабжал меня литературой по разным отраслям знания. Среди прочего я прочел сборник «Czy kryzys socjologii?», вышедший в Польше в 1977 г. В нем были опубликованы свежие работы Ю.Хабермаса, Р.Зимана, Э.Гоулднера, Р.Мертона и других известных социологов. В том числе отрывок из книги Станислава Андрески «Социальные науки как волшебство: дымная заслона жаргона»[2]. Текст этот мне понравился с первого раза – в нем излагались идеи, которые я развивал своим друзьям еще со школы.

Мой личный житейский опыт складывался так, что с четырех лет я запоем читал. С первого класса записался в библиотеки школы, кирпичного и фарфорового заводов, рабочкома на вокзале (отец был железнодорожником), дома пионеров. Мама не раз меня лупила – я постоянно приходил домой поздно вечером, после обхода библиотек. И однажды она сказала: «Ты думаешь, в книгах все правда, а там ее пять процентов, остальное брехня!» Короче говоря, для

[2] Сравнительно свежее польское издание книги звучит еще более провокационно: «Черная магия в социальных науках». См.: Andreski Stanisław. Czarnoksięstwo w naukach społecznych. Warszawa, Oficyna Naukowa. 2002

противодействия советскому книжному яду мама влила мне противоядие. Побудила искать в книгах только правду. А значит – критически относиться к писанному слову.

В последних классах школы я провел немало споров со своими одноклассниками, которые отвергали мою идею: можно устоять перед тотальной ложью со стороны советского режима. Короче говоря, еще до поступления на философский факультет я поставил перед собой цель – не поддаваться советской системе идеологического оболванивания и топтать свою дорогу. От Станислава Андрески я получил неожиданную поддержку, уже после того, как выработал свою систему противодействия всеобщему оболваниванию населения (о ней сейчас речи нет). В отрывке, о котором идет речь, он показал, что социальные науки Запада тоже содержат громадное количество лжи и недоказанных утверждений. Эта общая идея была проиллюстрирована на примере теорий модернизации, теории социальных систем Талкотта Парсонса и вообще системного жаргона в отношении социальных объектов. Старший англо-польский коллега помог мне убедиться в том, что личный опыт критического отношения к писанному и устному слову является интернациональным.

Правда, никакой новизны и оригинальности в моем опыте не было. У Иосифа Бродского можно узнать, что на определенном этапе их становления чтение литературы на польском языке сыграло немаловажную роль в отрыве от официоза. И даже детальное освоение текстов классиков тоже способствовало дистанции от официальной политики и идеологии. Например, для реконструкции марксистской теории бюрократии (как элемента общей теории эксплуатации) и применения ее к анализу советского общества и государства я прочел все второе советское собрание сочинений Маркса-Энгельса, а Ленина даже дважды (на это дело у меня ушло десять лет). В результате я написал несколько книг по проблеме бюрократии в сочинениях К.Маркса-Ф.Энгельса, В.И.Ленина, и применил выводы для описания влияния бюрократии на советский политический режим до и после Сталина. Эти книги до сих пор цитируются в научной литературе. Однако ни прошлые командиры КПСС, ни современные деятели из контор типа российских компартий и «Единой России» почему-то их игнорируют. Теперь они ссылаются на Макса Вебера[3].

Но Вебером я тоже занимаюсь давно. Два года (1977-1979) переводил его работы. Тогда Интернета не было, я заказывал в ИНИОН РАН фотокопии первого (посмертного) собрания сочинений Макса Вебера. И на коммунальной кухне, с помощью фотоувеличителя читал его тексты. Затем написал книгу. Но почему-то местный Обллит ее не пропустил, хотя написана она была с последовательно марксовых позиций. Тогда я засунул машинопись в стол и написал две книги по Марксу и Ленину. Книгу о Вебере удалось опубликовать восемь лет спустя после создания.

[3] См., например: Бюрократия // Большая актуальная политическая энциклопедия. Настольная книга современного политика. М., ЭКСМО, 2009, с.34-35

Короче говоря, художественную и научную литературу на польском языке я читаю почти полвека. Интерес к творчеству Станислава Андрески тоже возник не вчера. Во время работы в Польше я проштудировал его книгу «Озарения и ошибки Макса Вебера». Она тоже меня восхитила, поскольку укрепила в критическом отношении к основателям современного социального знания. Но есть и личный момент: я обнаружил общность нашей читательской психологии.

В предисловии Станислав Андрески пишет: Карл Мангейм сказал ему, что Макс Вебер – величайший мыслитель в сфере социологии, и потому невозможно быть компетентным социологом, не зная его работ. «Тогда я решил подучить немецкий язык, чтобы познакомиться с его сочинениями. И уже спустя непродолжительное время имел для этого прекрасную оказию – оказался в Германии в рядах британских оккупационных сил. Именно тогда после долгих поисков мне удалось выменять за продукты и сигареты все интересующие меня книги. А когда добыл «Хозяйство и общество» (1922 года издания), *я не мог спать от возбуждения* (курсив мой, В.М.). То была первая книжка на немецком языке, которую я прочел от корки до корки. В ожидании демобилизации я провел восемь месяцев со словарем в руке с целью ее невообразимо трудной расшифровки. Когда дошел до конца, я мог уже свободно читать любые немецкие тексты»[4].

Мне тоже с детства известно – до дрожи тела и кончиков пальцев – возбуждение от предвкушения радости чтения новой книги. Я называю этот феномен «гносеологическое чувство» – имеется в виду то, что обычно связано с радостью познания. Этот фрагмент по-человечески меня покорил. Я списался со Станиславом Андрески, который по возрасту принадлежал к поколению моих учителей. Послал ему свои работы и просил разрешения на перевод его книги «Озарения и ошибки Макса Вебера» на русский язык. В письме от 13 июля 1999 г. профессор, между прочим, писал: «Очень благодарю за письмо и рад тому, что моя книга Вам понравилась. Охотно согласен на ее перевод и издание на русском языке. К этому изданию я написал бы новое предисловие, поскольку некоторые высказывания Вебера (а также мои замечания) имеют особое применение к способу введения капитализма в России. Кроме того, я бы немного изменил несколько страниц текста»[5].

Но по семейным обстоятельствам я вынужден был вернуться в Россию, и сообщил об этом Господину Профессору. В письме от 7 июня 2000 г. он писал: «Я был намерен пригласить Вас читать лекции в Польском университете в Лондоне и на запланированный мною симпозиум. Однако на место ректора (которое до сих пор занимали ученые) пришел человек без квалификации. Он не хочет расходовать деньги на встречи, которые не приносят прибыли. В результате симпозиум не состоится. Но я надеюсь с Вами когда-либо встретиться»[6].

---

[4] Andreski Stanislaw. Maxa Webera olsnienia I pomylki. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 1992, s.11-12

[5] Письмо С.Андрески В.П.Макаренко от 13.07.1999. Мой архив.

[6] Письмо С.Андрески В.П.Макаренко от 7.06.2000. Мой архив.

Надежда рухнула. После 2000 года я окончательно осел в Ростове-на-Дону, а в 2007 г. Станислав Андрески умер. Данной публикацией я хотел бы выполнить часть взятого на себя обещания.

Как оценивать теорию Макса Вебера?

Сверхзадача профессора Андрески – оценка концепции Вебера в целом. Вебер всегда подчеркивал значение сравнительного анализа исторического материала. Поэтому Андрески считает, что сравнительная история – главный метод создания любой социальной теории для объяснения социальных процессов. Однако история социального знания XX в. показала: такой подход связан с большими трудностями и потому не привлекает большинства исследователей. В социальном знании XX в. выдвигались либо общие социологические концепции либо развивались эмпирические исследования на базе позитивистского толкования социальных фактов. Сравнительный анализ требует соединения аналитических способностей с накоплением громадного количества конкретных исторических данных. Причем, их объем никогда не может быть установлен строго и окончательно. «Создание школы на основе таких требований, – отмечает Станислав Андрески, – было бы не менее трудно, нежели основание спортивного клуба, в члены которого принимаются только спортсмены с результатами, близкими к рекорду мира»[7]. Подавляющее большинство членов научного сообщества не ставят себе такой задачи.

Как же добиться такого результата? Если иметь в виду исследовательскую практику Вебера, то как общие социологические теории, так и теории всех социально-исторических форм и типов могут строиться на основе следующих познавательных процедур: сравнительные исторические исследования «структурной» (в смысле школы «Анналов»), а не «событийной» истории; типологические социологические и экономические исследования описательного характера; исследования в сфере философии и общей методологии социальных наук; исторические исследования цивилизаций на основе сравнительного метода; сравнительно-морфологические исследования форм и типов общества; анализ процессов, причин и следствий всех социальных явлений, а не только форм и типов; наконец, все комментарии текущих событий должны быть результатом применения ранее указанных процедур, а не высказываниями социального теоретика с позиции обычного небокоптителя, частного лица, члена той или иной социальной группы, гражданина того или иного государства и т.д.

Можно ли во всем социальном знании XX в. (т.е. во всей совокупности сложившихся на протяжении этого периода школ и направлений социальной мысли) указать такую концепцию, в которой бы соблюдались указанные методологические процедуры? Таких концепций не существует. Все указанные познавательные процедуры развивались более или менее изолированно. Синтез до

[7] Andreski St. Maxa Webera olsnienia I pomylki. Warszawa, Wydawnictwo naukowe PWN, 1992, s.19

сих пор не достигнут, да и вряд-ли когда-нибудь это произойдет. Правда, есть исключение из правил.

С.Андрески имеет в виду школу «Анналов» и сформулированную в ее рамках идею о возможности синтеза всех социальных знаний на основе определенной историографической концепции, в которой выделяются: история длительных временных протяженностей («длинных волн»), которая описывает все аспекты отношения между человеком и природой; история социальных структур (от экономики до культуры) и конъюнктур (специфической пространственно-временной комбинации указанных структур); история событий. Однако школа «Анналов» осталась исключением в социальном знании XX в. Следовательно, «рекорд» Вебера еще не побит, а его исследовательская программа осталась нереализованной. **Для оценки данной программы требуется критика всех составных частей веберовских исследований.**

Такова главная цель книги, которая распадается на ряд конкретных задач: 1. Предварительные замечания. 2. Философия социальных наук. 3. Главные идеи. 4. Систематическая сравнительная социология. 5. Историческая сравнительная социология: объяснение генезиса капитализма.

Здесь я рассмотрю только те элементы, которые имеют непосредственное отношение к главным ошибкам Вебера.

В прелиминариях Станислав Андрески констатирует: немецкие профессора в качестве государственных чиновников проявляли множество свойств типичных бюрократических индивидов (например, сильная забота о собственном статусе); однако по сравнению с зарубежными коллегами они значительно меньше приписывали значение весу отдельных научных дисциплин. Этот фоне частично проясняет универсализм Вебера.

Вебер всю жизнь изучал политику, но вряд ли мог бы достичь успеха как партийный политик. Он выражал свои мнения слишком прямо, чтобы это могло нравиться всем. Единственное, чему можно научиться у Вебера в сфере практики – это жесткий и абсолютный (хотя не цинический) реализм при анализе любого вопроса.

В главе о философии социальных наук анализируются ключевые проблемы социального знания: отношение между объективностью и этической нейтральностью; процедура «понимающего описания»; категория социального действия и методологический индивидуализм; концепция идеальных типов.

При анализе *отношения между объективностью и этической нейтральностью* следует учитывать, что такое разграничение укоренено в человеческих отношениях[8]сохраняется до сих пор в социальном знании. К.Поппер развил эту идею Вебера и ввел критерий демаркации между суждениями о фактах и суждениями о ценностях. Однако попперовский принцип демаркации не выдерживает критики. Если этот принцип применить к методологической концепции

[8] «Не существует объективного доказательства, которое может обосновать ложность утверждения: «Нет оснований заботиться о будущих поколениях, поскольку они для нас еще ничего не сделали»». Op.cit., s.39

самого Поппера, то «…можно увидеть, что он не подлежит проверке. Ни Поппер, ни его ученики не задавались вопросом: каким образом данный принцип может быть подвергнут опровержению? На основании собственных критериев этот принцип не является научным»[9].

С.Андрески детально описывает *сходство* методологии К.Поппера и М.Вебера.

Поппер полагал, что изобрел принцип демаркации. Однако этот принцип невозможно ни вывести из философских и математических теорем, ни полагать самоочевидной и несомненной аксиомой. Значит, принцип демаркации относится к метафизике – комплексу понятий, которые не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты. По этой причине они не могут быть предметом теоретического рассмотрения. Правда, вышеприведенное определение метафизики есть разновидность дефиниции, к которой неприменимы критерии истины и лжи. Но возникает вопрос: почему мы согласны с таким подходом к дефиниции и не является ли он просто модой или странностью? Конвенциональная мудрость состоит в том, что ценность дефиниции считается зависимой от ее пользы. Предположим, что накопление общих утверждений (или научных открытий, в языке Поппера) является целью, во имя которой принцип демаркации можно признать полезным. Но откуда об этом можно знать?

И все же можно согласиться с Попперовским принципом демаркации. История научных открытий показывает, что они обычно совершались теми, кто интуитивно соблюдал принцип демаркации задолго до его формулировки. Те, кто высказывал суждения, не поддающиеся проверке на основании наблюдения, никакого вклада в науку не внесли. Следовательно, общая идея принципа демаркации не является новой. Задолго до Поппера было известно, что тезисы, которые не могут быть проверены, не способствуют развитию науки. В сочинениях Френсиса Бекона содержится эта идея, когда он обсуждает вопрос о роли наблюдения и эксперимента в научном знании. Поппер придал этой идее только надлежащую формулировку. Этот вклад заслуживает признания, но не является новым. Как известно, чистая философия пытается ответить на вопрос: откуда мы знаем, что знаем? В этой сфере сказать что-либо новое крайне трудно.

То же самое можно сказать о гипотетико-дедуктивном методе (далее ГДМ). Поппер и его последователи не пытались обратить этот метод на самое себя. Если эту процедуру рассматривать как эмпирическую генерализацию, описывающую способ поведения тех, кому она неизвестна, то в этом случае можно опереться только на простую индукцию – исследование истории науки с точки зрения *соответствия* между действительными способами совершения научных открытий и ГДМ. Однако Имре Лакатос показал, что такого соответствия не было даже в физике. Еще больше это относится к социальным наукам.

[9] Op.cit., s.39

Если рассматривать ГДМ как методологическую директиву, остается неясно, почему мы должны ее соблюдать. И верить Попперу, что только этот метод позволяет совершать научные открытия. Ни принцип демаркации, ни ГДМ не могут быть выведены ни из каких аксиом и теорем математики и логики. Это – принятый на веру эмпирический рецепт. Правда, данную веру можно обосновать индуктивными генерализациями опыта истории науки. Этот опыт частично подтверждает взгляды Поппера. Отсюда следует, что смысл ГДМ сводится к давно известному положению: процесс развития науки требует постоянного устранения логических противоречий.

Короче говоря, Поппер сформулировал такие правила, которые относятся только к части научных открытий, а не к истории науки в целом.

Не менее значимый недостаток его концепции – обоснование антииндукционизма на базе весьма «импрессионистских» обобщений из истории науки. В «Логике научного открытия» он доказывает, что никакой такой логики не существует. В лучшем случае есть логика фальсификации. К тому же на раннем этапе творчества Поппер полагал, что теория эволюции не является научной, поскольку ее невозможно проверить путем строгого применения ГДМ. Этот вывод Поппера использовали обскуранты, заинтересованные в дискредитации теории эволюции во имя религиозного фундаментализма и вульгарного антирационалистического марксизма. Позже Поппер согласился с квалификацией теории эволюции как науки.

Но даже мягкая версия ГДМ не может использоваться в социальных науках, поскольку с точки зрения критериев ее применимости такие науки не существуют. И потому наследие Вебера и других основателей социального знания XX в. не имеют никакой ценности.

Конечно, социальные науки содержат громадное количество лжи и злоупотреблений. Но отсюда не следует, что все творчество выдающегося ученого является просто мусором. А труды Вебера значат для науки не больше «Что делать?» Ленина и «Main Kampf» Гитлера.

Науку можно определять по-разному, а ее названия различны в конкретных языках. Поэтому нужно так определить науку, чтобы отделить систематические исследования по объяснению причинно-следственных связей и закономерностей социального мира от анекдотов, деклараций и пропаганды. В этимологии слова «наука» не содержится ничего такого, что заставляло бы нас ограничить это название только исследованиями, представляющими наивысшую степень точности.

Парадигму ГДМ и принцип демаркации можно использовать в социальных науках при условии: они не являются абсолютными правилами, а идеями, которыми надо руководствоваться в научном исследовании, никогда их полностью не достигая. Отсюда вытекает, что опровержение того или иного положения (суждения) может быть настолько же *неопределенным*, как и его подтверждение на основе индукции.

В социальных науках эта директива может быть использована на низшем уровне методологической строгости. Однако требование решительного отбрасывания утверждения на основании одного (или нескольких) отрицательных примеров привело бы нас к отказу от любых объяснений в пользу совершенного незнания.

Психологические объяснения относятся только к поведению индивидов. Исторические объяснения трудно сравнивать, поскольку (в отличие от психологических объяснений) они относятся к неповторимым обстоятельствам, и потому их трудно верифицировать. В данном случае принцип демаркации можно использовать для отбрасывания всех теорий, которые невозможно поставить под сомнение на основании фактов. Это относится ко всем веберовским теориям из сферы сравнительной социологии (социологии права, социологии религии, социологии господства, бюрократии, харизмы, феодализма, патримониализма, в некоторым теориям из сферы исторической сравнительной социологии (объяснение генезиса капитализма).

Веберовский постулат «свободы от ценностей» можно использовать как принцип демаркации, но не как рекомендация цинизма или пассивности в социальных науках. Принятие этого постулата способствует прогрессу знания. Правда, история социальных наук обеспечивает весьма скромными обобщениями относительно эффективности различных исследовательских методов. В то же время прогресс знания в социальных науках происходил главным образом за счет накопления информации о фактах и общих понятий, которые удовлетворяли требованиям постулата «свободы от ценностей». Этот постулат позволяет провести границу между сведениями о фактах и понятиях – и декларациями и догматическими суждениями о человеческих делах, вытекающих из желаний и страстей.

В социальных науках обоснованность утверждений зависит от того, можно ли их содержание проверить публично. Причем, оно должно быть свободно не только от ценностей, но и от любой практической пользы (и ориентации на нее). Чувства того, кто высказывает и формулирует утверждения, не имеют значения и не подлежат публичному анализу.

Вебер рассматривал «свободу от ценностей» как существенный элемент объективности. Однако его понимание «объективности» не является строгим и включает два смысла: объективность есть свойство знания; объективность есть позиция исследователя. Во втором смысле «объективность» означает: волю и способность ученого предотвратить воздействие чувств и желаний (страстей) на ход его рассуждений; готовность ученого согласиться с неприятными для него выводами, вытекающими из исследований, и отбрасывающими искушения формулировать такие выводы, которые соответствуют его желаниям; готовность ученого к проверке своих концепций на основе эмпирических данных и критериев логики.

Такая позиция имеет смысл лишь тогда, когда мы исходим из постулата о достижимости объективного знания. Этот постулат предполагает согласие с критериями «истины» и «лжи», без которых понятия «проверки» и «доказательства» теряют всякий смысл. Объективность – это атрибут всех научных суждений, если их можно проверить на основании общедоступных наблюдений.

Вебер был убежден, что в социальных науках объективность возможна и достижима в обоих смыслах. Проблема в следующем: можно ли полагать, что мировое научное сообщество и научные сообщества всех стран руководствуются указанными мотивами поведения? На этот вопрос невозможно дать однозначно положительный ответ.

Следующая ошибка Вебера – изобретение термина «понимающая социология». Это выражение уже давно сбивает с толку целые поколения исследователей, вошло в словари, распространено в социальных науках. Почему же данное понятие является претенциозным и излишним?

Если цель социологии – понимание способа функционирования общества, то снабжение социологии ярлыком «понимающая» тождественно выражению «масло масляное». Что же имел в виду Вебер, когда пользовался выражением «понимающая социология»? Вебер был великим мыслителем. Значит, его цель не заключалась в эпатировании читателя обычным пустословием. Это выражение можно понимать в том смысле, что собственную социологию он квалифицировал как «понимающую». Однако во всех текстах Вебера невозможно обнаружить такое утверждение. Главное содержание сочинений Вебера – стремление обнаружить фундаментальное различие между науками о природе и науками о культуре. Науки о природе «объясняют» действительность, а науки о культуре (в состав которых входит социология) претендуют на «понимание» социокультурной действительности. Тем самым выражение «понимающая социология» является обычным плеоназмом. Если при исследовании общества и культуры мы всегда стремимся «понять» действительность, то на каком основании полагать категорию «понимание» *определяющим признаком* только социологии и главным *критерием ее отличия* от других социогуманитарных дисциплин?

На этот фундаментальный вопрос Вебер ответа не дал. Крайне трудно ответить на вопрос: что понимается под «пониманием»? Следует учитывать, что при определении базисных категорий мышления невозможно избежать круга в доказательстве. Вебер не объяснил, что он понимал под «пониманием». Его определение различия между науками о природе и науками о культуре не дает возможности ответить на поставленный вопрос. В естественных науках объяснение – главная мера понимания мира. Общий смысл понимания принадлежит к фундаментальной философской проблеме: как мы можем знать, что мы знаем? когда мы говорим, что нечто «понимаем», что понимается под «пониманием»? Вебер не был чистым философом и не занимался анализом этих вопросов. Если не входить в специальное обсуждение проблемы отношения между

предметом и знаком (словом), то в социальных науках невозможно исключить слова, описывающие человеческие чувства, мысли, волю, действия, намерения. В любом случае понимание этого комплекса базируется на убеждении: существует *аналогия* между нашей психикой и психикой других людей. В результате мы приписываем другим людям те же самые мысли и чувства, которые испытывали в аналогичных обстоятельствах. Если под «пониманием» имеется в виду этот процесс, то никакой Америки здесь Вебер не открыл. Задолго до него в психологии, этике и эстетике существовала традиция именно такого толкования «понимания».

Кроме того, слова, которые описывают чувства, эмоции и мысли людей, невозможно выразить в языке, описывающем физические состояния. Правда, такая тенденция существовала в бихевиористской и материалистической психологии, но она благополучно скончалась. Само убеждение в том, что психика другого человека существует и аналогична нашей, является априорной аксиомой. Ее невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Человек может лишь «снаружи» (со стороны) воспринимать внешнее поведение людей. Тогда как приписывание «смысла» такому поведению может происходить путем *подстановки* самого себя на место другого. Однако такая подстановка не поддается эмпирической проверке. Сплошь и рядом можно обнаружить, что наши убеждения относительно чувств и мыслей других людей были ошибочны. Каким же образом можно узнать, что они хоть в отдельных случаях были истинными? Таким доказательством является просто существование общества, в котором люди постоянно заняты указанными процедурами аналогии и подстановки себя на место других. На основе указанных процедур возможно более или менее верное предвидение поведения других людей. Само это предвидение возможно во взаимодействии. Любой социальный порядок рухнет немедленно, едва люди потеряют возможность предвидеть поведение других людей. Здесь Вебер был прав.

Основные линии аргументации С.Андрески состоят в следующем.

Аргумент от нормального (сумасшедшего) человека. Существуют ли объективные критерии сумасшествия или же это только ярлык, которым обозначаются люди, чувствующие и мыслящие иначе по сравнению с большинством? Если согласиться со вторым вариантом ответа, то нет никакого различия между безумием, ересью и инновацией. Тогда принудительная госпитализация сумасшедших и заключение в психушки диссидентов и других сторонников реформ в СССР становится обоснованной. Но на основании этого же критерия нет различия между нашим непониманием шизофреников и непониманием иностранных языков или тех разделов знания (например, математики), которых мы никогда не изучали. Известно также, что обычаи крайне различаются по месту и времени. То, что в одной культуре рассматривается как норма, в другой может трактоваться как признак болезни. Так что провести различие между нормой и ее нарушением весьма трудно.

Однако существуют принципиальное *различие* между указанными способами понимания других людей. Иностранцы, иноверцы, еретики и математики понимают друг друга, взаимодействуют между собой и нередко проявляют больше солидарности, чем «нормальное» большинство. Тогда как способность взаимопонимания между сумасшедшими минимальна. Невозможно существование общества, которое состоит из сумасшедших. Неспособность взаимопонимания и взаимодействия – это объективный критерий, позволяющий отличать сумасшествие от «девиантного поведения» в виде преступления, проступка, оппозиции к существующей политической системе и стремления к революционному изменению всего существующего порядка вещей. Взаимопонимание характерно и для ситуации конфликта, при котором важно открыть цели, систему ценностей и знаний противника. На этом основании можно предвидеть его поведение.

Аргумент от *отношения между предметом и знаком*. В общем виде способность объяснения – главный критерий понимания в смысле обладания адекватным знанием о предмете. Однако если отложить в сторону вопрос об адекватности, то для выражения знания требуются разные знаковые системы. А индивиды должны их понимать, т.е. знать смысл каждого знака. Смысл (значение) – это связь между знаком и другими знаками, а также между знаками и предметами (явлениями, процессами). Понимание значения слова еще не означает, что субъект обладает адекватным знанием – способностью объяснения и предвидения явления или процесса, к которому относится данное слово. Например, мы можем понимать смысл слова «прилив» (знать, к чему оно относится), но ничего не знать о причинах прилива и их появлении или исчезновении.

Понимания (во всех указанных смыслах слова) недостаточно для определения социологии как науки о человеке, его отношениях и деятельности. Во всех указанных случаях понимание не выходит за пределы чувственных взаимосвязей между людьми и здравого рассудка. Наука не может ограничиться этими пределами и нуждается в определенном методе познания. Повседневное понимание человеческих действий базируется на рассуждениях, при которых используется категории «цели» и «средства». В исторических исследованиях тоже применяются указанные категории, но процедуры их использования значительно осложняются. И веберовский анализ специфики понимания в исторических науках на примере разбора битвы под Марафоном в этом отношении показателен.

Однако знание в категориях «цель-средства» является донаучным, поскольку оно не связано ни с какими теоретическими утверждениями о причинных связях. Такие утверждения обычно выходят за пределы знания, характерного для участников любого исторического события. Но формулировка и знание таких утверждений необходимо, если мы стремимся объяснить аккумулированные и ненамеренные последствия любых действий.

В своих сочинениях Вебер крайне беззаботно пользовался термином «понимающая социология», применяя при этом чувственно-эмоциональные и рассудочные процедуры описания человеческих действий и верований. Но он не ограничивался такими процедурами, когда стремился объяснить, каким образом сохраняются и изменяются социальные структуры и системы верований. При таких объяснениях он опирался на сравнительные исторические исследования и применял индуктивные доказательства. Следовательно, трактовка «понимания» как определяющей черты его метода свидетельствует о полном непонимании вклада Вебера в развитие науки.

Вебер нигде не утверждал, что социологические исследования могут ограничиться процедурой понимания. Однако он специально не занимался проблемой объяснения многозначности понятия «понимание». Тем самым он открыл шлагбаум перед такими интерпретациями данного понятия, которые ведут к отбрасыванию основных принципов научного метода и способствуют обычному обскурантизму и псевдонаучному паразитизму.

С.Андрески показывает, что по этому пути пошло целое направление социологического и антропологического анализа, связанное с именами П.Уинча, который опирался на работы Э.Эванс-Причард, А.Радклифф-Браун. Эта тенденция нашла завершение в современной этнометодологии и феноменологической социологии, социобиографии и тому подобных модных веяний. «Множество «ученых» из-под знака методологии, – пишет С.Андрески, – забросило любые серьезные исследования и убивает время на запись случайно услышанных банальных разговоров, которые ведут между собой придурки и пьяницы. И хотя Вебер не отвечает за это святотатство, его имя и понятие «понимания» используется для придания блеска и интеллектуальной серьезности скучнейшим и пустым разработкам»[10].

Таким образом, понятие «понимания» может относиться только к «сырью» социальных наук – словам, которые фиксируют индивидуальные действия, мысли и чувства. Это сырье можно предварительно обрабатывать на основе процедуры понимания, которая не применяется в науках о природе. Социальная наука начинается в момент выхода за пределы понимания и связана с открытием фактов, теорий и объяснений, которые не могут быть обнаружены без систематического накопления и верификации эмпирических данных и индуктивных доказательств.

Следующая ошибка, связанная с вкладом Вебера в науку, – квалификация его исследований как *первоосновы теории социального действия*. Эту традицию заложил Талкотт Парсонс и она получила широкое распространение. Однако такая интерпретация методологии Вебера не выдерживает критики по следующим основаниям:

Если исходить из того, что социология исследует социальную жизнь как цепь взаимосвязанных действий, то социальная структура и ее элементы (право,

[10] Op.cit., s.55

организация, обычаи, родство) является системой повторяющихся образцов человеческих взаимодействий. Вебер четко не сформулировал это положение. Однако его замечания о социальных действиях позволяют заключить, что они были направлены против всеобщей тенденции овеществления (отчуждения) социологических понятий.

Вебер не сформулировал теории социального действия ни в одном из возможных значений слова «теория». Они лишь предложил классификацию четырех категорий социального действия – эмоциональное, традиционное, целерациональное и ценностнорациональное. Но эта классификация *ничего не объясняет*, поскольку не позволяет открывать и формулировать общие суждения, в которых содержится истина о дескриптивных и прескриптивных свойствах исследуемых предметов. Указанная классификация ошибочна, поскольку не удовлетворяет требованиям логики: единый принцип деления; исчерпание всех возможных случаев выделенных классов предметов; строгое разделение выделенных классов.

Кроме того, выделение целерациональных и ценностнорациональных действий *бесполезно*, поскольку Вебер не объяснил, в чем различие между целью и ценностью. В философско-методологических рассуждениях он рассматривает понятия цели и ценности как эквивалентные. Следовательно, указанное деление можно отвергнуть. В этом случае цели и ценности могут трактоваться как одно и то же действие, которое базируется на правильных решениях (с точки зрения знания, которым обладает индивид) при выборе средств для достижения данной цели. Но тогда возникают вопросы: могут ли существовать такие действия, которые являются (или не являются) одновременно эмоциональными, традиционными и рациональными? Существуют ли типы действия, которые не помещаются ни в одну из указанных категорий?

Можно исходить из того, что выбор правильного способа достижения цели предполагает, что действие опирается на рациональное решение. Для такого выбора требуется, чтобы индивид осуществил следующие процедуры: детально проанализировал весь состав знания, которым он обладает; проанализировал все возможности и мог предвидеть следствия каждой из них; оценил приобретения и потери (расходы), связанные с любым действием. Так понятое действие является обдуманным, целенаправленным и рациональным.

Но целый ряд человеческих действий не помещается в рамки данного определения (например, действие шофера, когда он резко поворачивает руль, чтобы избежать столкновения; действия, базирующиеся на иллюзиях и т.д.). Во всех случаях можно выделить три разновидности действий: плановые действия, которые базируются на рациональных решениях; плановые действия, которые базируются на иррациональных решениях; неплановые и автоматические действия, которые служат человеческим целям.

Если под эмоциональным понимать действие, связанное с эмоцией, то оно не предполагает и не исключает рациональности. Если под рациональным по-

нимать действие, базирующееся на обдуманном решении, то импульсивное (спонтанное) действие не может быть рациональным. Если под рациональным понимать действие, успешное с точки зрения поставленной цели, то импульсивное (спонтанное) действие может быть рациональным или иррациональным в зависимости от обстоятельств. Все это позволяет отбросить веберовскую классификацию действий.

Далее. При выделении «традиционных» и «рациональных» действий Вебер имел в виду различия между трудом крестьянина и предпринимателя. Первый не способен, а второй способен на инновации. Но это не означает, что предприниматель поступает «рациональнее» крестьянина. Среда обитания и знания каждого из них не могут сравниваться на основании какого-то одного критерия. Есть множество современных профессий, которые признаются «традиционными» (от проституток, врачей и священников до политиков и идеологов). Значит, при разделении всех действий на «традиционные» и «рациональные» мы имеем дело со смешиванием двух проблем: неизменности образцов поведения; вопроса о том, требуют ли эти образцы размышления или нет. Но в современном обществе сфера шаблонов и стереотипов поведения во всех сферах возросла непомерно. Поэтому Веберовская и связанные с нею типологии (прежде всего множество теорий модернизации, базирующихся на посылке о различиях между «традицией» и «современностью»), *не годятся* для классификации социальных действий. Это относится к типологии в целом. Но если некоторым элементам типологии придать большую строгость (форму), то они вполне эвристичны.

Общая концепция социального действия может быть сведена к утверждению: социальное действие есть взаимодействие индивидов на базе взаимной коммуникации и взаимопонимания. Однако социальная жизнь может рассматриваться как комплекс исключений из этого правила (от нападения грабителя на прохожего до деятельности СМИ), при котором социальное действие принимает однонаправленный характер. Особое значение имеет тот факт, что Вебер подчеркивает необходимость определения социологических понятий. Это положение было доведено до крайности в онтологическом номинализме, согласно которому в социальном мире существуют только индивиды. Такая методологическая позиция базируется на недоказанных посылках, связанных с пониманием термина «существование».

Хотя Вебер не отрицал существование социальных групп, его способ мышления связан с *методологическим индивидуализмом*. Эта методология не предполагает суждений онтологического характера (о природе «действительности» или «бытия»). Но дело в том, что трудно (практически невозможно) избежать отчуждения (реификации) понятий, которые используются для обозначения коллективных действий. В результате общие понятия становятся крайне податливыми для пропаганды. Показательным примером может служить история понятий «капитализм», «социализм», «свобода», «демократия», «фашизм» и т.д. Люди обычно реагируют на них безрефлексивным одобрением или неодобре-

нием. И не размышляют о том, к каким действиям, кем и в каких обстоятельствах относятся данные действия.

Научное исследование общества предполагает тщательный анализ используемых понятий. Однако большинство представителей социальных наук в этом отношении проявляют полную беззаботность. Она влечет за собой уже значительно худшее следствие: сообщество гуманитариев создает большинство языковых шаблонов, которые затемняют и извращают их способ восприятия мира.

Вебер был прав, подчеркивая необходимость постоянного учета в мышлении единичных действий при использовании социологических понятий. В то же время он заложил основы методологического индивидуализма. В отличие от его последователей он не отрицал обоснованности методологического холизма как противоположной процедуры исследования. В общем виде холизм состоит в объяснении свойств индивида свойствами (или природой) группы. Обе позиции (холистическая и индивидуалистическая) имеют право на существование, поскольку в равной степени обоснованы. Здесь – *ядро дискуссии*.

Методологический индивидуализм аналогичен физикализму. Последний гласит, что любое знание может быть сведено к законам физики и суждениям о движении физических тел. «Сводимость» в данном случае означает «выводимость» из законов физики. И хотя существуют аргументы для того, чтобы усомниться в физикализме как онтологической доктрине, его обоснованность больше, чем обоснованность методологического индивидуализма: «Физикализм предлагает редуцировать утверждения о структурах высшего порядка к утверждениям об их элементарных частицах, свойства которых не зависят от того, являются ли они элементами указанных структур или не являются. Свойства атома кислорода остаются такими же независимо от того, соединится ли данный атом с водородом и образует воду, или с углем, образуя двуокись угля. Попутно следует заметить, что стремление «редукции» биологии к химии и физике (которое типично для большинства всех биологов, включая противников физикализма как философской доктрины) касается замены утверждений об органических процессах утверждениями о таких элементах, которые не подлежат изменению в результате факта: они вплетены в данные процессы. Следовательно, речь идет о строго химических элементах и их свойствах, таких как объем, движение, масса. Если бы биологи-механисты высказывались в пользу редукции утверждений об организмах к утверждениям о клетках, они бы попали в тот же порочный круг, что и сторонники методологического индивидуализма, поскольку свойства клетки зависят от природы организма, частью которого является данная клетка. Ни одна клетка сложного организма не может сохранить свои характерные свойства после отделения ее от остального организма. Редукция имеет смысл лишь тогда, когда изучаемые элементы сводятся к такому уровню, на котором они не меняются в зависимости от отношений с различными структурами, к которым принадлежит каждый из них»[11].

[11] Op.cit., s.62-63

По отношению к социальной жизни выбор между индивиуализмом и холизмом является *ложной дилеммой*. Ни один из этих подходов не может быть сведен к другому. Оба одинаково важны и необходимы. При исследовании групп надо учитывать установки индивидов и наоборот. Отсюда вытекает, что невозможно провести строгую границу между социологией и психологией. Ни одна из них не может доказать собственного преимущества перед другой: «То, чему можно научиться у Вебера по данному вопросу, сводится к утверждению: каждое понятие, относящееся к социальным (групповым) процессам и структурам, должно быть сконструировано таким образом, чтобы вопрос о его применимости к данной ситуации мог быть решен с помощью наблюдения (единичных) действий индивидов. Иначе говоря, каждое социологическое понятие должно обладать критериями собственной применимости, которые могут быть проверены путем наблюдения»[12].

Если учесть этот момент, то веберовское отношение к социологическим понятиям можно согласовать с дефиницией социальных фактов у Эмиля Дюркгейма. Последний определял факты в категориях принуждения, которое они оказывают на индивида. Все социальные действия, происходящие в больших масштабах, предстают перед индивидом как принудительные и неотвратимые. Но сама эта принудительность является не чем-то внешним, а результатом человеческих действий. Отдельный индивид подлежит коллективному принуждению со стороны всех других индивидов. Кумулированный эффект установок других людей ограничивает и принуждает других людей больше, чем тюремные стены.

Следующая ошибка Вебера – *категория идеальных типов*. Различие между идеальным и простым типом состоит в определенности объема (охвата), а не в степени абстрактности содержания идеального типа. В биологии типы относятся к конкретным объектам, но этот принцип не имеет применения в социальных науках. Концепция идеальных типов фиксирует тот факт, что социальные явления (по причине разнородности и изменчивости) могут анализироваться лишь в своих чистых формах, которые недоступны наблюдению. Вебер не первым обратил на это внимание. Самые продуктивные идеализации выступают в наиболее зрелых социальных науках. Например, в экономической теории примерами идеальных типов являются понятия «совершенной конкуренции» или «экономического равновесия».

У Вебера понятие идеальных типов включает два разных смысла: в «Протестантской этике» оно относится к конкретному культурно-историческому индивиду, локализованному в определенном пространстве и времени; в «Хозяйстве и обществе» идеальный тип выступает как общее понятие, которое определяется посредством его общих свойств. Примерами идеальных типов выступают рациональное поведение, чистый рынок, максимизация прибыли, биржа и т.д. В этом случае идеальный тип не связан с пространственно-временными ха-

[12] Ibid., s.63

рактеристиками и аналогичен понятиям физики (таким как «идеальный газ», «идеальный маятник», «математическая точка»).

Но если в состав одного понятия входят два противоположных смысла, то его надо отбросить или ограничить одним смыслом. Не требуется особых аргументов для доказательства продуктивности использования понятия идеальный тип в общем смысле. Но и в этом случае термины «чистый» и «совершенный» создают опасность контрабанды оценочных суждений под маской теоретических. В экономической теории примером может служить понятие «совершенная конкуренция», в социологии – «совершенной социальной мобильности». Во всех случаях слово «совершенный» не означает «желательный».

Следует отметить распространенность данной логической ошибки. «Например, – пишет С.Андрески, – некоторые социологи полагают, что совершенная социальная мобильность имеет место тогда, когда не существует никакой корреляции между социальным положением родителей и детей, и молчаливо считают (без всякого доказательства), что именно такая ситуация является наиболее желательной. Аналогичную ошибку совершают некоторые экономисты, полагая, что наиболее желательным является «совершенный рынок труда», – когда люди меняют место работы только на основе мотива увеличить свой заработок. При этом совершенно пренебрегаются связи, в которые люди обычно вплетены (семья, друзья, соседская община, присущая человеку потребность укоренения). Между тем именно мобильность, связанная с «совершенным рынком труда» влечет за собой рост преступности, психических заболеваний и разводов – т.е. явлений, борьба с которыми связана с большими социальными и экономическими расходами. Поэтому маловероятно, чтобы «совершенная мобильность» могла бы быть где бы то ни было оптимальной мобильностью даже с экономической точки зрения. То же самое можно сказать о «чистом рынке», т.е. таком, на котором индивиды руководствовались бы исключительно стремлением к прибыли, а другие мотивы действия и установки (щедрость, честность, сообразительность) совсем не имели бы значения. Существует множество «чистых» (хотя мало «совершенно конкурентных») рынков, но маловероятно, чтобы общество, в котором все социальные отношения подчинены механизмам рынка, может гарантировать счастье его членам»[13].

Так понятые идеальные типы являются эффективными средствами научного анализа, хотя в буквальном смысле никогда не существуют в действительности. Примерами могут служить понятия «тоталитаризм» и «либеральное государство».

Чистый тип тоталитаризма можно определить как систему, в которой правительство руководит всей жизнью всех членов народа. Такое определение вполне соответствует этимологии названия и позволяет избежать молчаливых посылок о наличии неких дополнительных случайных свойств тоталитаризма (типа террора или идеологии). При этом нетрудно найти доступный наблюде-

[13] Op.cit., s.66-67

нию показатель интересующего нас явления – степень толерантности правительства к существованию независимых от него организаций. Но на деле до сих пор еще не было государства, которое было бы тоталитарным на 100%, хотя в 1950 г. СССР был близок к такому идеалу. Даже Сталин не имел возможности контролировать частоту супружеских измен, онанизма, курения папирос, питья водки, появления бандитских и воровских групп и шаек и т.д.

То же самое можно сказать о либеральном государстве как чистом типе социальной системы, в которой правительство не издает никаких указаний, а существует как орнамент. При этом вся социальная жизнь регулируется добровольными соглашениями свободных союзов, а любое принуждение исключено. Герберт Спенсер предполагал, что именно такая социальная система образует конечную цель социальной эволюции. С этим были согласны Прудон и другие анархисты и синдикалисты, но они больше подчеркивали роль взаимопомощи и солидарности. К.Маркс и Ф.Энгельс тоже с этим были согласны, когда писали об отмирании государства. Но не надо особо доказывать, что такое условия социальной жизни никогда и нигде не существовали.

Проблема осложняется, если к идеальным типам как конкретно-историческим индивидам применить критерий эмпирической проверяемости. В развитых теоретических науках значение эмпирического описания оценивается в соответствии со степенью, в которой оно позволяет решать проблему истинности теории и ее утверждений. В науках эмпирических не существует критерия ценности описаний, а только критерий фактографической правильности. Социальные науки относятся к наукам второго вида. В них метод идеальных типов сводится к описанию идеала поведения индивида, распространенного в той или иной общности. Но этот идеал никогда и нигде не реализуется полностью. Короче говоря, из концепции идеальных типов *невозможно извлечь* никаких конкретных методологических указаний.

Станислав Андрески детально показывает, что большинство веберовских классификаций и дефиниций являются неточными и логически противоречивыми. Примерами могут служить его понятия рациональности, бюрократии и харизмы. Следующий недостаток – крайняя неравномерность внимания Вебера к вопросам дефиниции. Не менее важная ошибка – отсутствие указаний на то, трактуется ли то или иное явление как идеальный тип или нет. Его классификации не удовлетворяют фундаментальным принципам классификации, сформулированным Аристотелем. Наиболее яркий пример – Веберовская классификация типов власти и господства. Она не базируется на одном принципе деления, выделения класса, не анализируется раздельно и не исчерпывает множество явлений, подвергаемых классификации. «Веберовские типы господства, – отмечает Андрески, – не находятся в генетическом отношении друг к другу и не могут рассматриваться как стадии однонаправленной эволюции; они не имеют также ни логического, ни хронологического обоснования. Основанием их выделения является интуиция, что самом по себе не может рассматриваться как недоста-

ток, поскольку все новые идеи имеют начало в интуиции. Однако наука должна двигаться от интуиции к порядку и строгости. Поэтому классификация Вебера должна рассматриваться скорее как источник вдохновения и интеллектуальный вызов, а не как готовый научный продукт»[14].

Главные идеи Вебера состоят в анализе открытой причинной связи, формулировке положения о ненаправленной эволюции вместо предопределенного эволюционизма и понятии рациональности.

Проблема *открытой причинной связи*. Обычно полагают, что веберовские исследования о влиянии религии на экономику отрицают материалистическое понимание истории (МПИ). Однако этот шаблон снимает проблему причин экономических изменений. Именно при их анализе Вебер отбросил МПИ. Материалистическое понимание истории (включая политическую) опирается на определенные принципы истолкования мотивов человеческого действия. Речь идет об убеждении: борьба за материальные богатства полностью определяет политические союзы и конфликты. Однако такой вывод не подтверждается фактами: множество людей отдали жизнь во имя чести, патриотизма, государства и религии; индус умрет с голоду, но никогда не убъет священную корову. Эти факты подчеркивают силу убеждений.

Анализ данной проблемы в категориях идеи против интересов не является правильным, поскольку интересы являются также идеями (представления о себе, своих желаниях, способах их удовлетворения). Что же преобладает в мотивировке человеческих действий: эгоизм и собственные интересы или альтруизм и моральные принципы? На этот вопрос невозможно дать окончательный ответ. С этой точки зрения человеческое поведение дифференцированно. Любые априорные догматы на этот счет не имеют смысла, хотя некоторые обобщения на основе наблюдения можно сделать.

С.Андрески предлагает: конвенциональную историографию начала Х1Х в. (которая не занималась экономической проблематикой, включая проблему классовой структуры и конфликтов) признать тезисом; концепцию Маркса и Энгельса трактовать как антитезис; теорию Вебера признать зрелым синтезом. В этом синтезе Вебер уделял много внимания классовым неравенствам и конфликтам, но не приписывал им абсолютного первенства в историческом процессе. Однако задолго до Вебера той же самой проблемой занимались Д.Миллар, А.Токвиль. Значение Вебера заключается лишь в развитии индуктивных обобщений и объяснений.

Проблема эволюции. Развивается ли общество в определенном направлении? В социальном знании Х1Х в. при ответе на этот вопрос преобладал эволюционизм (постулирование аналогии между развитием организма и развитием общества) и органицизм. В органицизме как методологической концепции можно выделить две тенденции: индивидуалистическую, в которой органическое строение общества связывалось с либерализмом эпохи свободной конкуренции;

[14] Op.cit., s.74

коллективистскую, в которой органическое строение общества связывалось с существованием надындивидуальных форм общественной организации (семья, община, нация, государство). Обе тенденции существуют в настоящее время. Г.Спенсер сформулировал положение об универсальных принципах организации, охватывающих неорганический, органический и суперорганический (социальный) мир. Хотя эта идея временно была позабыта, во второй половине XX в. она опять ожила под именем общей теории систем. Вторая тенденция восходит к идеям Руссо, Токвиля, Дюркгейма, а во второй половине XX в. развивается в коммунитаризме.

Кроме того, большинство эволюционистов обычно концентрируются на религии и обществе как главных аспектах социальной жизни. Ряд цивилизационных концепций XX в. считает религию конституирующим элементом социального бытия и на этом основании предлагает ту или иную типологию цивилизаций.

Главный постулат эволюционизма можно определить как веру в прогресс. Эта вера базируется на убеждении: человечество подчиняется универсальным тенденциям развития, которые сложились в прошлом и настоящем и (возможно) будут выступать в будущем. На этом основании эволюция трактуется как процесс постепенных преобразований во всех сферах социальной жизни. Данные преобразования толкуются как необходимые и желательные. Поэтому вера в прогресс связана с оптимизмом.

Вебера нельзя считать эволюционистом, поскольку он не верил в прогресс и не был сторонником оптимизма как специфического мировоззрения. Он сформулировал прогноз о всеобщей бюрократизации по мере укрепления и распространения капитализма, но оценивал эту тенденцию отрицательно. Причем, сам капитализм он рассматривал как явление уникальное, а всю западную цивилизацию как отклонение от «нормального» состояния общества. Именно по этой причине он сосредоточил внимание на объяснении всего комплекса причин, которые не привели к развитию капитализма в других цивилизациях. Например, в отличие от В.Зомбарта Вебер уделял большое внимание феноменам, связанным с недостаточным развитием капитализма.

Итак, развитие европейской цивилизации можно рассматривать как уникальный прыжок в социальной эволюции. Ни один из прошлых и современных эволюционистов этот прыжок объяснить не смог. Объяснить последовательность форм религии и общества чрезвычайно трудно, поскольку первичные источники здесь были и будут предметом чистой спекуляции. В этом и состоит кардинальная ошибка эволюционистов и цивилизационных теорий. Вебер стремился объяснить данный прыжок с помощью понятия «рациональность».

Станислав Андрески показывает, что само понятие рациональности является самым слабым пунктом веберовской концепции (см.Приложение).

В целом понятие рациональности остается неясным и недоказанным утверждением. Поэтому не следует удивляться, что Вебер ограничился утверждения-

ми о рационализации, не приводя никаких доказательств. Еще более ошибочны веберовские понятия формальной и материальной рациональности, которые используются Вебером в систематической сравнительной социологии при обсуждении множества проблем.

Право. Заслуга Вебера – акцент на сложность взаимодействия права с другими элементами общества. Здесь его вклад сравним с синтезом в диалектике Гегеля: 1. Тезисом можно признать традиционное правоведение, которое до сих пор рассматривает право как нечто духовное или надчеловеческое. Причем, с точки зрения нормативной важности разных толкований, без проникновения в социальные эффекты права и попыток объяснить его внутренние изменения. 2. Антитезисом можно признать творчество Маркса-Энгельса. Они считали право чистым эпифеноменом – отражением экономических отношений, господствующих в данном обществе. 3. Под отрицательным влиянием Маркса-Энгельса синтез Вебера состоял в исследовании взаимодействия экономики и права без принятия любой монистической концепции.

Особенно существенным для социологии права Вебера был упор на экономические интересы юристов. Вебер считал ее замкнутой профессиональной группой, обладающей значительной властью и собственными интересами, а не дополнением класса капиталистов.

Вторая особенность его социологии права – признание значения формальных элементов. Все новые способы понимания и поведения должен был кто-то изобрести. Без изобретения понятия «ограниченной ответственности» не могло бы возникнуть акционерное общество – краеугольный камень современного капитализма. Но здесь мы находимся на зыбкой почве, переполненной контрфактическими вопросами. Невозможно узнать нечто об изобретениях, которые могли быть совершены и применены, но фактически не совершились. Можно доказать, что правовые понятия возникают в ответ на конкретную потребность, в отличие от понятий науки и техники. Правовые понятия более просты и потому менее ограничены внутренними связями.

Но и в социологии права главным виновником ошибок было слово «рациональность» и его производные – веберовское различие «формального» и «материального»: «Когда Вебер говорит о принятии решений, базирующихся на «формальных соображениях» как противостоящих «материальным соображениям», термин «формальный» можно заменить определением «который соответствует букве закона», а «материальный» – определением «который базируется на этических соображениях» типа «справедливости» или «равенства»»»[15]. Станислав Андрески полагает, что в результате роста законодательства, уменьшения морального консенсуса, увеличения сложности экономики и резких социальных изменений британская и американская правовые системы (не исключено, что и правовые системы других стран) стали на протяжении последних 30-ти лет ме-

[15] Op.cit., s.118-119

нее целостными (едиными), а результаты различных правовых действий более трудными для предвидения.

Согласно критериям Вебера во время сталинского террора конституция и другие законы СССР имели чисто фасадный характер, а во время Брежнева были более рациональными, чем в современных странах Запада. Нормы, регулирующие повседневную жизнь людей в СССР, поддерживались более последовательно, чем на Западе. Но главная цель данных норм состояла не в стимулировании, а в предотвращении развития капитализма.

В работах по исторической социологии Вебер высказал множество проницательных замечаний о факторах торможения процесса первоначального накопления, вытекающего из развития промышленности и торговли: грабительский деспотизм; связывающая по рукам и ногам бюрократия; основанная на грабеже и подчиненная демагогам демократия; религиозные ограничения деятельности, приносящей прибыль; инвестиции, взимание процента и использование конъюнктуры; обобществление собственности; ограничение методов производства. А в социологии права, введенный в заблуждение ошибочным понятием рациональности, попал в тупик логического круга.

Религия. В социологии религии Вебера тоже немало ошибочных утверждений. Вебер не учитывал, что магия была заменена наукой медленно и постепенно и пока еще далеко не очевидно, закончился ли этот процесс в медицине (особенно в психиатрии). Кроме того, крестьянские восстания обычно связаны с реформаторскими религиозными движениями, что совершенно упустил из виду Вебер[16]. Он считал источником науки христианские догматы, но совершенно не учел совпадение процесса распространения христианства с общим регрессом мысли. Наука начала развиваться только спустя тысячу лет после появления христианства, да и то лишь в тех точках времени и пространства, где позиция клира был значительно ослаблена.

Типы господства. Даже если пренебречь трудностью отделения права от обычая, веберовская типология господства содержит ошибку. Ее можно избежать, если «рациональное» (легальное) господство перевести как «административная власть». Это соответствует контексту, в котором употреблялось данное понятие у Вебера: он имел в виду власть, осуществляемую вне и внутри организованной административной иерархии. С учетом этого можно понять противоречие: в систематической социологии Вебер утверждал, что бюрократия является одной (если не единственной) из рациональных форм власти, тогда как в политических сочинениях посвятил много места критике ее глупости.

Бюрократия. В книге М.Олброу «Бюрократия», посвященной описанию истории понятия, показано, что веберовское понятие имеет исключительно пейоративный характер. Веберовское перечисление основных свойств бюрокра-

[16] Например, в Европе единственным восстанием бедняков, которое не было потоплено в крови, было восстание украинских казаков и крестьян под руководством Хмельницкого. Они избежали погрома со стороны польской шляхты потому, что подчинились Москве.

тии банально. А его характеристика бюрократии не соответствует идеальному типу, поскольку прекрасно относится ко всем гражданским и военным службам современных государств. Квалификация любой чиновничьей машины как бюрократии ошибочно, поскольку этот термин был изобретен и используется до сих пор для определения роста власти чиновников и различных недостатков в функционировании административных учреждений. Этот термин тоже отягчен политическими эмоциями.

С.Андрески предлагает четыре разных термина, связанные с понятием бюрократии: 1. Совокупность (множество) людей, исполняющих административные функции способом, описанным Вебером. 2. Сеть отношений, в которые они вовлечены. 3. Сфера власти, которой они располагают. 4. Различные нарушения деятельности административной машины.

В государстве с частной собственностью класс чиновников состоит из двух элементов: менеджеров и государственных чиновников. Если они сильны, их можно назвать бюрократами. С точки зрения этимологии термин должен использоваться для описания третьего значения, когда власть администрации сильнее любой другой власти группы лидеров и потому бюрократия доминирует в данном обществе. Например, после ликвидации «культа личности» советская бюрократия достигла совершенства при Брежневе, который поднялся на вершину власти как дисциплинированный чиновник.

Для четвертого значения Андрески предлагает термин «бюропатия» (сокращение от «бюрократическая патология»), описывает его свойства и соглашается с Аристотелем: любое правительство податливо на коррупцию и обычно оказывается плохим. По его мнению, сегодня стало ясно, что развитие бюрократии является одним из главных факторов социальных изменений. Но это не было очевидно в конце прошлого века, когда политические мыслители ожидали прогресса демократии и свободы, а не прогресса бюрократической власти. Прогноз Вебера о неизбежной бюрократизации социальной жизни – одно из лучших социологических предвидений всех времен. Особое значение имеет признание Вебером свободного частного предприятия главным фактором роста бюрократизации. Он полагал, что фабричная дисциплина исключает социализм.

Марксово предсказание о крушении буржуазии опиралось на «закон концентрации производства» – вполне удовлетворительную генерализацию и интеллектуальное достижение Маркса и Энгельса (хотя у них был предшественник Сисмонди). Однако предсказанного влияния концентрации производства на средний класс не произошло по двум причинам: промышленные корпорации создали возможность концентрации производства без одновременной концентрации собственности; произошло огромное разрастание административного персонала внутри частных фирм и государственной машины. Традиционный средний класс состоял из мелких купцов и независимых ремесленников. В XX веке он потерял значение и был замещен мощным классом бюрократов. Поэтому Вебер был прав в том, что капитализм и социализм неизбежно ведут к бюро-

кратизации. Одновременно он считал, что бюрократизация общества в конечном счете ослабит капитализм.

По мнению Андрески, бюрократия будущего (благодаря прогрессу науки и социальной адаптации) может быть более мягкой, чем во времена Вебера, и более склонной к манипуляции, нежели к выдаче приказов. Но тезис Вебера о неизбежной бюрократизации по-прежнему актуален.

Харизма – единственная идея, возникшая у Вебера под влиянием Ницше. Это понятие является чисто словесным изобретением. Именно по этой причине оно проникло в СМИ и повседневный язык. Стало субститутом понятий «честь», «престиж», «высокое положение», «авторитет». Как аналитический термин оно может использоваться только в узком смысле. Харизматический вождь притягивает к себе людей и добивается их послушания только путем убеждения или обращения в веру, а не получает власть на институционализованной основе. Основатели различных идеологических сообществ (групп) соответствуют данным критериям, если они не используют в своей деятельности аппарат насилия и взяток. Преобразование харизматического руководства может называться институционализацией, а не рутинизацией. Но Вебер не разделял ни традиционного (представление хода событий как случайного результата свободных решений великих людей), ни историцистского (сторонники теории предопределения, когда история изображается как реализация предустановленного хода событий) изображения истории.

Феодализм и патримониализм. Вебер разделял феодализм на ленный и должностной, между которыми находятся различные другие формы феодализма. Под патримониализмом он понимал такой тип государственного строя, при котором не существует никаких институциональных ограничений власти монарха, который рассматривает территорию и население государства как свою собственность и управляет страной при помощи личных слуг. Доинстриальные государства можно признать смесью элементов патримониализма, феодализма и бюрократии. Большую часть всеобщей истории можно рассматривать как процесс сосуществования и различных пропорциях указанных трех элементов.

Объяснение генезиса капитализма – главная тема исторической сравнительной социологии Вебера. Она включает:

Исторические исследования. Знание иных обществ и постоянная способность сравнения полезны при анализе конкретного общества, особенно при установлении причинных связей. Исследования Вебера не являются ни экономической, ни политической, ни военной историей, а действительной историей структур. Они показывают, как экономические изменения влияли на религию, инновации в военной технике влекли за собой преобразования социальной стратификации, разделение политической власти тормозило развитие капитализма и т.д. С точки зрения теоретических обобщений работы Вебера дают больше, чем труды Фрезера, Ратцеля, Шпенглера, Вестермарка и Тойнби. Его

анализ Китая и Индии находится вне конкуренции как холистический вариант социологического анализа.

Тезис о противоположности между *разбойничьим и производительным капитализмом.* Капитализм как главный предмет исследования сблизил Вебера с Марксом больше, чем с кем-либо из предшественников. Но у последнего много противоречий. С.Андрески описывает *общие ошибки Маркса и Вебера*.

Ни тот ни другой не писали ясно и точно, оставляя много места на домыслы о том, что они хотели сказать нам «на самом деле». Тексты Маркса переполнены противоречиями, поскольку он часто менял взгляды и постоянно колебался между ролью ученого и пропагандиста. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Энгельс проповедуют теорию однонаправленной и необходимой эволюции, а также технологический детерминизм, согласно которому феодализм был результатом изобретения водяного колеса, а капитализм – паровой мельницы. Однако нет оснований ожидать очередного технического изобретения, в результате которого возникнет социализм. Маркс-Энгельс сами противоречат своему экономическому детерминизму, поскольку предлагают вводить социализм с помощью политических средств. В научных трудах они тоже часто ссылаются на свои примитивные телеологические объяснения, соответствующие догмату о неизбежной однонаправленной эволюции[17].

Не подлежит сомнению, что процессы, которые Маркс называл «первичным накоплением», действительно существовали. Однако автор «Капитала» неправ, когда говорит о последствиях данных процессов. Здесь он совершает ошибку, которая состоит в объяснении чего-то специфичного (способа производства, возникшего впервые в Великобритании) на основе всеобщего – накопления богатства, основанного на насилии. Конечно, судьбы рабочих в период промышленной революции были печальными, но не хуже судеб бедноты во всех доиндустриальных обществах. Римские рабы на галерах, русские бурлаки на Волге, китайские рикши, индийские кули, перуанские шахтеры, добывающие золото и серебро для испанцев, жили не лучше рабочих Ланкашира. Если бы первичное накопление было решающим фактором, то промышленная революция произошла бы уже в Древнем Риме и даже Египте. А если бы по каким либо причинам она должны была запоздать до Нового времени, то появилась бы не Англии, а в Испании, переполненной награбленным в Северной и Южной

[17] Например, английскую революцию они признают необходимостью развития капитализма, который, в свою очередь, будто бы был неизбежной исторической необходимостью. (Такое «объяснение» повторяется даже в новейшей литературе, хотя бы в трудах известного оксфордского историка Кристофера Хилла). Определенные части «Капитала» и «Экономических рукописей», а также анализ так называемого «азиатского способа производства» содержат рассуждения относительно причин и условий появления капитализма. По мнению Маркса, одним из таких условий было появление класса рабочих, которые не обладали средствами производства, а продавали только рабочую силу. Этот класс сформировался главным образом в результате экспроприации земли у крестьян. Другим условием было появление класса людей, которые имели достаточно денег для покупки чужого труда. Это стало возможным в результате так называемого «первичного накопления капитала», источники которого – земельная рента, грабительская торговля, территориальные захваты, грабеж золота и серебра в Америке.

Америке золотом и серебром. Именно Макс Вебер строго обосновал этот вывод.

Здесь мы наталкиваемся на одно из озарений Вебера – его идея о различии между «рациональным» (т.е. промышленным) и «иррациональным» (разбойничьим, ростовщическим, политическим) связана с положением: именно второй тип капитализма был всеобщим (даже естественным). Тогда как первый был исключением, требующим особого объяснения. Иначе говоря, чтобы объяснить появление промышленного («рационального» и «современного» в языке Вебера) капитализма, надо открыть факторы, которые склонили денежных людей прежде всего к бережливости (а не к престижному стилю жизни), а затем к инвестированию в производство, а не потребление благ[18].

Вебер был прав: феномен первичного накопления ничего не объясняет. Не менее показателен тот факт, что промышленный капитализм нигде не развился скорее, чем в США. То была страна независимых мелких собственников-фермеров. Она была свободнее всех от крупной земельной собственности, а также от других форм первичного накопления. Показательно, что Юг США (где значительное первичное накопление выступало в форме рабства) не сыграл никакой роли в этом развитии. В царской России, Южной Италии и Латинской Америке средства, накопленные в результате интенсивного первичного накопления, были паразитически растрачены. В Англии накануне промышленной революции тоже существовало престижное потребление. Богатство (доходы от пиратства, торговли рабами, грабежа Индии, монопольной королевской торговли) предназначалось для содержания больших имений и роскошной жизни королевского двора. Новые методы производства финансировались из небольшой прибылью и сбережений мелких производителей. Их трудно назвать капиталистами, хотя такой ярлык вполне соответствует множеству их наследников, которые жили во времена создания Марксом своих работ.

Под сильным влиянием Маркса Вебер пользовался словом «капитализм», хотя здесь более подходит термин «индустриализм», введенный Сен-Симоном. Маркс жил полвека спустя после Сен-Симона. Но не учел двух факторов, которые Сен-Симон считал решающими для современности: научные исследованийя; организацию. С этой точки зрения взгляды Маркса соответствовали отношениям, господствующим во Франции во времена «старого порядка», в Пруссии периода его молодости, но никоим образом не Англии, в которой он жил. Если лишить теорию труда как источника стоимости и понятие прибавочной стоимости эзотеричной многозначности, они сводятся к утверждению: только работники физического труда действительно что-то производят, тогда как руководители предприятий не имеют в производстве никакого участия и потому не заслуживают на участие в результатах производства.

[18] Любимым примером политического (разбойничьего) капитализма для Вебера были римские налогосборщики, которые не только ни в малейшей степени не способствовали развитию производства, но разрушали целые провинции в результате налогового грабежа.

Иначе говоря, разделение на производительные и управляющие классы – общее свойство доиндустриальных обществ. И только в промышленной цивилизации впервые в истории привилегированные классы стали большинством. Они активно участвуют в производстве, но главным образом в организации и руководстве процессом производства. Постоянный рост значения в процессе производства роли организаторских, руководящих и изобретательских функций по сравнению с чисто физическим трудом – исключительное свойство промышленной цивилизации. Сегодня это известно хорошо. Но достижение Сен-Симона было большим, поскольку он разглядел это свойство в начале X1X в.

Хотя Вебер не сформулировал этот пункт ясно, а Сен-Симон упоминает о нем только однажды, Веберовский тезис о влиянии протестантизма движется именно в этом направлении. Он стремился объяснить связь между богатством и участием в производстве, отсутствующую в другие эпохи. Во всех цивилизациях работают обычно бедные. Почему же богатые страстно бросаются в мир труда? Почему Карнеги, Форд, Рокфеллер, Эдисон и множество других предпринимателей и изобретателей постоянно напрягались, хотя вполне могли вести жизнь сибарита? Возможно, они были чудаками. Но эксцентричность отдельных индивидов не в состоянии объяснить массовое появление миллионов предпринимателей, не нуждающихся в работе ради удобной жизни, но постоянно работающих и бережливых. Ссылка на жадность ничего не объясняет, поскольку не дает ответа на вопрос: почему в одних временах и странах люди более жадны к прибыли, чем в других? В любом случае предпринимателей, создавших капитализм, нельзя считать более жадными, чем богачи других обществ. Достаточно вспомнить способ заключения браков среди богатой земельной аристократии. Истина в том, что пионеры промышленного капитализма среди богатых других классов и культур отличались бережливостью и трудолюбием.

Вебер дал собственное толкование особого феномена *взаимосвязи капитализма и религии*. В данном контексте Андрески сравнивает взгляды Вебера на протестантизм, католицизм, иудаизм, конфуцианство, индуизм.

Хотя Реформация благоприятствовала направлению инвестиций в производство, совершенного капиталистического общества не существует. Однако производственное использование капитала меньше связано со скрытой прибылью, чем паразитическая эксплуатация ресурсов и благ. Если единственный мотив деятельности индивидов – беспредельное стремление к прибыли, то государственная администрация разлагается, а это, в свою очередь, делает невозможным развитие капитализма. В отсталых странах нет граждан в политике и честности в экономике. Протестантизм способствовал культивированию гражданских добродетелей, необходимых для надлежащего функционирования государства. Поэтому он опосредованно повлиял на развитие капитализма.

Вебер считал, что евреи не могли быть инициаторами возникающего капитализма из-за «двойной морали», которая приводила к тому, что невозможно было предвидеть результат осуществляемых торговых операций. «В то же вре-

мя ясно, – пишет Андрески, – что эта склонность не принадлежит к сущности иудаизма и вполне может быть объяснена тем, что она была результатом ответа на преследования евреев и презрения, которое они пробуждали»[19]. К тому же есть эмпирические доказательства того, что большое число евреев не благоприятствует развитию капитализма. Евреев было намного больше в отсталых странах Восточной Европы, нежели в развитых капиталистических странах.

Китайская экономика удовлетворяла многим условиям, необходимым для возникновения капитализма: в Китае существовал развитый транспорт, деньги, мирная торговля, высокоразвитое ремесло. Но развитие капитализма было блокировано бюрократическим государством, которое наложило цепи на предпринимателей. Чиновники относились к купцам злорадно и оскорбительно и использовали множество средств, чтобы их угнетать. Поэтому можно полагать, что конфуцианство действительно помешало развитию китайского капитализма, но не с точки зрения влияния на поведение людей, занимающихся торговлей и промышленностью, а потому что оно служило (как политическая формула) укреплению бюрократического государства.

Индуизм благоприятствовал развитию социального паразитизма, культивируя среди трудящихся масс безразличия и полного подчинения судьбе. Эта форма религии была наиболее сильным «опиумом для народа», благоприятствующим социальному паразитизму и жесточайшей эксплуатации, лишающих производство необходимой энергии и средств.

Этика и экономика. Несмотря на противоречия Веберовской концепции, можно согласиться с его общим тезисом: стремление к прибыли как разновидность всеобщего стремления к наживе нельзя признать причиной торгового и промышленного прогресса Запада. Однако под влиянием смутного понятия рациональность Вебер не был последователен в объяснении связей между этикой и экономической деятельностью.

Протестантизм способствовал росту честности и уважения к законам. Правда, Вебер смешал честность с рациональностью, пренебрегая фактом: если мошенничество успешно, оно может быть вполне рационально. В то же время он осознавал значение честности в экономическом прогрессе. Это выражается в его утверждении: поскольку евреи руководствовались «двойной моралью», они не смогли развить «рациональный капитализм».

По мере экономического развития возникают институциональные гарантии против примитивного мошенничества и грабежа. Но это не значит, что возрастает уровень честности и уважения к закону. Наоборот, существует множество доказательств, что этот уровень систематически понижается по мере развития государственной машины: «Если правители используют грабеж, а судьи, чиновники и полицейские берут взятки, то это не только понижает предвиди-

[19] Op.cit., s.167

мость любых экономических операций, но и сами эти операции вовлекаются в конспирацию и насилие»[20].

Поскольку ни либеральное, ни советское государство не смогли искоренить эти явления, С.Андрески критикует либералов и марксистов одновременно. Те и другие убеждены, что есть одно лекарство для излечения всех болезней. Частная собственность и свободный рынок в либеральной доктрине выполняют ту же роль, что коллективизация и центральное планирование в СССР. «Догматики свободного рынка не учитывать факта: он хорошо действует только тогда, когда не охватывает всех социальных отношений… Расширение рыночных отношений на все сферы общественной жизни извращает действие правил рынка даже там, где он является наиболее подходящим механизмом»[21]«Следует также отметить, что в пропаганде доктринеров свободного рынка нетрудно обнаружить отсутствие последовательности. С одной стороны, они утверждают: стремление к наживе является постоянным здоровым инстинктом, и даже основой организации социальной жизни. С другой стороны, либералы критикуют разные группы (особенно профсоюзы) за использование политического давления с целью увеличения своей доли в национальном богатстве. Но почему же надо отказываться от силы при достижении корысти, если не существует никаких моральных соображений, в соответствии с которыми надо тормозить стремление к прибыли?»[22].

В любом случае необходимым условием промышленного развития является исключение деспотизма – сведение к минимуму силы властвующих и бюрократии. Инвестиции в производство эффективны только тогда, когда никто не обладает такой властью, которая позволяет по собственному произволу грабить собственность других. Конституционализм (конституционное ограничение применения силы, роль права и законодательных учреждений) – это краеугольный камень государственности, в которой охраняется собственность. Реформация способствовала эволюции государства как раз в этом направлении, несмотря на то, что лютеранство и англиканство отличались политическим холуйством. Существовала гармония между демократической организацией пуританских церквей и представительными институтами государства. Кальвинизм способствовал развитию самодисциплины правящих и их посвящение себя деперсонализованной идее государства, стимулируя специфическое *идолопоклонство_государству*.

Строгое соблюдение принципов права и морали в протестантизме вытекает из факта: Священное писание было поднято до ранга исключительного источника знания в вопросе добра и зла. Это подорвало руководящую роль клира. Но квалификация такого явления как рационализации совершенно ошибочно, поскольку вера в писанное слово ничуть не рациональнее веры в устную речь.

[20] Op.cit., s.173
[21] Ibid., s.8
[22] Ibid., s.175

Вплоть до энциклики Льва ХШ 1891 г. частная собственность рассматривалась как необходимое (неизбежное) зло, обусловленное порчей человеческой природы. Но это не препятствовало обогащению церкви как института (монастыри и монашеские ордена) и высших духовных лиц, не говоря о папе. Такая ситуация была наиболее показательным примером того, что церковь нарушает провозглашаемые ею же принципы.

И хотя нарушение принципов – неотъемлемая черта социальной жизни, в протестантской общине уменьшилось расхождение между обязательными нормами и действительным поведением. Это двояко повлияло на развитие промышленности и торговли: возрос уровень честности и ответственности в экономической (хозяйственной) деятельности; это стимулировало генезис такого государства, которое соблюдало гражданское право (включая право собственности) и функционировало в соответствии с определенными принципами. Всеобщее осуждение лени и отсутствия самодисциплины, связанное с уважением к труду, также благоприятствовали росту бережливости и проведению инвестиционной деятельности.

Положение городов и военный фактор. Более развитые формы капиталистического производства и обмена могут возникнуть только тогда, когда: в городах доминирует купечество, а не бюрократия, духовенство и военные; купцы сильны для защиты своей автономии, но не настолько, чтобы жить за счет эксплуатации крестьян или за счет государственного империализма.

Из всего сказанного вытекают отличительные черты культуры Запада: 1. Создание системы правовых (а не чисто практических) ограничений власти монарха. Последней стадией этого процесса была полная элиминация монархической системы и замена ее правлением избираемых функционеров и коллегиальных учреждений. 2. Отбрасывание принципа божественности власти – отличительной черты восточного деспотизма. 3. Автономия и внутреннее единство городов.

Эта культура способствовала генезису производительного (промышленного, рационального) европейского капитализма – в отличие от непроизводительного (паразитического, иррационального) древнего и восточного капитализма. Только производительный (т.е. западный) тип капитализма способен к саморазвитию. Паразитический капитализм рано или поздно заканчивается самоубийством, поскольку он потребляет и уничтожает богатство, а в лучшем случае опирается на трансфер богатства. Выделение производительного (промышленного) и паразитического (политического) капитализма связано с разделением городов на города производителей и города потребителей. Но надо помнить, что города всегда были центрами эксплуатации и потребления, а не производства.

Резюме

Конечно, заманчиво было бы заключить эту публикацию анализом отечественных социальных наук, чтобы выявить в них элементы черной магии. Не менее интересно описать тенденции отечественного вебероведения, чтобы применить к ним концепцию Станислава Андрески. Но эти задачи я сейчас выполнить не могу – занят другими делами. Ограничусь общим резюме его книги, поскольку в России она остается неизвестной.

В любом случае данная публикация бы не состоялась, если бы: я не страдал книжным запоем; не было второй мировой войны, элементом которой была оккупация союзными войсками фашистской Германии, в которых служил будущий профессор Андрески; Андрески не познакомился с Карлом Мангеймом и не прислушался к его мнению о величии Макса Вебера; Андрески не курил и не отличался книжной страстью и терпением в течение восьми месяцев читать со словарем одну книгу и т.д. Любители детерминизма могут подставить недостающие звенья, апологеты альтернативной истории придумать свою цепь событий.

Общий результат книги Станислава Андрески сомнения не вызывает: чем больше любой основатель современного социального знания (Маркс, Вебер, Ницше, Парсонс, Поппер и им подобные) претендует на роль чемпиона, тем более сокрушительной должна быть критика его методологии и частных теорий. Особенно опасна институционализация социального знания. Книга Станислава Андрески в этом отношении может выполнять функцию проверки при выдаче аттестата на научную зрелость.

Наиболее продуктивный подход к Максу Веберу – поиск скрытой системы мотивов всех поворотов социальной эволюции. После открытия и строгой формулировки этой системы ее надо сопоставить с новыми историческими данными, которые не были известны во времена Вебера. Иначе говоря, **теория Вебера не может применяться для объяснения социальных процессов без привлечения новых результатов исторических исследований.** Следствия этого вывода нуждаются в систематическом обдумывании.

Станислав Андрески

САМОЕ УЯЗВИМОЕ МЕСТО: ПОНЯТИЕ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Понятие рациональности и рационализации постоянно встречается в сочинениях Вебера и обладает ключевым значением в его концепции социальной эволюции. Однако это понятие остается совершенно неопределенным. Вебер нигде не определяет строго рациональность как таковую, предлагая взамен различие между двумя ее разновидностями: «целевой рациональностью» и «ценностной рациональностью». Это различие можно обнаружить в посмертно опубликованных заметках, которые включенные в первый том его труда «Хозяйство и общество» (а также в английский перевод данного труда под названием «Теория социальной и экономической организации»). В этих заметках указанное различие используется для предварительной классификации типов социального действия. В ее состав входят четыре типа действий: аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целе-рациональное. Следует подчеркнуть еще раз: различие между «ценностной рациональностью» и «целевой рациональностью» остается совершенно неопределенным, а его польза крайне сомнительна. В крайнем случае «ценностная рациональность» может быть определена как постоянное стремление к строго определенному идеалу. Тогда как «целевая рациональность» означает рациональность в том виде, как она понимается в технике и науке управления. Речь идет о расчетливом и правильном выборе средств, наиболее подходящих для достижения конкретной цели.

Если идеал, к которому мы стремимся, есть разновидность цели, то «ценностная рациональность» есть разновидность «целевой рациональности». И наоборот: цель может быть определенной ценностью. Следовательно, мы имеем дело с двумя словами, которые используются для обозначения одного и того же феномена. Как пример «целевой рациональности» Вебер приводит действие, которое соответствует принципу максимальной полезности. Однако на деле такое действие больше соответствует категории «ценностной рациональности» (если мы согласны ее сохранить). Ведь существенное свойство «ценностной рациональности» – единая шкала оценок, позволяющая измерить степень достижения поставленных целей.

Веберовские понятия «целевой рациональности» и «ценностной рациональности» вызвали длительную дискуссию. Я считаю, что она была бесполезной. Вебер прекрасно обходился без указанных понятий при конкретном анали-

зе и объяснении исторических явлений. В эмпирических исследованиях он ни разу не сослался на введенное им строгое различие, зато часто использовал понятий «рациональный» и «рационализация» без дополнительных предикатов. Иначе говоря, Вебер практически не пользовался собственным различием. Этот факт еще не является доказательством его бесполезности. Но мы можем последовать примеру Вебера и в дальнейшем анализе исключить указанное различие. Нетрудно убедиться, что оно не соответствует правилам логики.

Правда, в настоящее время слово «рационализация» часто используется в том смысле, который ему придал Фрейд. Поэтому я сразу должен подчеркнуть: фрейдовский смысл термина «рационализация» не имеет ничего общего со смыслом, который вкладывал в это слово Вебер. В концепции Фрейда рационализация означает поиск (изобретение) оправдания (обоснования) собственных действий задним числом. Причем, действующий индивид полагает, что указанные оправдания и обоснования обладают истиной. Тогда как исследователю известна их ложность, поскольку на основе психоанализа он убедился в том, что анализируемое действие было либо принудительным, либо направлялось бессознательным стремлением действующего индивида к совершенно иной цели по сравнению с той, которая формулировалась в обосновании. Постгипнотическая внушаемость является классическим примером такой ситуации: индивид совершает действие, внушенное ему под гипнозом, но стремится обосновать это действие мнимо рациональными соображениями. Разумеется, здесь не место анализировать обоснованность теории психоанализа. Я упоминаю о ней лишь для того, чтобы предупредить читателя-фрейдиста: веберовское понимание рационализации не имеет ничего общего с фрейдовским пониманием.

Когда Вебер говорил о бюрократии и промышленном производстве, он использовал понятие «рационализации» в значении, близком к смыслу, который вкладывается в это понятие экспертами по бизнесу. Под «рационализацией» они обычно понимают процесс реорганизации (совершенствования организации) предприятия, при котором любое изменение служит для достижения одной главной цели – максимальной прибыли. Эта посылка – стремление к максимуму прибыли – не всегда формулируется явно. И потому люди обычно говорят о рационализации и эффективности таким образом, как будто эти элементы независимы друг от друга, а не взаимно переплетены. Однако положение совершенно изменилось после того, как в управлении начали применять исследование операций и прикладную математику. Это позволило заменить неопределенные понятия рационализации и эффективности более строгим понятием «максимизация определенных переменных». Стало ясно, что нет никаких оснований говорить о рационализации и эффективности без четкого определения цели (целей), которая должна быть достигнута. То, что рационально и эффективно для достижения одной цели, может быть совершенно нерациональным и неэффективным при достижении другой цели и даже мешать ее реализации. Конечно, Вебер не виноват в том, что жил во времена, когда не было ни исследования

операций, ни теории организации. Но сегодня уже ничем нельзя оправдать применение указанных понятий без надлежащего уточнения.

Можно попытаться спасти понятие рационализации от потери всякого смысла. В этом случае следует предположить, что оно означает верный выбор доступных средств для достижения данной цели. В состав таких средств обычно входит знание, которым располагает человек. Блуждание вслепую по неизвестной местности нельзя назвать иррациональным, если мы ищем определенную местность, но у нас нет ни карты, ни возможности спросить у кого-либо о том, как найти дорогу. То же самое относится к знаниям, которые мы усваиваем. Например, если мы не знаем, где находится местность Кузко, то такое незнание нельзя назвать иррациональным. Но если мы желаем узнать расположение этой местности, то копание в памяти (вместо того, чтобы посмотреть в энциклопедии), безусловно, есть иррациональное действие. Иначе говоря, критерии рационального принятия решений при познании и конкретной практической деятельности тождественны. Однако теория решений внесла множество уточнений в эту общую схему. Они относятся прежде всего к множественности целей и условий, связанных со степенью их достижения. Обладание одним предметом может уменьшать возможность обладания другим предметом. В этом случае принятие рационального решения о выборе зависит от правильного измерения полезности данных предметов. Затем следует осуществить процедуру расчета с точки зрения того, какой выбор гарантирует максимум пользы для нас. Однако определить вероятность следствий принятых решений крайне сложно. Например: что предпочесть – прибыль большую, но менее вероятную, или меньшую, но более вероятную? При ответе на этот вопрос возникает множество крайне запутанных и сложных проблем. Особенно тогда, когда степень вероятности результата не может быть выведена из вероятности частоты наблюдения прежних событий. Мы можем сталкиваться также с несколькими переменными. Причем, взаимодействие каждой пары переменных зависит от отношения каждой из них ко всем остальным переменным. В этом случае взаимодействие между ними настолько сложно, что получить адекватную картину ситуации нельзя даже тогда, когда используются крайне сложные математические уравнения. Предмет математической теории игр – анализ взаимодействия лиц, принимающих решения. Каждое лицо знает, что результат его действия будет зависеть от реакции других игроков на принятое решение. На основе этой теории можно получить определенную информацию. Но возможность ее использования зависит от количества игроков: чем больше действующих лиц, тем труднее использовать такую информацию. Она не может быть применена и ко всем ситуациям, в которых цели не сформулированы строго, а степень и вероятность их достижения не могут быть измерены (например, когда вероятность исключения возможных расходов остается неизвестной). Как раз с такими ситуациями мы постоянно встречаемся в политике.

Конечно, Вебер не имел представления об указанных методах, поскольку они были изобретены много лет спустя после его смерти. И все же вовсе необязательно вдаваться в такие тонкости для того, чтобы показать недостатки Веберовского понятия рациональности. Пустоту абсолютных суждений о рациональности (когда не учитываются конкретные цели и связанные с ними обстоятельства действия) можно прекрасно проиллюстрировать на следующем примере. Можно ли полагать, что механическая пила и бульдозер лучше (рациональнее) по сравнению с ножом и лопатой? На безлюдном острове они ничуть не лучше. То же самое можно сказать и об условиях современного города, если цель – подточить карандаш или подрезать розы в палисаднике. Можно ли полагать, что автоматизированная фабрика обуви лучше орудий труда сапожника? Конечно, фабрика лучше приспособлена к быстрому производству большого количества обуви. Но если бы кто-то попытался привести в действие такую фабрику сотню лет назад, его действие следовало бы признать иррациональным и даже сумасбродным. В то же время вполне рационально действие по возврату к ремесленному способу производства обуви, если (по каким-либо причинам) исчерпаны ресурсы машин, энергии и транспорта.

Вебер неоднократно писал о «рационализации мировоззрения» как уникальном свойстве цивилизации Запада. Я думаю, он имел в виду феномен, который обычно определяется как возрастание роли науки и научного мировоззрения. В этом смысле прогресс рационализма может пониматься как распространение убеждения: наблюдение и рассуждение (а не вера) есть единственный источник знания. При описании развития рационализма историки имели в виду именно это явление. Достаточно упомянуть Уильяма Э.Лэцки – автора книги «История свободомыслия в Европе», вышедшей в 1865 г. Но чтобы избежать недоразумения, следует учесть, что так понятый рационализм – понятие более широкое по сравнению с рационализмом, который в истории философии противопоставлялся эмпиризму. В последнем случае спор шел вокруг другого вопроса: что является источником знания – рассуждение или наблюдение? Однако нетрудно убедиться, что оба подхода являются элементами широкого понимания рационализма. Это замечание относится к разным объемам понятия «рационализм». Следовательно, философский спор эмпиризма и рационализма можно отложить в сторону, поскольку он не имеет ничего общего с главным объектом интереса Вебера.

Основной недостаток понимания рационализации как научно-технического прогресса – затушевывание различия между отрицанием и недоступностью правильных и надлежащих средств действия. Речь идет прежде всего о знании. Является вполне рациональным действие, когда мы используем камень для того, чтобы забить гвоздь. Но не тогда, когда молоток лежит на расстоянии протянутой руки. Колумб действовал рационально, питая надежду на достижение Индии, двигаясь на Запад от Испании. Но сегодня такое действие мы назвали бы сумасбродным. Не были рациональными и магическими верования, по-

скольку отсутствовали знания, на основании которых можно было бы доказать ложность магии. Следовательно, веберовский смысл термина «рационализация» смешивает проблему накопления знания с вопросом об отношении к нему.

Задолго до Вебера было известно, что Запад – место рождения науки и рационализма. При этом рационализм понимался как убеждение в том, что наблюдение и логическое рассуждение – единственные источники знания. Так что Вебер не сказал ничего нового о социальных условиях генезиса и развития науки. Зато он внес большой (хотя и опосредованный) вклад в объяснение эпохального процесса развития науки. Вебер сформулировал новые идеи о развитии капитализма, поскольку генезис и развитие капитализма и науки – процессы, взаимосвязанные географически и хронологически. Можно строить догадки о наличии такой связи в будущем и даже в настоящем. Но нет никакого сомнения в том, что в прошлом (по крайней мере, до первой мировой войны, когда правительства вмешались в дела науки) прогресс науки имел место только там, где развивался капитализм. Иначе говоря, в регионах, лидирующих в развитии капитализма, наука развивалась не менее бурно. Это обобщение относится и к цивилизациям Азии. Период расцвета арабской, индусской и китайской протонауки совпадает с периодом наиболее бурного развития рудиментарного капитализма и высоким положением купцов в данных культурах. Следовательно, каждый шаг при объяснении генезиса капитализма должен проливать свет на происхождение и развитие науки. Указанные процессы взаимозависимы. Однако развитие науки и развитие капитализма не являются идентичными процессами. Каждый из них обладает одновременно общими и специфичными корнями. Я здесь не буду входить в анализ этой крайне важной проблемы. Но одно замечание все-же сделаю: пионеры науки кардинально отличались от капиталистов. Пионеры науки руководствовались совершенно другими убеждениями и мотивами, а нередко вообще не имели ничего общего с капиталистами. Следовательно, проблема сосуществования в одном месте и времени обоих типов действия нуждается в дальнейшем исследовании. Тогда как Вебер называл одним термином «рационализация» оба процесса, присовокупляя к ним рост и усложнение административной машины. Такой подход не благоприятствует объяснению сложной цепи причинно-следственных связей в истории.

Невозможно отрицать, что наука, техника и искусство организации различных совместных действий на Западе более развиты по сравнению с аналогичными умениями эскимосов и бушменов. Тем более что гибель обществ эскимосов и бушменов доказывает большую рациональность стран Запада. Однако я не вижу никаких оснований для утверждения: культура и социальный порядок Запада в целом рациональнее культуры и социального порядка эскимосов и бушменов. Разумеется, уничтожение обществ эскимосов и бушменов доказывает, что современные нации сильнее. Но я не вижу никакого проку от использования термина «рациональный» как синонима военной или экономической

силы. Если же вынести за скобку фактор внешней интервенции и оценивать культуры с точки зрения их способности к самосохранению, то культура эскимосов совершеннее культуры Запада. Предоставленные самим себе и собственному образу жизни эскимосы могут просуществовать тысячи, а то и миллионы лет. Тогда как наша цивилизация стремится к самоубийству, очертя голову. С экологической точки зрения ни одна другая цивилизация не сравнится с нашей цивилизацией, которая напоминает человека, рубящего сук, на котором он сидит. Правда, в защиту Вебера можно сказать, что он создавал свои труды в то время, когда еще не существовало угроз экологической катастрофы и термоядерной гибели. Но именно во время его жизни европейские государства развязали войну, в итоге которой даже победители потерпели поражение. Войны Чингисхана, Магомета или вождя зулусов Чаки были рациональнее, поскольку в результате войн победители достигали поставленных целей. Если оставить в стороне проблемы морали и рассматривать вопрос чисто технически, то неизбежен вывод: Чингисхан, Атилла и Чаки были намного более рациональными стратегами, политиками и тактиками по сравнению с государственными деятелями и генералами Европы периода первой мировой войны. Первые не располагали ничем, кроме доступных средств и знаний. Поэтому трудно вообразить, что они могли бы достичь еще больших успехов по сравнению с достигнутыми. Тогда как Хейг, Петен, Ллойд Джордж, император Вильгельм, царь Николай и почти все остальные монархи, государственные деятели и генералы стран, принимавших участие в первой мировой войне, могут служить показательными примерами уникального сплава некомпетентности и глупости. А из главных фигур второй мировой войны только Сталин заслуживает имени рационально действующего человека. Только у него были вполне определенные и далекоидущие планы, которые он смог реализовать, используя подходящие (хотя и неморальные средства) средства. Черчилль все еще считается последним воплощением британской славы. А по сути дела он был бездарным человеком, поскольку привел свою страну к поражению, которое было выдано за победу. Следует напомнить, что Великобритания вступила в войну для того, чтобы противодействовать образованию мощной империи в Восточной Европе. Однако «победа» Британии способствовала появлению другой и еще более грозной империи в этом регионе мира. В результате войны Англия попала в зависимость от Америки. Черчилль пытался утопить печаль в виски, наблюдая упадок любимой Британской империи. Во время второго срока пребывания у кормила власти он был только фигурантом. Короче говоря, не составляет особого труда составить целую энциклопедию современных политиков, которые занимаются политикой совершенно бездарно и даже самоубийственно. Причем, такая энциклопедия состояла бы как из демократических политиков, выполняющих свои функции в результате выборов, так и диктаторов. Я считаю, что по сравнению с прошлым в настоящее время политические решения стали

намного более случайными. Это происходит по причине усложнения политико-экономических отношений, что, в свою очередь, затрудняет предвидение следствий большинства принятых решений. Сегодня политики в большинстве случаев руководствуются собственными желаниями, которые выходят за пределы возможностей. Кроме того, у политиков нет средств эффективного предвидения результатов совершаемых действий. Следовательно, поведение современных политиков (по сравнению с прошлым) в значительно большей степени подобно поведению шарлатанов и поклонников черной магии.

Если ограничить рассуждения техникой, то нет оснований для утверждения: техника Запада рациональнее техники эскимосов. Недавно антропологи одного американского музея провели интересный эксперимент. Они попытались усовершенствовать орудия труда и быта эскимосов, используя современные знания, но не применяя никаких импортированных материалов. В результате оказалось, что в условиях арктического климата и на основе использования доступных средств не удалось изобрести ничего лучше орудий, которые уже давно были у эскимосов.

Вебер крайне беззаботно определил как «рациональные» ряд аспектов цивилизации Запада. Не говоря уже о других ошибках Вебера, его поверхностность способствовала культивированию громадного и существующего до сих предрассудка о вечном превосходстве науки и техники Запада над другими цивилизациями. Во времена Вебера такая ошибка была неизбежной, поскольку практически не существовало истории науки и техники азиатских цивилизаций. Однако сегодня по этому вопросу накоплена громадная литература. Поэтому указанная ошибка становится непростительной. Труды Джезефа Нидама о науке и технике Китая представляют собой одно из грандиозных свершений в сфере истории науки в целом. В его исследованиях детально обосновано принципиальное положение: прогресс Китая в сфере науки и техники был намного больше, нежели об этом принято думать на Западе. Именно в Китае было сделано множество изобретений, которым приписывается европейское происхождение. Около 1000 н. н.э. Китай опережал Европу во всех возможных областях и аспектах развития культуры. Конечно, после Коперника и Галилея европейская физика вышла на такой уровень, который был намного выше китайских достижений. В области химии Европа обогнала Китай лишь в XVIII в., после работ Лавуазье. Европейская медицина опередила китайскую только в XIX в. А в сфере технологии производства Китай не был отсталым вплоть до промышленной революции, уступая Европе в одних, зато опережая в других областях. Не следует забывать и тот факт, что так называемая «промышленная революция» имела место не во всей Европе, а только в Англии. То была единственная страна, в которой паровая машина получила широкое распространение еще до середины XIX в. Затем машинный способ производства распространился в других странах северо-западной Европы. Что касается стран востока, севера и юга Европы (Скандинавия, Россия, Балканы, Испания, Португалия, Южная Италия),

то в них методы организации производства еще долгое время ничуть не отличались от методов, известных сотни и тысячи лет назад. И они ни в малейшей мере не превосходили методов, которые применялись в то же время в Китае и Индии.

В сфере корабельного дела и артиллерии европейские страны рано обогнали остальной мир. Однако если речь идет о пушках, то соседи европейских стран очень быстро научились пользоваться этим оружием у итальянских изобретателей, которые заимствовали в Китае изобретение пороха. Уже в XVI в. турецкая артиллерия нисколько не уступала европейской. Не надо забывать, что вплоть до поражения под Веной в 1683 г. Турция стремилась завоевать Европу, а не наоборот. Превосходство Европы в сфере военного дела начинается только с XVIII в. Как известно, Испания захватила громадные территории в Америке. Но несмотря на все усилия, так и не смогла одолеть соседа – Северную Африку. Здесь находились базы корсаров, постоянно угрожающих испанскому флоту.

Этот беглый обзор нетрудно дополнить множеством других примеров. В то же время он фиксирует фундаментальную ошибку Вебера – экстраполяцию на основании второстепенных факторов или ретроспекции. Вебер исходил из правильной посылки: наука и развитая техника – продукты рационального мышления, но на ее основе он стремился объяснить развитие науки и техники, приписывая рациональность другим аспектам европейской цивилизации. Вебер пытался найти предпосылки такой рациональности не только в эпохе, предшествующей промышленной революции, но и в донаучные времена. Без всяких оснований он приписал рациональность религиям народов, которые развили науку и изобрели машины. А поскольку корни христианства уходят в иудаизм, Вебер обнаружил ростки рациональности даже в иудаизме. Крайне удивительно, что ученый, обладающий блестящим знанием древности, практически ничего не сказал о греческой науке и философии. Хотя их связь с современной наукой может быть установлена без особого труда, чего совершенно нельзя сказать об учениях еврейских пророков.

Как известно, древние греки не смогли создать метод эксперимента. Возможно, это было связано с пренебрежением к физическому труду – уделу рабов. Однако вклад древних греков в искусство рассуждения и доказательства был несравненно больше вклада любого другого народа и эпохи. Если речь идет о логической ясности и строгости, а также об искусстве приведения научных доказательств, то дистанция между греками и самыми выдающимися философами Востока была намного больше дистанции между греческими философами и учеными и философами современного Запада. Следовательно, огромный прогресс в формировании понятийных оснований науки был совершен в политеистическом обществе. Современная наука начала развиваться только после усвоения великого наследства, созданного более двух тысяч лет тому назад. Отсюда вытекает: следует признать абсолютной неудачей попытку Вебера обнаружить корни научного способа мысли в иудаизме и христианстве.

Существует еще одна интерпретация термина «рационализация», которая обычно применяется для квалификации определенных тенденций и трансформаций культуры. Речь идет о приписывании данному термину смысла, охватывающего весь процесс расширения сферы рациональных решений человека. Как известно, эта сфера принципиально отличается от сферы инстинктивного действия и простого подражания. Однако рациональное решение в данном случае не означает ни определенности целей (человека, принимающего решение), ни тщательного расчета доходов и расходов, вытекающих из множества возможных решений. То же самое можно сказать о вероятности достижения конкретных результатов того или иного действия. С этой точки зрения сравнение образа жизни Запада с образами жизни первобытных охотников и земледельцев не позволяет сделать однозначные выводы. Как известно, научно-технический прогресс базируется на разделении труда. В основе разделения труда лежит дифференциация людей с точки зрения навыков, знаний и умственного труда, необходимого для выполнения той или иной профессии. Однако рост производительности труда обычно ограничивает сферу умений и знаний человека. В XX в. развертывается универсальный общемировой процесс оболванивания человечества с помощью средств массовой информации, который во времена Вебера только начинался. Если даже вывести за скобку этот процесс, не составляет труда обнаружить множество доказательств для тезиса: по сравнению с первобытными охотниками и земледельцами члены современных индустриальных обществ обладают значительно меньшей сферой для самостоятельного принятия рациональных решений. Различие современных и первобытных людей аналогично различию между домашними и дикими животными. Под «современными людьми» я имею в виду тех особей, которые выполняют рутинные виды деятельности, а свободное время проводят как бараны, таращась на экран телевизора или оглушая себя механической музыкой.

Еще никто до сих пор не изобрел методы измерения указанной дифференциации людей, хотя теоретически это вполне возможно. Но на основе непосредственного наблюдения я пришел к выводу: просто для самосохранения первобытный охотник и земледелец обязан был обладать значительно большим знанием и способностью рационального мышления. Сфера знания и мысли первобытного человека намного шире сферы, характерной для современного рядового рабочего, выполняющего рутинные операции. Надо учитывать также, что большинство людей, профессиональный труд которых требует больших знаний и размышлений, проводят свободное время пассивно и бездумно. Можно вообразить индекс измерения числа рациональных решений, приходящихся на долю рядового члена общества. В результате его применения окажется, что на этой шкале мы нисколько не выше так называемых «примитивных обществ». Во всяком случае я готов заключить пари: на этой шкале эскимосы опередят любую современную нацию. Так что можно утверждать совершенно определенно: нет никаких убедительных доказательств о наличии некой общей тенденции эволю-

ции, которую следовало бы определить как «рационализацию». Речь может идти только о росте общего объема знаний и количества специалистов, оперирующих рациональным мышлением в различных сферах деятельности. Иначе говоря, о прогрессе науки, техники и методов организации.

Вебер крайне беззаботно приписывал нерациональность другим системам верований. Эта ошибка частично объясняется тем, что он создавал свои труды до периода бурного развития исследований так называемых «первобытных культур». Во времена Вебера наиболее влиятельным ученым в этой сфере был Леви-Брюль – основатель теории прелогического мышления. Тот опирался только на отчеты путешественников, т.е. на материалы со вторых рук. Леви-Брюль никогда не видел первобытных обществ собственными глазами. Но спустя непродолжительное время вслед за Малиновским антропологи начали изучать языки и проводить длительные интенсивные полевые исследования. В итоге было обнаружено, что так называемые «дикари» не являются ни дикими, ни глупыми, как это показалось некоторым торопливым путешественникам. Стало ясно, что Тробрианцы Малиновского и члены племени Азанде Эванс-Причарда не менее рациональны (если учитывать объем их знаний), нежели большинство современных людей. Нет смысла сомневаться в прогрессе исследований в данной сфере. Вебер классифицировал цивилизации и религии на основе неопределенного понятия рациональности. В начале XX в. эта ошибка была вполне понятной. Но повторять такую ошибку сегодня непростительно. Правда, не надо впадать и в абсурдный релятивизм и полагать, что магия племени Азанде ничуть не хуже современной науки. Просто надо исходить из того, что научное мышление – высшая форма рациональности. Европейская цивилизация создала условия для развития науки, а ее существование в значительной степени зависит от результатов науки. Но отсюда не следует, что данная цивилизация была и продолжает быть научно запланированной и может быть названа рациональной в любом смысле этого слова. Хорошо известно, что даже великие ученые и философы нередко действуют нерационально и руководствуются необоснованными предрассудками, которые воздействуют на эмоции при рассмотрении тех или иных вопросов. Можно вообразить общество, целиком состоящее из индивидов, всегда принимающих рациональные решения. Но даже такое общество никогда не будет рациональным как целое. Как известно, люди руководствуются противоположными целями, а в результате их намерения становятся напрасными. Так что рациональными могут быть только такие ситуации, при которых все проигрывают или все выигрывают. Кроме таких гипотетических ситуаций нет никаких оснований для утверждения: один результат в такой игре более рационален по сравнению с другим результатом. Правда, можно установить определенные этические критерии и сказать: один результат лучше (справедливее) другого. Однако добро и справедливость не тождественны рациональности.

Во многих местах своих сочинений Вебер писал о цивилизации и мировоззрении как таковых. В этом случае понятие рационализации означает прогресс

науки и расширение сферы ее практического использования. Но такое объяснение лишает понятие рационализации всякой тайны и превращает его в банальность. Задолго до Вебера многие мыслители (например, Кондорсе) осознали значение развития науки, а Конт видел в ней главный источник любых социальных и культурных изменений. Так что диагноз указанной тенденции не является заслугой Вебера. Речь может идти только о его вкладе в объяснение исторических причин и обстоятельств, при которых данная тенденция не проявилась. Но вклад Вебера в решение этой проблемы пропал впустую, поскольку он использовал крайне абстрактные и неопределенные понятия рациональности и рационализации. Если же произвести замену указанных понятий, то его вклад можно сделать более устойчивым в отношении критики.

Вебер классифицировал религии, конструируя шкалу рациональности. В этой классификации имплицитно содержится посылка о существовании гармонии между способом производства, искусством организации и религией. Между тем не существует временных связей между изменениями в указанных сферах. Следовательно, Вебер противоречит самому себе. Следует напомнить, что на протяжении первого тысячелетия существования христианства имел место регресс научных знаний и разделения труда. Ускоренное развитие некоторых наций, принявших христианство, есть феномен, почти не превышающий последнюю четверть истории христианства. Если исключить первые три столетия истории церкви, то на протяжении всего остального времени догматы христианской религии почти не изменились. Тогда на каком же основании эти догматы должны быть признаны фактором прогресса, а не торможения развития науки? Именно к такому выводу подводит нас упорное противодействие церкви в отношении абсолютного большинства научных открытий. Реформация возродила фундаменталистские установки и первоначально даже обострила конфликт между религией и наукой. Джон Маккиннон Робертсон показал, что по сравнению с католицизмом в длительной перспективе протестантизм более благоприятствовал развитию науки. Но это объясняется не тем, что установки протестантов в отношении науки стали положительными. Протестантизму удалось сломить централизованную власть Ватикана, в том числе и его контроль над образом мысли.

Критерием рациональности можно считать степень соответствия мировоззренческих убеждений научным выводам. В этом случае неизбежен вывод о том, что по сравнению с буддизмом и исламом (не говоря уже о конфуцианстве) христианство менее рационально. Правда, сравнение с индуизмом не столь очевидно. Действия индусских богов выходят за пределы законов физики и биологии еще больше, нежели действия христианских святых. Однако индуизм всегда включал разные взгляды и интерпретации, часть которых имела глубоко философское содержание и противоречила религиозному фундаментализму. Возможно, это объясняется тем, что брахманы никогда не были организова-

ны в централизованную иерархию. Кроме того, в индуизме содержатся представления о вечном возвращении вещей и о существовании бесконечных миров, не имеющих ни начала, ни конца. Эти представления более соответствуют научному знанию, нежели христианская Книга Бытия. История из этой книги была включена также в учение Магомета, подобно множеству других элементов иудаизма и христианства. Но крайне характерно, что ни евреев, ни мусульман не принуждали к вере в божественное происхождение основателя их религии, не говоря уже о его зачатии от непорочной девицы. А принципы математики не подавлялись христианским догматом: бог одновременно един и троичен. Не составляет также особого труда доказать, что по сравнению с христианством индуистская, буддистская и даосистская космология значительно больше согласуются не только с теорией Коперника, но и с теорией происхождения видом Дарвина.

Можно классифицировать религии по степени соответствия результатам науки. В этом случае на первое место мы должны решительно поставить конфуцианство. Рационалистическое и приземленное мировоззрение конфуцианства склонило некоторых ученых к утверждению: конфуцианство вообще не является религией. Однако конфуцианство наверняка является религией, по крайней мере, в этимологическом смысле слова (термин «религия» происходит от латинского *religare* – связывать). Безусловно, конфуцианство создало связи, объединяющие миллионы людей на протяжении более двух тысячелетий. Существенным свойством религии можно полагать также антропоморфическую концепцию божества или обещание загробной жизни. В этом случае неизбежен вывод: конфуцианство не является религией. Высшим существом в конфуцианстве является небо – невидимая и неперсонализованная сила, а не персонифицированный бог по образцу земного деспота, что характерно для религий, возникших на Ближнем Востоке.

На вопрос о том, что будет после смерти, Конфуций отвечал: «Если ты ничего не знаешь о жизни, откуда ты можешь знать хоть что-нибудь о смерти?» Конфуций никогда не утверждал, что существуют некие силы, которые можно назвать сверхъестественными или магическими. Конфуцианцы тоже не приписывали ему такого взгляда. Конфуцианцы не ждут никаких чудес. Святых у них нет. А в основателе собственного вероисповедания они видят великого учителя, а не бога. Поэтому веберовское определение конфуцианства как иррационального по сравнению с христианством следует признать шагом назад по сравнению со взглядами французских философов XVIII в., в том числе Вольтера. Они считали Китай образцом рационального общества, которое резко отличалось от суеверной Европы. Вебер сделал много проницательных замечаний о природе китайского общества, однако их ценность понижается вследствие указанной ошибки. Х.Г.Грил отмечает: «Если речь идет о политических и экономических институтах, то ошибки Вебера незначительны. Фундаментальные ошибки связаны с его интерпретацией религиозных верований. Этот факт поражает, по-

скольку в распоряжении Вебера находились вполне добротные исторические источники. Ситуацию можно объяснить тем, что при интерпретации религиозных верований Вебер слишком увлекся отбором специфических доказательств. Речь идет о таком отборе, который в наибольшей степени соответствует веберовскому предрассудку об иррациональности и объясняет недостаточное развитие рационального капитализма в Китае иррациональностью религии, этоса, права и бюрократии Китая. Большинство современных ученых полагает, что Китай был крайне рациональным (в любом из смыслов данного слова) по сравнению со всеми другими донаучными цивилизациями. Это замечание относится и к веберовскому определению рациональности, которым он сам на практике последовательно не пользовался»[1].

В эссе из сборника «Большое титрование» Д.Нидэм приводит аналогичные замечания:

«Чем основательнее человек познает китайскую философию, тем глубже он убеждается в ее рационалистическом характере. Чем больше человек приобретает сведений о китайской технике периода средневековья, тем больше он осознает тот факт, что в Китае были сделаны не только общеизвестные изобретения (порох, бумага, печать, магнитный компас), но и совершены такие изобретения и открытия, которые изменили направление развития западной цивилизации, а по сути дела – всего мира. Я полагаю, что чем лучше знаешь китайскую цивилизацию, тем более поражает факт: современная наука и техника не возникли в Китае».

«Чем глубже я вникаю в специфическую историю успехов науки и техники Китая периода, предшествующего времени, когда она вместе со всеми остальными этнокультурными реками впала в море современной науки, тем более у меня крепнет убеждение: революция в сфере науки имела место только в Европе и связана с особыми социальными, интеллектуальными и экономическими условиями, характерными для Европы эпохи Ренессанса… Отсутствие такого перелома в Китае нельзя объяснить недостатками китайского ума или интеллектуальной и философской традиции Китая. Наоборот, эта традиция во многих ее аспектах была более благоприятной для развития современной науки, нежели христианское мировоззрение»[2].

Здесь читатель может заметить, что факт остается фактом: наука и техника были созданы народами, принявшими христианство. Если отбросить Веберовский тезис о высшей рациональности христианской религии (по сравнению со всеми остальными), то как объяснить этот факт? Был ли он случайным? Прежде всего надо отбросить неудовлетворительное решение, если даже нам неизвестен правильный ответ. Во-вторых, суть проблемы находится не в содержании догматов, а в разделении духовной и светской власти. Это явление имело место только в западном христианстве, и ни в каких других частях мира у

[1] Creel H. The Beginnings of Bureaucracy in China // What is Taoism? Chicago, 1974, p.124
[2] Needham J. Wielkie miareczkowanie. Warszawa, 1984, s.172, 209

него не было эквивалента. Современник Вебера Отто Хинце доказал, что разделение духовной и светской власти было необходимым условием ограничения власти короля с помощью феодальных договоров и разнообразных представительных органов. Эти обстоятельства способствовали генезису автономии городов и высокого социального статуса купцов и ремесленников. Они создали также специфическое пространство свободы, в котором смогли развиваться промышленная и научная деятельность. Анализ множества фрагментов из сочинений Вебера позволяет заключить: он прекрасно знал, что отделение церкви от государства – исключительное свойство западного христианства. Но Вебер упустил из виду этот факт при анализе причинно-следственных связей в истории. Не исключено, что он был сбит с толку собственным обманчивым понятием рациональности.

Надо учитывать также, что приписывание наивысшей рациональности духовной атмосфере Европы в начале Нового времени совершенно не соответствует действительности. То был период небывалого размаха в охоте за ведьмами. Эта охота во времена Ньютона (кстати сказать, он относился к ней положительно) не была только следствием специфической культурной инерции. Именно в это время она обрела новые формы, весьма специфически направленные против женщин. Для проблемы рациональности здесь существенно то, что были отброшены различные формы сопротивления вере в существование ведьм, вытекающие из здравого рассудка. Причем, церковь тоже сопротивлялась. Но все формы сопротивления были подавлены массовой истерией и террором, характерными для данного периода. Вольтер неоднократно отмечал, что такого идиотизма в Китае никогда не было.

Крайне показательно, что охота за ведьмами неоднократно и с большим размахом повторялась во Франции, Германии и Англии, но почти не затронула Испанию, наука и экономика которой находились в то время в упадке. Испанские инквизиторы постоянно жгли на кострах еретиков-христиан, а также европейских и исламских перекрещенцев. Поскольку деятельность инквизиции служила укреплению ортодоксии и материальному обогащению, она была вполне рациональной. Этого нельзя сказать о пытках и сжигании на костре невинных девушек-невест, на которых велась систематическая охота. Она производила впечатление приступа коллективного психоза. В одной из книг я показал, что психоз был обусловлен эпидемией сифилиса[3].

Вебер придавал понятию рациональности еще одно, но совершенно иное значение. Он много писал и говорил о «рациональном» капитализме как противоположности «иррационального» капитализма. Иначе говоря, он пытался связать различие между двумя формами капитализма: 1. При котором развивались определенные методы массового производства. 2. При котором они не развивались. Как будет показано, это различие обладает ключевым значением для Веберовского объяснения уникальности цивилизации Запада. Однако в таком

[3] См.: Andreski S. Syphilis, Puritanism and Witch-Hunts. London, 1989

контексте понятие рациональности еще более ошибочно. Нет необходимости выдумывать неологизмы, если мы стремимся определить феномен технического прогресса, связанного с количественным ростом производства. Такой прогресс Маркс очень удачно определил как «развитие производительных сил». Вебер называет «рациональным» прогрессирующий капитализм. В этом смысле использование терминов «производительный» или «промышленный» для характеристики капитализма менее ошибочно. Но Вебер говорит также об «иррациональном» капитализме, используя при этом термины «разбойничий капитализм» или «политический капитализм». Речь идет о такой форме капитализма, при которой деньги расходуются на приобретение уже произведенных товаров, а не на их производство. В этом смысле римские сборщики налогов были классическим примером, которым неоднократно пользовался Вебер для иллюстрации «разбойничьего» капитализма. Термин «политический» в применении к капитализму не содержит аналогичного эмоционального заряда, но тоже не обладает описательной ценностью. Я лично предпочитаю термин «паразитический капитализм», когда вслед за Вебером пытаюсь объяснить нищету, типичную для стран Латинской Америки.

Конечно, по сравнению с захватами и грабежами производительный труд и честная торговля более моральны и образуют более совершенный путь к достижению всеобщего благосостояния людей. Но они не имеют ничего общего с проблемой рациональности. Люди могут также руководствоваться гедонистическим и аморальным экономическим расчетом. С этой точки зрения захват богатства (если человек может совершить это безнаказанно) рациональнее доходов и усилий, потраченных на производство. Поэтому в данном случае термин «рациональный» должен пониматься как «промышленный» или «производительный», а термин «иррациональный» – как «паразитический» или «разбойничий».

Вебер приписывал рациональность одним типам институтов, одновременно (эксплицитно или имплицитно) отрицая наличие этого свойства у других институтов. Такая процедура не менее сомнительна. Для Вебера «рациональной» была бюрократия, а не феодализм. Но это положение он не обосновал. И оно неизбежно остается пустым до тех пор, пока строго не определены цели, которые могут быть достигнуты с помощью бюрократии или феодализма. Поэтому возникает вопрос: для достижения каких целей бюрократическая организация является более эффективной («рациональной») по сравнению с феодализмом? К числу таких целей относятся: максимизация власти правящих групп; военная сила государства; удержание низших классов в подчинении. Однако даже при определенных таким образом целях ответ на вопрос невозможен без приведения условий, при которых должны действовать указанные структуры. Следует исходить из того, что абсолютное большинство властителей стремятся удержать или увеличить свою власть над подданными. А средства достижения этой цели подбираются в соответствии с ситуацией, в которой находятся вла-

стители. С этой точки зрения феодализм был единственно реальным (и наиболее «рациональным») способом осуществления власти над сообществом безграмотных людей, рассеянных на больших пространствах в то время, когда разделение труда, города и денежный обмен были развиты слабо. Известны случаи эпигонского заимствования бюрократических структур, но они быстро приходили в упадок, открывая дорогу феодализму. Это объясняется тем, что локальные экономические и культурные условия больше соответствовали феодальным, а не бюрократическим структурам. Показательным примером может служить Япония периода Нара. В это время японские императоры ввели административную систему, заимствованную в Китае. Однако в Японии не было больших долин со сплавными реками и местами для проведения больших ирригационных работ. Не было и каналов, по которым можно было бы транспортировать налоги в натуре. В итоге заимствование Японией китайской бюрократии оказалось только эпизодом. Эта система управления рухнула без всякого давления извне (то есть, иначе, чем это имело место в Риме) и уступила место феодализму.

Вебер считал бюрократию такой организационной формой, которая (с точки зрения максимизации силы государства) рациональнее феодализма и патримониализма (так Вебер называл примитивный деспотизм, не располагающий административной машиной с образованными чиновниками). Однако это положение Вебера не менее ошибочно. Надо учитывать, что эффективность использования систем управления зависит от ряда условий: вида оружия, тактики, типа экономических и культурных отношений, географической среды. В XVIII в. полуфеодальное Королевство Польши и Литвы без сопротивления подчинилось разделу со стороны абсолютистско-бюрократических государств Пруссии, России и Австрии. Тогда как централизованно-бюрократическое государство Византии в XIII в. потерпело поражение от крестоносцев из феодальных монархий Западной Европы. А четыре века спустя Маньчжурия, родоплеменное государство которой на языке Вебера можно определить как патримониальное, победило громадную бюрократическую империю Китая.

Из того, что Вебер писал на тему рациональной власти и бюрократии, вытекает: прилагательное «рациональный» в отношении к ним надо заменить выражением «формально и детально организованный». Тогда понятие рационализации надо заменить выражением «рост детально организованных формальных организаций». Если же мы хотим выразиться короче, то лучше использовать Спенсеровское определение «прогресс организации», поскольку оно означает то же самое.

Таким образом, Вебер включил в объем одного термина ключевые понятия своих великих предшественников. Более того, он запутал суть дела, придав термину «рациональность» несколько совершенно противоположных значений, в чем нетрудно убедиться. С точки зрения ясности понятий его вклад в науку по этому вопросу был абсолютно отрицательным. Для решения вопроса следует

обратиться к Конту, Марксу и Спенсеру. Речь идет о поиске термина, который включает в свой состав прогресс знаний, производительных сил и организации. В этом смысле Спенсеровское понятие «эволюции» намного эффективнее по сравнению с Веберовским термином «рационализация». По аналогии с биологией можно сказать: по сравнению с организмом амебы организм млекопитающего более развит, но невозможно утверждать, что он более рационален. Таким же образом в социологии и антропологии имеет смысл утверждение: по сравнению с обществом пещерных людей наше общество более развито, но не более рационально. Правда, Спенсер определял эволюцию в категориях роста дифференциации и интеграции органов и функций, т.е. как сложение. Но понятие эволюции можно использовать в более широком смысле и полагать, что этот процесс связан с накоплением знания и развитием производительных сил. И все же тесная взаимосвязь указанных трех процессов далеко не абсолютна. Нетрудно привести примеры крайне слабой связи между ними. По сравнению с Римской империей средевековые общества обладали более простой социальной структурой, но их техника была более развитой. По сравнению с наукой средневековья греческая наука была более развитой, но в сфере техники дело обстояло совершенно иначе. И все же в целом указанные три процесса взаимосвязаны в такой степени, что их можно включить в состав одного понятия. Таким понятием может быть только «эволюция», а не «рационализация». Разумеется, и рационализацию можно определить таким образом, чтобы она соответствовала указанному значению. Однако такая дефиниция привела бы только к путанице понятий и противоречила бы этимологии слова «рационализация».

В большинстве текстов Вебер пользовался термином «рациональность» без дополнительных определений. Однако из социологии права можно узнать, что он понимал как противоположность рациональности. В «Хозяйстве и обществе» читаем:

«…законодательство и судопроизводство могут быть как рациональными, так и иррациональными. Они являются формально иррациональными тогда, когда решения принимаются не на основе рассуждения, а на основе других методов, таких как пророчества или их эквиваленты. Они являются материально иррациональными в том случае, когда решения опираются на этическую, эмоциональную или политическую оценку отдельных вопросов, а не на общие принципы»[4].

Теперь стало ясно, что имел в виду Вебер. Однако противоположностью того, что он описывает в приведенном отрывке, является «установленный в соответствии с правом», а не «рациональный». Более того, понятие «материально рационального права» есть плеоназм. Если отдельные дела не решаются на основе общих принципов, а в соответствии с «эмоциональной или политиче-

[4] Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen, 1922, s.395. Цитата приводится в свободном переводе, поскольку буквальный перевод был бы непонятным (прим.автора, В.М.)

ской оценкой», то установленные законы либо не существуют, либо не соблюдаются. Иначе говоря, в этом случае мы имеем дело либо с отсутствием, либо с нарушением права. Понятие «материально иррационального права» (т.е. такого права, в котором не существует ни одного общего принципа) внутренне противоречиво. И сам Вебер был недалек от признания собственной ошибки, когда утверждал: «Любое сформулированное право является (по крайней мере, относительно) формально рациональным». Это напоминает выражение: «Каждый цветок является (по крайней мере, относительно) цветистым». Кроме того, принцип, согласно которому приговор выносит пророчица, является не менее общим и определенным (в терминологии Вебера «материально рациональным»), нежели принцип, в соответствии с которым решение выносится апелляционным судом. Правда, можно сказать, что вера в пророчество иррациональна. Но в этом случае высказывается суждение о религиозных верованиях, а не о праве. Если полагать, что устами пророчицы говорит Бог, то пользоваться ее услугами вполне рационально. Если считать отбрасывание религиозных верований рациональным действием, то термин «рациональный» используется не в том смысле, который придал ему Вебер. А в том значении, которое используется людьми, называющими себя рационалистами. Речь идет об индивидах, которые признают разум и чувственное познание единственным источником знания и отбрасывают возможность любого общения со сверхъестественными существами. Если требование соблюдать закон полагать целью, на основе которой устанавливается рациональность судебных процедур, то неизбежен вывод: обращение африканских племенных судов к пророчицам эффективнее (а тем самым и рациональнее), нежели установившаяся в современной Англии практика принесения свидетельств под присягой от имени всемогущего Бога. Исследования общественного мнения показали, что абсолютное большинство людей в этой стране не боятся божьей кары.

Какая из современных правовых процедур (британская или французская) рациональнее с точки зрения провозглашенных законодателями целей или ценностей, распространенных в общественном мнении? Дискуссия на эту тему не лишена смысла, поскольку Англия и Франция могут сравниваться между собой по этому критерию. Однако нет никакого смысла приписывать иррациональность обычному праву племени банту или зулусов и сравнивать его с правом Великобритании, Франции или США, которому приписывается иррациональность. По сути дела, многие аргументы свидетельствуют в пользу вывода: законы племени банту рациональнее с точки зрения защиты локальных ценностей и культур, нежели современные правовые системы стран Запада. Если решение суда принимается в соответствии с критерием совпадения с этическими принципами большинства людей или в соответствии с целями и ценностями, провозглашаемыми законодателями в парламентских дебатах, то современные британские законы о разводах следует признать крайне иррациональными. Причем, такую дозу иррациональности невозможно обнаружить в супружеских

обычаях ни одного из племен Африки, которые я изучал длительное время. По существу, современные британские законы о разводах можно признать рациональными только с точки зрения максимизации доходов юристов, причем такой доход приходится рассматривать как единственный критерий.

Если вместо термина «рациональный» использовать выражение «соответствующий закону и предвидимый», то Веберовская аргументация в принципе верна, но не свобода от частных ошибок. Вебер совершенно верно подчеркивал, что рыночная экономика (или капитализм) может развиваться только там, где правовые последствия сделок могут быть предвидимы с большой степенью определенности. Как хорошо известно, без защиты права собственности и строгого соблюдения договоров невозможно предвидеть ни прибыль, ни даже цену сделок. Если соблюдение правовых обязательств зависит только от прихоти и воображения индивидов, то бизнес превращается в чисто азартную игру. Банки не могут функционировать там, где возврат долга зависит от оракула пророчицы или от сражения. Но общества, которые используют такие методы решения споров, обычно крайне примитивны и в других сферах культуры – технике, просвещении, поддержании внутреннего порядка. В результате они не могут развить разделение труда и интенсивный обмен. Так что объяснять феномен отсутствия капитализма у древних тевтонов иррациональностью германского права не менее смешно, чем объяснять неумение ребенка водить автомобиль тем, что он не может спокойно сидеть за рулем. Для объяснения вопроса о развитии капитализма наиболее подходящая процедура заключается в сравнении Европы XVI-XVIII вв. с великими цивилизациями Азии и древности.

При анализе Китая Вебер недооценил феномен постоянства права, которое оставалось неизменным на протяжении целых эпох существования империи. Этот недостаток понятен, поскольку из-за отсутствия источников Вебер судил о Китае на основе мнения, распространенного в Европе Х1Х в.: Китайская империя неожиданно погрузилась в хаос. Конечно, многие законы в Китае сдерживали развитие экономической предприимчивости. Эти законы не только затормозили, но и отбросили назад развитие класса купцов, рост которого достиг пика около 1000 г. Однако данные законы устанавливались мандаринами как раз для достижения указанной цели и были не менее рациональными по сравнению с другими.

Современники Вебера Карл Бекер в работе «Ислам и экономика» (1916 г.) и Максим Родинсон в книге «Ислам и капитализм» (1966 г.) доказали, что Вебер недооценил также исламское право. Оно вполне успешно защищало собственность и торговлю. В принципе можно исходить из того, что после периода расцвета исламской цивилизации в XIII в. наступил ее закат. В более поздние времена (особенно начиная с XVIII в.) в странах ислама измерение права стало менее регулярным и предвидимым по сравнению со странами западного христианства. Однако этот феномен не связан с содержанием самого права, а объясняется его несоблюдением. Оно было обусловлено деспотизмом и произво-

лом сатрапов и солдат, коррупцией судей и чиновников, а также грабежом оккупантов. Вебер хорошо знал об этом. И он был прав, усматривая в нестабильности правовой системы главную преграду для развития рыночного хозяйства на Ближнем Востоке. Однако он совершенно не учел тот факт, что перечисленные обстоятельства являются вполне достаточным объяснением застоя рыночной экономики. Тогда как Вебер в целях объяснения попытался создать умозрительную и ничем не обоснованную иерархизацию правовых систем в соответствии со шкалой рациональности.

Если даже задаться целью конструирования такой шкалы, то единственно верным способом ее создания был бы ответ на вопрос: существуют ли какие-либо конкретные цели, достижению которых служат данные правовые системы? Для ответа на вопрос надо установить, действительно ли данные системы способствуют достижению данной цели. В этом случае можно сказать о конкретной правовой системе: она рациональна на том же основании, на котором высказывается суждение о рациональности промышленного предприятия. Если все формы действия служат достижению максимальной прибыли как единственной цели, то промышленное предприятие рационально. Однако использование этого критерия ведет к следствию, который противоречит выводу Вебера. Исторический опыт свидетельствует, что наиболее «рациональными» являются такие правовые системы, которые устанавливались деспотами, не совсем бездарными. Например, в период Ивана III и Ивана Грозного, а особенно в эпоху Петра I русские законы были крайне рациональными в том смысле, что они блестяще служили достижению одной-единственной цели – максимизации внутренней и внешней власти царя. В том же смысле были рациональными (или рационализированными) законы Оттоманской империи, особенно в период расцвета ее могущества. Английское право было значительно рациональнее в период Вильгельма Завоевателя, нежели в Викторианскую эпоху или в настоящее время. По существу рационализация такого типа обратно пропорциональна развитию промышленной рыночной экономики (или капитализма). Рыночная экономика возникает только в таких обществах, в которых ни один индивид и ни одна олигархия не являются настолько сильными, что могут подчинить себе все остальное общество и так сформировать правовую систему, чтобы она служила только интересам данного индивида или олигархии.

Вебер многократно говорил о правовых гарантиях капитализма. В этом случае понятия «рациональный» и «рациональность» следует заменить терминами «правопорядок» или «правовая защита». Имеется в виду положение, при котором право и процессы его применения свободны от произвольного вмешательства власти. За сто лет до Вебера Монтескье доказал, что достижение такого положения зависит от разделения и равновесия властей. В свою очередь, это исключает рационализацию (в смысле подчинения права одной цели), за исключением крайне редких случаев всеобщего согласия граждан.

В социологии права и экономической теории Вебер использовал понятия рациональности в более определенном смысле, нежели в других контекстах. В «Хозяйстве и обществе» он дает такое определение: «Под формальной рациональностью экономической деятельности понимается такая степень расчета, которая технически возможна или фактически применяется»[5]. По отношению к данной дефиниции можно высказать первое замечание о ее несоответствии правилам логики: все, что фактически применяется, должно быть технически возможным; однако то, что единственно возможно, может фактически не применяться. Следовательно, критерий технической возможности излишен и потому ошибочен. Во-вторых, использование крайне смутного понятия «формальная рациональность» бесполезно, поскольку оно не содержит ничего нового по сравнению с понятием «применение расчета». Поэтому выражение «формальная рациональность экономической деятельности» следует заменить определением «калькулируемая экономическая деятельность» или просто «экономический расчет». Убедиться в обоснованности такой замены можно уже на следующей странице трактата Вебера: «…деньги – это наиболее совершенное средство экономического расчета, то есть, они являются наиболее формально-рациональным средством, управляющим экономической деятельностью»[6]. Определяя деньги как «наиболее совершенное средство», Вебер опять-таки не говорит ничего нового. Деньги – единственное средство экономического расчета. При меновом хозяйстве можно вычислить стоимость товаров, но невозможно вычислить отношения меновой стоимости между различными товарами, поскольку общей единицы измерения не существует.

Талкотт Парсонс перевел Веберовскую дефиницию «материальной» рациональности следующим образом:

«…субстанциальная рациональность» есть степень, в которой данная группа людей (независимо от того, как ее определяем) обеспечена или может быть обеспечена надлежащим образом товарами путем экономически ориентированного процесса социального действия. Данный процесс действия может быть объяснен в категориях установленной совокупности основных ценностей, независимо от того, какими они были раньше»[7].

Парсонс неправильно перевел Вебера, хотя этот недостаток типичен для его перевода. Парсонс подчинил именам существительным совершенно не те глаголы. В итоге из приведенных бестолковых и длинных предложений можно извлечь единственный смысл: «материальная рациональность» означает удовлетворение потребностей на основе экономической деятельности. Я предлагаю свой перевод данного фрагмента из «Хозяйства и общества». Для меня важно показать, что Вебер не был настолько банальным (как его представляет Парсонс), хотя писал неясно. Чтобы сделать текст понятным, я поместил

[5] Weber M. Op.cit., s.44
[6] Ibidem, s.45
[7] Parsons T. The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947, p.185

подчиненные предложения в круглые скобки. В квадратных скобках приведены дополнительные выражения, автором которых являюсь я:

«В противоположность (формальной рациональности) под материальной рациональностью (экономической деятельности) понимается степень, при которой способ обеспечения (посредством любой формы экономической активности) товарами любой группы людей (независимо от того, как она определяется) происходит с учетом определенной совокупности ценностей (каким бы они ни были), на основе отнесения к которым данный способ будет, может или мог бы оцениваться». Этот фрагмент взят из незавершенных записей, обнаруженных на письменном столе Вебера после его смерти. Сохраняя благосклонность к автору, можно предположить, что он отдал бы в печать указанный фрагмент в приведенном виде. Но даже самая благосклонная интерпретация данного предложения не содержит никакой новизны и показывает Вебера в самом неприглядном виде.

В отношении терминологии гуманитарных (неточных) наук следует использовать принцип операционализации Бриджмена и принцип фальсификации Поппера. В итоге можно сформулировать следующие критерии правильности терминов в гуманитарных науках:

1. Каждый термин должен определяться таким образом, чтобы он четко фиксировал вид наблюдаемых явлений, которые в каждом конкретном случае дают нам возможность принять решение о том, можно или нельзя пользоваться данным термином.

2. Примеры возможности или невозможности использования терминов должны быть чувственно воспринимаемыми или, на худой конец, представленными настолько детально, чтобы можно было определить их существенные и наблюдаемые свойства.

Приведенная дефиниция «материальной рациональности» не удовлетворяет обеим критериям. Невозможно ни обнаружить, ни вообразить такой вид экономической деятельности (как и любой человеческой деятельности), который бы не осуществлялся в соответствии с определенными ценностями. Следовательно, дефиниция Вебера бесполезна. «Материальная рациональность» может означать только «подчинение действия одной цели».

Но это не значит, что исторический анализ Вебера вообще не обладает никакой ценностью. Он может ею обладать только при условии: везде, где говорится о рациональности экономических отношений, следует применять понятие экономического расчета. Оно способно выдержать критику. Вебер абсолютно прав, когда утверждает, что такой расчет есть основа рационального действия. Но он не прав, полагая, что расширение сферы применения экономического расчета способствует росту рациональности. В действительности может иметь место следствие изменения основных жизненных целей. Например, в том случае, если супруги начинают считать стоимость услуг, предоставленных друг другу. Поведение каждого из них может быть рациональным с точки зрения ин-

дивидуального дохода. Однако такое поведение не может рассматриваться как рациональный метод укрепления семейной связи и супружеской любви. Частота экономического расчета в семье позволяет заключить, что ее члены уже не любят друг друга. Из Веберовского способа использования категорий «рациональность» и «рационализация» вытекает: чем менее люди движимы щедростью, чувством справедливости и незаинтересованностью, тем более рационально общество. Однако множество других положений Вебера противоречат такому выводу. Следовательно, мы еще раз убедились в наличии серьезных противоречий в терминологии, которой он пользовался.

Многие утверждения Вебера станут более устойчивыми в отношении критики, если термин «рационализация» заменить выражением «расширение сферы экономического расчета». Особенно это относится к его тезису о влиянии протестантской этики на рационализацию образа жизни. Правда, причинная связь здесь весьма опосредована. Ни один из пророков протестантизма не призывал верующих руководствоваться экономическим расчетом. Вожди протестантов призывали к трудолюбию и сдержанности. Тем самым они способствовали развитию бережливости и накоплению капитала. Таким образом они повлияли на развитие рыночной экономики, которая, в свою очередь, увеличила сферу экономического расчета.

В то же время ни приведенные дефиниции, ни предложенная Вебером классификация типов действия не дают оснований для вывода: цель накопления капитала на основе упорного труда является более рациональной по сравнению с другими способами накопления богатства и стремлениями к достижению других жизненных целей.

Нетрудно убедиться, что в целом Вебер был прав, когда рассматривал протестантизм (особенно кальвинизм) как стимул для развития капитализма. Но он ошибался, полагаю «рационализацию» образа жизни элементом, связывающим протестантизм и капитализм. Такая «рационализация» не столько пролагала путь «рациональному» бизнесу, сколько была его следствием. В аналитической философии со времени Юма общеизвестно положение: конечные цели не могут квалифицироваться как рациональные или нерациональные. Иначе говоря, невозможно решить, кто поступает более рационально: бизнесмен, который лишает себя свободного времени и удовольствия ради денег; художник, который предпочитает жить в нищете, посвящая жизнь живописи; или «птица небесная», которая не может вынести скуку одного занятия и постоянно меняет род деятельности и место жительства. А что же рационального в тяжелом труде и экономной жизни, если человек располагает достаточным количеством средств для того, чтобы отдыхать и пользоваться благами жизни? Эти примеры показывают, что все зависит от ценностей, которые для людей являются конституирующими. Я уже упоминал книгу «Сифилис, пуританство и охота за ведьмами». В ней я попытался показать, что главной причиной роста бережливости в период рождения пуританства был панический страх перед любыми

удовольствиями. А страх был вызван эпидемией сифилиса, которая в то время свирепствовала в Европе.

Вообще говоря, есть нечто иррациональное (т.е. нелогичное) в том, чтобы верить в предопределение и одновременно занимать активную жизненную позицию. Если спасение или осуждение человека на вечные муки были предрешены еще до рождения, то зачем ему напрягаться? Такая вера в предопределение нередко квалифицируется как фатализм и полагается причиной стагнации и регресса мусульманских стран. Почему же аналогичное явление стало причиной трудолюбия, предприимчивости и бережливости кальвинистов? Характерная для мусульман апатия с логической точки зрения более соответствует вере в предопределение. Следовательно, апатия в большей степени заслуживает имени рациональной жизненной позиции. И все же весьма вероятно, что кальвиновская доктрина предопределения каким-то образом повлияла на генезис капитализма, связывая нищету с осуждением на вечные муки. Тем самым была опрокинута вечная традиция церкви – трактовка нищеты как добродетели и связанная с нею моральная обязанность подаяния бедным. Как верно заметил Вебер, представление о том, что бедные тоже осуждаются богом, облегчило для богатых накопление капитала, освободив их от угрызений совести. Более того, доктрина предопределения способствовала ограничению щедрости и расточительства. Тем самым она способствовала укоренению среди бедняков трудолюбия и расчета. Каждый человек, который не мог сам себя обеспечить и не обладал капиталом, был поставлен перед лицом смерти.

Почему же Вебер определил как «рационализацию» столь сложную совокупность произвольных и логически не связанных верований? Почему вера в текст Библии рациональнее веры в слово священника? Дело в том, что бизнесмен целиком посвящает себя деланию денег. Поэтому по сравнению с другими людьми экономический расчет играет большую роль в его жизни. Но то же самое можно сказать о хитром политике, о планирующем битву генерале, об организующем свой ганг мафиози. Все они должны приложить большие усилия для осторожного планирования и оценки возможных прибылей и потерь. Испанский идальго предпочитает подвергать свою жизнь опасности в различных приключениях, нежели унижаться жизнь, основанной на собственном труде. Член племени Квакиутлей во время торжественного пари-потлача полностью уничтожает накопленное им же самим имущество для того, чтобы снискать уважение соплеменников. Все они действуют в соответствии с собственными ценностями и с помощью надлежащих средств. Иначе говоря, по сравнению с бизнесменом они действуют не менее рационально, хотя менее руководствуются экономическим расчетом. Не исключено, что неудачно избранный Вебером термин есть следствие псевдосиллогизма. Его первая и явная посылка гласит: экономический расчет равен рациональности как таковой. Вторая и скрытая посылка связана с допущением: если институт или верование способствуют расширению сферы рациональности (т.е. экономического расчета), то они тоже

рациональны. Этот комплекс необоснованных посылок должен быть скорректирован для того, чтобы верно оценить Веберовский анализ исторических причинных связей.

Итак, мы обнаружили несколько разных и даже противоположных смыслов, которые скрываются за Веберовским термином «рациональность». Мы убедились также, что основная причина включения в состав одного термина множества различных явлений состоит в определенной связи. Она возникает между данными явлениями, если они рассматриваются как условия (аспекты) генезиса и развития промышленной цивилизации. Этот процесс был следствием прогресса науки, техники и искусства организации, развитие которых базировалось на накоплении эффектов правильного или рационального рассуждения. Несомненно, по сравнению с другими цивилизациями промышленная цивилизация (с опорой на науку) развивала области, в которых рациональное мышление обладало первостепенным значением. Однако накопление эффектов рационального мышления ведет к непредвиденным последствиям, которые противоречат поставленным целям. Эти последствия невозможно признать рациональными в любом из смыслов данного понятий, как бы мы его не определяли. Кроме того, зачастую продукты рационального мышления используются нерационально (неэффективно), а также для достижения иррациональных целей. Рост объема рационального мышления и общая рациональность всей социальной структуры и культуры – это два разных феномена, которые противостоят друг другу. Ни Вебер, ни кто-либо другой не доказал, что эти явления взаимосвязаны. И никто еще не привел убедительных аргументов, на основании которых они должны гармонично сосуществовать. Веберовская иерархизация цивилизаций в соответствии со шкалой рациональности не имеет под собой никаких оснований. Поэтому надо отвергнуть эту идею. И при этом иметь в виду, что Вебер пытался упорядочить цивилизации сообразно степени, в которой каждый из них использует рациональное мышление, включая экономический расчет.

Для технико-экономического прогресса надо вкладывать инвестиции прежде всего в производство, а не в грабеж. Иначе говоря, прогресс порожден ориентацией капитализма на производство, а не на грабеж и эксплуатацию. Уже отмечалось, что примером последней ориентации для Вебера были налогосборщики Древнего Рима. Я думаю, что именно по этой причине Вебер называл промышленный капитализм «рациональным», а разбойничий – «иррациональным».

Для развития промышленного капитализма нужна подробно разработанная система права (в широком смысле слова), которое используется регулярным и предвидимым образом. Поэтому Вебер называл «рациональной» систему права, которая удовлетворяет данному условию, а развитие правовой системы в данном направлении квалифицировал как «рационализацию права».

Промышленный капитализм не может развиваться без достаточно централизованной, строго организованной и регулярно функционирующей публичной

администрации. По этой причине Вебер называл «рациональной бюрократией» административные машины, которые обладают указанными свойствами. А те системы, которые такими свойствами не обладали (т.е. были более простыми, менее централизованными и функционировали нерегулярно), получили этикетку «нерациональных».

Наличие денег и расчет доходов и расходов – наиболее очевидное условие развития рыночной экономики, в том числе рыночного капитализма. По этой причине Вебер поставил знак равенства между экономическим расчетом и рациональностью, совершенно пренебрегая проблемой величины, иерархии и невозможности сравнения стоимости товаров.

Для прогресса промышленного капитализма требуется культивирование обычая упорного и систематического труда, бережливости, инвестиций вы производство. На этом основании Вебер называл «рациональным» образ жизни, который соответствует данным свойствам. По этой причине он полагал монашеские ордена средневековья центрами экономической рациональности. Они приписал «рациональность» религиям, которые успешно формируют перечисленные установки. И квалифицировал как «иррациональные» те религии, которые мало или вообще не способствуют развитию таких установок. Именно это имел в виду Вебер, когда писал о вкладе протестантизма в «рационализацию» образа жизни.

Нетрудно убедиться, что «семантический мешок» Вебера содержит главную идею. Она состоит из комплекса рациональных положений, хотя между ними нет логического соответствия. Вебер пытался охватить все явления с помощью одного общего понятия. Такая попытка не имеет ничего общего с поведением, которое способствует развитию знания. В заключение подчеркну еще раз: труды Вебера, особенно его работы, в которых содержится объяснение исторических процессов, станут более устойчивыми в отношении критики, если понятие «рациональности» и все его производные заменить другими соответствующими терминами.

Перевод с польского В.П.Макаренко

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2010 году

Слово редактора
МАКАРЕНКО В.П. Ортодоксальный консенсус или поисковая критика: на пути к теории потерянного рая.....№ 1
МАКАРЕНКО В.П. Jus resistendi и дрессированные зайцы.....№ 2
МАКАРЕНКО В.П. Идея и концепт национальной самокритики.....№ 3
МАКАРЕНКО В.П. Проблема двоемыслия и природа евро-российского интеллектуализма.....№ 4

Общие проблемы политической концептологии
Современность: дилеммы и парадоксы (материалы круглого стола).....№ 3
COLLINS R. Technological Displacement and Capitalist Crises: Escapes and Dead Ends.....№ 1
ДУБИН Б.В. Классика, вокруг и после (о границах и формах культурного авторитета).....№ 4
КОЛЛИНЗ Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики (пер. Н. Проценко).....№ 1
МАКАРЕНКО В.П. Петушиное слово: ретроспективные заметки.....№ 4
ОБОЛОНСКИЙ А.В. Геополитика – аморальный вид ложного сознания и цивилизационные альтернативы.....№ 1
ПАВЛОВ А.В. Гражданская война политической теории.....№ 4
ЧУКИН С.Г. Перспектива приходской колокольни против статуи Свободы: к полемике между коммунитаристами и ролзовцами.....№ 3
ШНИРЕЛЬМАН В.А. Расизм, этничность и демократия: национальные модели.....№ 4

Общество: концепты, институты и символы
ОЛЕЙНИК А.Н. Русская власть: конструирование идеального типа.....№ 1
ПОЦЕЛУЕВ С.П. Диалог исторических времён в конструктах гражданской нации.....№ 1

Русская власть: описания и рефлексии
Система русской власти: диссонансы или созвучия концептов? (материалы круглого стола).....№ 2
ЛУБСКИЙ А.В. Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса.....№ 2
МАКАРЕНКО В.П. «Свой чужой»: концепт русской власти.....№ 2

Аналитическое правоведение
КРАВЦОВ Н.А. Философия права Мишеля Вилле (окончание).....№ 1

Национальный и региональный контекст
Проблема воспроизводства абсурда (от редакции).....№ 3
ГУДКОВ Л.Д. Есть ли основания у теоретической социологии в России?.....№ 3
ГУДКОВ Л.Д. Понятие времени в социологии и временны́е характеристики социальных структур в социологических исследованиях.....№ 4
ДЕРЛУГЬЯН Г.М. Главы из книги «Адепт Бурдье на Кавказе».....№ 3
РОЗОВ Н.С. Перевал к новой логике развития страны на основе гражданской самоорганизации и институциональных преобразований (как преодолеть колею циклов российской истории).....№ 4
ФИСУН А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация.....№ 4

Научное сообщество
ГАТИНА М.Р. Возникновение науки в Англии в XVII веке: случай имперско-колониальной модели взаимодействия науки и власти.....№ 2
ПАВЛОВ А.В. Аналитическая политическая философия?.....№ 2
ПАНТЕЛЕЕВА Е.В. Учёные и приматы перед лицом государства: к советскому опыту этатизации науки.....№ 2
СУББОТИН А.И. О смысловом потенциале культурологической терминологии М.К.Петрова.....№ 2

Переводы и комментарии
КАМПЕР Д. Ассоциации. Семь контрпредложений об искусстве, терроре и цивилизации.....№ 4
МАРЕШ Р. Дитмар Кампер: портрет философа-маргинала и аутсайдера.....№ 4

Dissertatio pro gradu doctoris
ПОЦЕЛУЕВ С.П. Моральные диалоги в модели «отзывчивой демократии» А.Этциони.....№ 4

Научная жизнь
СУББОТИН А.И. Феномен интеллектуальной стагнации и будущее российской политики.....№ 1
СУББОТИН А.И. Незавершённая дискуссия в рамках семинара по политической концептологии.....№ 3
СУББОТИН А.И. Бюрократия: социальный институт или образ жизни.....№ 4
РОЗОВ Н.С. Возвращение политэкономии или потребность в исторической макросоциологии?.....№ 1

Книжная полка
КУРЕННОЙ В.А. Немецкие мандарины: критические заметки.....№ 2
МАКАРЕНКО В.П. Техно-якобинцы на подхвате.....№ 1

НАШИ АВТОРЫ

Комарова Галина Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

Макаренко Виктор Павлович – заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, доктор политических и философских наук, профессор, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Поликарпов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, научный редактор журнала «Вопросы истории».

Проценко Николай Петрович – младший научный сотрудник Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

Савчук Валерий Владимирович — доктор философских наук, профессор философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Семенков Вадим Евгеньевич – кандидат философских наук, доцент факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, член редакционной коллегии журнала «Credo New».

Ткаченко Василий Николаевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Академии педагогических наук Украины.

Фокин Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Contents

Editor's Word
MAKARENKO V.P. Service for State Machinery in Russia: Political and Ideological Properties.....4

National and Regional Context
Political Bureaucracy and the Ruling Minorities: The Case of Russia Today (Round Table Discussion).....39
PROTSENKO N.P. In Search of a Fictional Class.....82
TKACHENKO V.N. The Sovereign Bureaucracy of Ukraine: in the Zone of Double-Periphery.....89
POLIKARPOV V.V. The Fate of Property Rights in the Late Russian Empire.....104

Science community
KOMAROVA G.A. Scientific Community as an Interdisciplinary Field.....133
V.E.SEMENKOV – V.V.SAVCHUK. Philosophy from Harbin to Berlin.....151

Translations & Comments
FOKIN S.L. Translation as a Misfortune of Russian Philosophy.....162
MAKARENKO V.P. The Unbroken Record and the Problem of Attitude toward the Champions (Abstract of Stanislaw Andreski's book *Maxa Webera olsnienia i pomylki. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992*).....178
ANDRESKI ST. The most Vulnerable Point: the Problem of Rationality.....210

Publications Index 2010.....236
Our Authors.....239
Contents.....240
Summaries.....245
Notes for contributors.....248

Аннотации

Макаренко В.П. – Обслуга государственной машины России: политико-идеологические свойства

Ключевые слова: *государственный аппарат, бюрократия, бюрократическое отношение, государственный формализм, политический рассудок.*

В статье представлена авторская концепция бюрократии и её политико-идеологических свойств. Статья разделена на две части: общую и особенную. В общей части автор определяет основные понятия (бюрократическое отношение, государственный формализм, политический рассудок и др.) и принципы исследования феномена бюрократии. Особенная часть посвящена конкретизации исходных категорий в зависимости от специфики политической истории различных стран. Предметом рассмотрения в особенной части служат следующие вопросы: политическая бюрократия и интеллигенция России; авторитарно-бюрократические тенденции русских революций; разработка теории оппозиции; исследование проблемы легитимности и др. Автор полагает, что предложенная концепция бюрократии может стать универсальной социологической теорией, мера эвристичности которой определяется возможностью противостояния любым формам экономического, социального, политического и идеологического отчуждения в конкретных обстоятельствах места и времени.

Политическая бюрократия и господствующие меньшинства: случай сегодняшней России (материалы круглого стола)

Ключевые слова: *бюрократия, номенклатура, элитарные группы, легитимность, политическая власть, модернизация, гражданское общество.*

Творческая мастерская, проходившая в Ростове-на-Дону 27-29 апреля 2010 г., была посвящена обсуждению проблемы «эрзац-элит», в современной России. В качестве отправной точки обсуждения послужило масштабное исследование российских элитарных групп, проводившееся в 2005-2006 гг. сотрудниками Левада-Центра, результаты которого были обобщены в монографии Л.Д.Гудкова, Б.В.Дубина, Ю.А.Левады «Проблема „элиты“ в сегодняшней России». Результаты исследований Левада-Центра вызвали живейший интерес участников творческой мастерской, послужив причиной жаркой дискуссии по вопросам: о деятельности Левада-Центра, методологических и этических основаниях его исследований, о перспективах становления гражданского общества в России, о тенденциях развития взаимоотношений между властью и элитными группами и т.д.

Проценко Н.П. – В поисках вымышленного класса

Ключевые слова: *средний класс, государственный класс, классовый конфликт, гражданское общество.*

В статье анализируются перспективы становления среднего класса в России. В основу статьи положен тезис И.Валлерстайна о конфликтной обусловленности генезиса классов. Автор рассматривает основные конфликты, сопровождающие российское общество в последние несколько лет, и задаётся вопросом: сможет ли ситуация конфликта между «государственным классом», и социальными группами предпринимателей, привести к возникновению среднего класса?

Ткаченко В.Н. – Суверенная бюрократия Украины: в зоне двойной периферии

Ключевые слова: *мир-система, суверенитет, бюрократия, корпоративизм, олигархия.*

Автор рассматривает процессы становления Украины в качестве суверенного государства и анализирует сопровождающие их негативные тенденции: возникновение и укрепление «суверенной бюрократии», олигархическую корпоративизацию украинского общества, падение производства и снижение уровня жизни населения и т.д. Как полагает автор, в отсутствие консолидированного гражданского общества, Украине предстоит пройти чреватую осложнениями фазу превращения олигархического корпоративизма в его бюрократическо-олигархическую разновидность.

Поликарпов В.В. – Судьба права собственности в поздней Российской империи

Ключевые слова: *имущественные отношения, право собственности, экспроприация.*

Статья посвящена анализу изменений в отношениях собственности в поздней Российской империи. Обращаясь к многочисленным фактам усечения прав собственности в последние годы царизма, автор убедительно показывает, что распространённое представление о восприятии «духа римского права» в процессе экономической и социальной модернизации пореформенной России, является ошибочным. Напротив, история выработки и применения экспроприационных законов, свидетельствует о том, что политика царского правительства в отношении частной собственности была направлена против всех её основных устоев – права владения, пользования, распоряжения.

Комарова Г.А. – Научное сообщество как междисциплинарное исследовательское поле

Ключевые слова: *антропология антропологии, этнометодология, профессиональная субкультура, интерпретативный подход.*

Основной задачей статьи автор видит познакомить читателя с научным подходом, который разрабатывается в мировой антропологии с конца 1960-х гг., – антропологией антропологии,

или изучением антропологии антропологическими методами. Автор выделяет три основных генеалогических составляющих данного подхода: - интерпретационизм (К.Гирц, Г.Гарфинкель и др.), - исследования науки и технологии (STS – Science & Technology Studies; Б. Латур, С. Вулгар, К. Кнорр-Цетина, Ш. Трэвик, Х. Гастерсон и др.), - постмодернизм (Ст.Фиш и др.). Совпадение трёх перечисленных генеалогий привело к возникновению рассматриваемого направления исследований в виде двойной рефлексии, основу которой составила конструктивистская парадигма: наблюдение за тем, как учёные конструируют мир природы, сочетается с изучением того, как сами учёные конструируют мир научного сообщества. По мнению автора, такой поворот способен вывести антропологию на новый уровень развития.

В.Е.Семенков – В.В.Савчук. Философия от Харбина до Берлина

Ключевые слова: *современная философия, философия и власть, институциональные формы организации философии.*

В статье представлены материалы интервью сотрудника журнала «Credo new» Семенкова В.Е. с доктором философских наук, профессором философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, членом жюри «Вторая навигация» Валерием Владимировичем Савчуком. Среди основных вопросов, заданных интервьюером: каково состояние современной философии, каковы перспективы её развития в России, какие философские школы наиболее заметны в современной России, какие институциональные формы наиболее оптимальны для нынешней философии и др.

Фокин С.Л. – Перевод как незадача русской философии

Ключевые слова: *философия языка, теория перевода, мимесис*

Исходной проблемой для автора статьи является отсутствие в русской философии традиции рассмотрения перевода в качестве особой философской задачи, невнимание к языку, исходя из которого работает мысль. В результате в России так и не сложилась полноценная философия языка с проработанной онтологией перевода. В качестве яркого примера в статье представлена критика концепции мимесиса В.А.Подороги. Автор выявляет присущие этой концепции противоречия, связанные, прежде всего, с её монологизмом, с нежеланием В.А.Подороги мыслить творческий акт в понятиях перевода.

Макаренко В.П. – Непобитый рекорд и проблема отношения к чемпионам

Ключевые слова: *философия искусства, эстетика, социология культуры, терроризм, цивилизация.*

Данная статья предваряет публикацию фрагмента книги Ст.Андрески *«Озарения и ошибки М.Вебера» («Maxa Webera olsnienia i pomylki», Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa, 1992)*. В статье резюмировано содержание книги, изложена предыстория перевода, проанализированы основные направления критики социологии М.Вебера.

Андрески Ст. – Самое уязвимое место: понятие рациональности

Ключевые слова: *история социологии, социологическая теория, понятие «рациональность».*

Журнал «Политическая концептология» публикует перевод фрагмента книги известного польского социолога Станислава Андрески *«Maxa Webera olsnienia i pomylki» (Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa, 1992)*, посвящённого критике веберовского понятия рациональности и рационализации. Автор эксплицирует несколько различных смыслов термина «рациональность», который используется М.Вебером, демонстрирует противоречивость этих смыслов, и настаивает на замене понятия «рациональности» и всех его дериватов более адекватными терминами. Перевод с польского выполнен В.П.Макаренко.

Summaries

Makarenko V.P. – Service for State Machinery in Russia: Political and Ideological Properties

Keywords: *state apparatus, bureaucracy, bureaucratic relation, state formalism, political reason.*

Abstract: The paper considers the concept of bureaucracy and its political and ideological features. In the main part of the article, the author defines the basic concepts (bureaucratic relation, state formalism, political reason, etc.) and principles of studying the bureaucracy phenomenon. A special part of the article is devoted to specifying the initial categories, depending on the specifics of the political history of different countries. It addresses the following issues: the political bureaucracy and the Russian intelligentsia, the authoritarian and bureaucratic tendencies of Russian revolutions, the development of the theory of the opposition; study the problem of legitimacy, etc. The author believes that the proposed concept of bureaucracy can be a universal sociological theory; the heuristic logic of this theory is determined by the possibility of opposition to any form of economic, social, political and ideological alienation in specific circumstances of place and time.

Political Bureaucracy and the Ruling Minorities: The Case of Russia Today (Round Table Discussion)

Keywords: *bureaucracy, nomenclature, elite groups, legitimacy, political power, modernization, civil society.*

Abstract: The creative workshop, held in Rostov-on-Don, April 27-29, 2010, was devoted to discussing the issue of ersatz elites in contemporary Russia. As a starting point for discussions was a large-scale study of Russian elite groups. This study was conducted in 2005-2006 by experts of the Levada Center, and the study results were summarized in a monograph of L. Gudkov, B. Dubin, and A. Levada "Problem of Elite in Russia Today." The research results of the Levada Center caused the liveliest interest among the workshop participants and led to the heated debates on issues such as the activities of the Levada Center; methodological and ethical foundations of his research; the prospects for the development of civil society in Russia; the trends of development of relations between government and elite groups, etc.

Protsenko N.P. – In Search of a Fictional Class

Keywords: *middle class, state class, class conflict, civil society.*

Abstract: The prospects of becoming a Russian middle class are analyzed in the article. This article is based on the thesis of I. Wallerstein: genesis of classes is caused by conflicts. The author examines the major conflicts which accompany the Russian society in the past few years, and asks the question: is it possible that the conflict between "public class" and social groups of entrepreneurs will lead to the rise of middle class?.

Tkachenko V.N. – The Sovereign Bureaucracy of Ukraine: in the Zone of Double-Periphery

Keywords: *world-system, sovereignty, bureaucracy, corporatism, oligarchy.*

Abstract: The author examines the formation processes of Ukraine as a sovereign state, and analyzes the negative trends accompanying these processes: the emergence and consolidation of "sovereign bureaucracy", oligarchic corporativisation of Ukrainian society, the decline in production and lower living standards, etc. As suggested by the author, in the absence of consolidated civil society, Ukraine has to pass the fraught with complications phase of transformation of oligarchic corporatism into its bureaucratic-oligarchic species.

Polikarpov V.V. – The Fate of Property Rights in the Late Russian Empire

Keywords: *privity, ownership, expropriation.*

Abstract: The changes in property relations in the late Russian Empire are analyzed in the article. Referring to the numerous cases of truncation of property rights in recent years of tsarism, the author shows convincingly that the common understanding of the perception of "the spirit of Roman law", in the process of economic and social modernization of the post-reform Russia, is wrong. On the contrary, the history of the development and application of expropriational laws indicates that the policy of the tsarist government, in respect of private property, was directed against all its major pillars - ownership, use and disposal.

Komarova G.A. – Scientific Community as an Interdisciplinary Field

Keywords: *anthropology of anthropology, ethnomethodology, professional subculture, an interpretative approach.*

Abstract: The main task of his article the author sees in the reader's familiarity with the scientific approach which is being developed in the anthropology since the late 1960's. This approach is 'anthropology of anthropology' or the study of anthropology with anthropological methods. The author distinguishes the three main components of the genealogy of this approach: - interpretationism (C. Geertz, H. Garfinkel, etc.); STS - Science & Technology Studies (B. Latour, S. Woolgar, K. Knorr-Cetina, S. Trevik, H. Gasterson, etc.); post-modernism (St. Fish, etc.). The coincidence of these genealogies led to the appearance of above-named area of research in the form of a double reflection, the basis of which was the constructivist paradigm. The essence of this paradigm is to observe how scientists construct the natural world. This is combined with the study of how scientists themselves construct the world of scientific community. According to the author, this turn is able to bring anthropology to a new level.

V.E. Semenkov – V.V. Savchuk. Philosophy from Harbin to Berlin

Keywords: *modern philosophy, philosophy and power, the institutional forms of philosophy.*

Abstract: The article presents some materials from an interview with V.E. Semenkov, an employee of magazine «Credo new». This interview was conducted by Valery V. Savchuk. He is professor of Philosophy at the St. Petersburg State University, and also a member of the jury "Second

Navigation". Among the main questions asked by the interviewer were: What is the state of modern philosophy; what are its prospects in Russia; what kind of philosophical schools are most noticeable in today's Russia; what institutional forms are optimal for the current philosophy, etc.

Fokin S.L. – Translation as a Misfortune of Russian Philosophy

Keywords: *philosophy of language, translation theory, mimesis.*

Abstract: The original problem for the author is the lack of tradition in Russian philosophy to consider the translation as a specific philosophical task as well as a lack of attention to language, from which starting the idea works. As a result, a complete philosophy of language with a sophisticated ontology of translation has not been formed in Russia. The critique of V.A. Podoroga's concept of mimesis is presented in the article as a bright example of these lacks. The author reveals the contradictions which are inherent to this concept and associated primarily with its monologism. The V.Podoroga's reluctance to think the creative act in terms of translation is discussed in this connection.

Makarenko V.P. – The Unbroken Record and the Problem of Attitude toward the Champions (Abstract of Stanislaw Andreski's Book *Maxa Webera olsnienia i pomylki. Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa 1992*)

Keywords: *philosophy of art, aesthetics, sociology of culture, terrorism, civilization.*

Abstract: This article precedes the publication of a fragment of St.Andreski's book "Irradiations and Errors of Max Weber" *(«Maxa Webera olsnienia i pomylki», Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa, 1992).* The author summarizes the contents of this book, outlines the background of translation, and analyzes the main trends of criticism of Max Weber's sociology.

Andreski St. – The most Vulnerable Point: the Problem of Rationality

Keywords: *history of sociology, sociological theory, the concept of "rationality".*

Abstract: The Journal "The Political Conceptology" publishes a translation of a fragment of the book by renowned Polish sociologist Stanislaw Andreski "Maxa Webera olsnienia i pomylki" (Wydawnictwo naukowe PWN, Warszawa, 1992). This fragment is devoted to criticism of Weber's concept of rationality and rationalization. Author explicates the several different meanings of the term "rationality" which is used by Weber, shows the inconsistency of these meanings, and insists on replacing the concept of "rationality" as well as all its derivatives by the more appropriate terms. Translation from the Polish by M.P. Makarenko.

К сведению авторов

Требования к оформлению статей:

1. Статья должна быть объемом не более 1,0 п.л. – 40 тыс. знаков, набрана в формате .doc (Microsoft Word или OpenOffice.org).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт Times New Roman, 14 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.
3а. Допускается использование шрифтов Arial и Courier New для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

4. Сноски обычные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

5. Текст сносок оформляется следующим образом: Фамилия И.О. Название работы. Город, год издания. С. 23; Фамилия И.О. Название статьи // Название журнала. Год. Номер. С. 15. (без дополнительных тире).

7. Статью следует отправлять в электронном виде по адресам: politconcept@mail.ru, konstantinov-ms@mail.ru (просьба дублировать на оба адреса). В теме письма укажите: «Статья для электронного журнала «Политическая концептология».

Рукописи не возвращаются. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о своём решении относительно публикации по запросу автора.